

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 1
(январь–март)

2017

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº 1

(JANUARY–MARCH)

2017

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№1 (9) (январь–март)

E-journal «Perspectives and prospects»
2017
№1 (9) (January–March)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова – доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;
П.П. Яковлев – доктор экономических наук;
А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2017

Содержание:

Петр ЯКОВЛЕВ. «Трампономика» и параметры глобальной нестабильности	5
Владимир МЯСНИКОВ. Россия и Восток. Становление отечественного китаеведения	20
Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА. Актуальный баланс сил в Азии и положение Индии	40
Александр САЛИЦКИЙ, Нелли СЕМЕНОВА. Китай: роль энергетики в модернизации и инфраструктурном развитии	56
Петр ЯКОВЛЕВ. Россия и Испания: векторы взаимодействия (к 40-летию установления дипломатических отношений)	66
Тимофей ДМИТРИЕВ. Американская внешняя политика и ее архитекторы: взгляд слева	82
Владимир ВАСИЛЬЕВ. Меняющаяся Америка: размышления над «Империей свободы» Н. Злобина	101
Authors	110
Abstracts and Keywords	111

Contents:

Petr YAKOVLEV. Trumponomics and the Elements of Global Instability	5
Vladimir MYASNIKOV. Russia and the Orient: Russian Studies of China	20
Natalia EMELYANOVA. The Current Balance of Power in Asia and India's Position	40
Aleksander SALITSKY, Nelli SEMYONOVA. China: Role of Energy in Modernization and Development of the Infrastructure	56
Petr YAKOVLEV. Russia And Spain: Lines of Interaction (in commemoration of the 40th anniversary of establishing diplomatic relations)	66
Timofey DMITRIEV. American Foreign Policy and Its Architects: A View from the Left	82
Vladimir VASILIEV. A Changing America: Reflections on the «Empire of Freedom» by N. Zlobin	101
Authors	110
Abstracts and Keywords	111

УДК 324; 327; 338; 339;

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

«Трампономика» и параметры глобальной нестабильности

Аннотация. *Победа на президентских выборах кандидата-миллиардера Дональда Трампа может стать точкой отсчета нового политического времени не только в США, но и в международной сфере. Исходя из предвыборных заявлений будущего хозяина Белого дома, логично предположить, что самые глубокие перемены произойдут в мировой экономике и торговле. Новый курс Вашингтона способен заметно изменить сам характер процесса глобализации и повлиять на финансово-экономические интересы многих государств на всех континентах.*

Ключевые слова: *США, избрание Д. Трампа, «эффект Трампа», «трампономика», глобализация, Азиатско-Тихоокеанский регион, Латинская Америка, трансатлантическое партнерство.*

В политических элитах и уважаемых средствах массовой информации Запада избрание Дональда Трампа президентом самой мощной мировой державы вызвало крайне острую реакцию. Главной причиной было то, что предвыборная программа эксцентричного миллиардера воспринималась как националистическая альтернатива современному глобальному проекту, поскольку содержала целый ряд положений, идущих вразрез с правилами и стандартами поведения в системе мирохозяйственных связей. Иначе говоря, Д. Трамп взял курс на «перезагрузку» глобализации, со всеми вытекающими из этого неоднозначными последствиями.

Подчеркнем, что речь идет не о тотальном отказе от глобализационных процессов как таковых (имея в виду происходящее уплотнение мирохозяйственных связей на современной технико-технологической и информационной основе), а об отрицании «несправедливой» глобализации, которую символизировал тандем Рейган/Тэтчер и которая привела к углублению социального неравенства и межстрановых диспропорций. В данном контексте «феномен Трампа» — это свидетельство провала глобализации, скроенной по лекалам «вашингтонского консенсуса».

Сведения об авторе: *Яковлев Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; petrp.yakovlev@yandex.ru.*

Антиглобалистская программа Белого дома

Д. Трамп выдвинул программу резкого снижения налогов на американские корпорации и наиболее состоятельных граждан США (потери бюджета за 10 лет могут составить порядка 7 трлн долл.), а также повышения военных расходов и наращивания инвестиций в инфраструктурные мегапроекты на территории Соединенных Штатов (дополнительно на инфраструктуру выделяют минимум 500 млрд) [О'на]. Чтобы компенсировать эти потери и затраты, новая вашингтонская администрация планирует взять на вооружение протекционистские меры, защищающие местную промышленность, и вынудить американские компании, получающие прибыли за рубежом и скрывающие часть доходов в офшорных зонах, перевести финансовые ресурсы под юрисдикцию США в рамках программы «отбеливания» капиталов.

Помимо этого, будущий хозяин Белого дома провозгласил курс на дерегулирование финансовой сферы и отраслей реальной экономики, предусматривающее, в числе прочего, отмену ограничений на добычу и экспорт углеводородов и ослабление требований по защите окружающей среды.

Особое беспокойство во всем мире вызвали шокирующие планы избранного американского президента в сфере внешнеэкономических отношений. В том числе:

- решимость переписать правила глобальной экономики, резкая критика глобализации как причины кризисного состояния целых секторов обрабатывающей промышленности США и местного рынка рабочей силы (перенос производственных мощностей в другие страны, значительное сокращение занятости в индустриальных отраслях, замораживание или падение реальных доходов «средних американцев»);
- намерение ревизовать политический курс Б. Обамы, нацеленный на расширение зон свободной торговли и формирование межрегиональных интеграционных мегаблоков — Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), как не соответствующий стратегическим торгово-экономическим интересам США. Отношение нового хозяина Белого дома к соглашениям о свободной торговле предельно откровенно сформулировал миллиардер Уилбур Росс, назначенный Д. Трампом министром торговли США: «Свободная торговля — это как бесплатные обеды, которых не бывает. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. К сожалению, мы с нашими глупыми соглашениями (о свободной торговле — П.Я.) оказывались в проигрыше» [Kahhat]. В результате такого подхода администрация Д. Трампа может войти в стратегический клинч с партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Европе;
- одностороннее введение протекционистских барьеров в отношении импорта товаров, создающих конкуренцию американским производителям. Тем самым Вашингтон угрожает нарушить принципы Всемирной торговой организации (ВТО) и, вызвав неизбежные ответные действия со стороны экспортеров, развязать коммерческие войны. Показательно, что одной из центральных тем предвыборной кампании Д. Трампа стала критика внешнеэкономической политики Китая, обвиненного в «недобросовестной торговле»;

- усиление международных финансовых рисков в связи с намерением Вашингтона укреплять американскую валюту, что повлечет за собой рост стоимости долгов, накопленных развивающимися странами и оцениваемых в 3,2 трлн долларов. Кроме того, финансовая политика Белого дома способна спровоцировать «бегство капиталов» с развивающихся рынков и девальвацию валют стран Азии и Латинской Америки (этот процесс уже идет).

Перечисленные и другие планы нового американского лидера, получившие по аналогии с «рейганомикой» наименование «трампономика» (Trumpnomics) [Boskin], рассматриваются большинством экспертов как подрыв процесса глобализации в его нынешнем виде и перевод экономики США на рельсы протекционизма [Diez-Cardiel...Hillary]. Высказываются опасения, в частности, что торпедирование проектов создания ТПП и ТТИП не только нанесет вред международной торговле, но и вызовет глобальную рецессию. Макроэкономическая политика администрации Д. Трампа вполне может стать так называемым «черным лебедем» — во многом неожиданным явлением с трудно прогнозируемыми трансграничными последствиями.

Но не все так просто. Как отмечают международные эксперты, чтобы реализовать свою протекционистскую внешнеэкономическую программу, Д. Трампу придется преодолеть неизбежное сопротивление не только других государств, но и многочисленных влиятельных лоббистов в самих США. Речь идет о финансовых и торговых интересах тех американских корпораций (зачастую самых инновационных и высокотехнологичных), которые «оседлали» глобализацию в ее нынешнем виде и с помощью трансграничного аутсорсинга извлекают максимальные дивиденды из транснационализации производственных и маркетинговых операций. Сторонниками Д. Трампа в своем большинстве являются промышленные компании прошлого, XX в. — металлургические, энергетические, текстильные и т.д., которые к настоящему времени утратили роль драйверов экономического роста. Даже американские автомобилестроительные предприятия, давно перешагнувшие национальные границы, неплохо приспособились к условиям глобального разделения труда и отнюдь не заинтересованы в их изменении, в том числе в возвращении на территорию США производственных мощностей, выведенных за рубеж [El fin...].

Конечно, не все предвыборные обещания президента-миллиардера найдут свое практическое воплощение. Как писал директор авторитетной мадридской консалтинговой фирмы Advice Strategic Consultants Хорхе Диас-Кардьел, «опыт показывает, что кандидаты, побеждающие на президентских выборах с обещанием все изменить в Вашингтоне, заканчивают тем, что Вашингтон изменяет их, а вместо перемен мы видим продолжение прежней политики» [Diez-Cardiel...Trump]. Нельзя исключать, что и с Д. Трампом произойдет аналогичная метаморфоза. Но пока мировой политический и деловой истеблишмент вынужден ориентироваться на программные тезисы и далеко идущие заявления будущего хозяина Белого дома.

Конец «американского века» к югу от Рио-Гранде?

Победа Д. Трампа явилась неприятным сюрпризом для большинства латиноамериканцев. В ходе избирательной кампании тот сделал бесчисленное количество заявлений, прямо или косвенно направленных против интересов стран Латинской Америки и подливающих масла в огонь региональной нестабильности и неопределенности.

Под прицел Д. Трампа в первую очередь попала соседняя Мексика — крупнейший торгово-экономический партнер Соединенных Штатов в регионе и второй по значимости (после Канады) покупатель американской продукции во всем мире. Достаточно сказать, что на промышленных предприятиях США свыше 5 млн человек заняты производством товаров для мексиканского рынка, а оборот американо-мексиканской торговли составляет порядка 1 млн долл. в минуту [Malamud]. Важное место Мексика занимает и в американском реэкспорте — вывозе из США ранее ввезенных товаров для их перепродажи на рынках других государств, что свидетельствует об исключительно тесном взаимодействии бизнес-структур двух стран в рамках действующего с 1 января 1994 г. Североамериканского договора о свободной торговле — НАФТА (табл. 1).

Таблица 1

Товарный экспорт и реэкспорт США (млрд долл.)

	2011	2012	2013	2014	2015
Общий экспорт	1482	1545	1578	1620	1504
Латинская Америка	365	397	408	423	388
Мексика	198	216	226	240	236
Доля Мексики в общем экспорте (%)	13,4	14,0	14,3	14,8	15,7
Доля Мексики в экспорте в Латинскую Америку (%)	54,3	54,4	55,4	56,7	60,8
Общий реэкспорт	182	193	207	221	215
Латинская Америка	54	60	63	66	67
Мексика	38	41	44	48	50
Доля Мексики в общем реэкспорте (%)	20,9	21,2	21,3	21,7	23,3
Доля Мексики в реэкспорте в Латинскую Америку (%)	70,4	68,3	69,8	72,7	74,6

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx

В своей предвыборной программе будущий хозяин Белого дома в буквальном смысле обрушился практически на весь комплекс американо-мексиканских отношений. Острой критике была подвергнута деятельность НАФТА, как не отвечающая интересам американской экономики; озвучивались планы обложения мексиканских товаров импортной пошлиной в размере 35%; прозвучали угрозы депортации миллионов мексиканцев, проживающих на территории США без надлежащих документов (Д. Трамп утверждал, что многие из них «наильники и распространители наркотиков»). Болезненную реакцию мексиканского общества вызвали заявления республиканского кандидата о необходимости воздвигнуть стену на всем протяжении мексикано-амери-

канской границы (отдельные участки стены уже существуют), причем парадоксальным образом предлагалось сделать это за счет мексиканской стороны [Otero Iglesias].

Антимексиканские диатрибы Д. Трампа не только основательно подпортили общественно-политический климат в отношениях между двумя тесно связанными странами, но и нанесли ощутимый финансовый урон экономике южного соседа. Непосредственно после победы на выборах кандидата-миллиардера произошло обесценение на 15% национальной денежной единицы — песо, а мексиканская биржа пережила самое глубокое падение за последние пять лет. «Паника стучится в ворота Мексики. Победа Дональда Трампа, носителя антимексиканской ксенофобии, вызвала к югу от Рио-Гранде финансовую бурю с непредсказуемыми последствиями», — подчеркивалось на страницах ведущей испанской газеты El País [Martínez Ahrens].

«Эффект Трампа» почувствовали на себе и другие латиноамериканские государства. «Вся Латинская Америка задалась вопросом, как на ней отразятся те изменения, которые Вашингтон внесет в свою политику в Западном полушарии», — констатировал известный испанский аналитик Карлос Маламуд [Malamud]. Для многих политиков, экономистов и бизнесменов поворот Белого дома к протекционизму стал своего рода когнитивным диссонансом, поскольку вошел в открытое противоречие с курсом ведущих стран региона на максимальную международную торгово-экономическую открытость.

В числе латиноамериканских государств, которые будут задеты новой макроэкономической политикой Вашингтона, вполне может оказаться Аргентина. Правительство Маурисио Макри, придя к власти в этой стране в декабре 2015 г., сделало ставку на либерализацию экономики, на отказ от протекционизма, который широко практиковала предыдущая администрация Кристины Фернандес де Киршнер, и предприняло шаги по привлечению в Аргентину иностранных инвестиций, включая американские. Во время визита в Буэнос-Айрес президента Б. Обамы (в конце марта 2016 г.) его сопровождали высшие менеджеры 400 корпораций США, рассматривавшие возможности капиталовложений в аргентинскую экономику и обсуждавшие конкретные проекты с местными предпринимателями [Argentina...]. С победой Д. Трампа эти планы повисли в воздухе, что осложнило и без того непростую экономическую ситуацию в Аргентине. Страна, как отметил видный аргентинский дипломат Родольфо Хиль, одновременно оказалась в двух лабиринтах: внутренних проблем, накопленных предыдущим правительством, и внешних шоков, вызванных крутым поворотом в международной стратегии Белого дома [Gil].

Члены Тихоокеанского альянса (группировки, в которую входят Колумбия, Мексика, Перу и Чили) и новые власти Бразилии также декларируют приверженность принципам либерализации глобальной торговли и являются сторонниками развития интеграционных процессов. Таким образом, в межамериканских отношениях возникает пространство новых противоречий, которые могут принять весьма острый характер. «Региону противостоит непредсказуемый и импульсивный деятель, способный как принимать прагматические решения, так и руководствоваться недалёковидными популистскими

соображениями», — суммировал комментарии и оценки многих экспертов известный латиноамериканский аналитик Рохелио Нуньес [Nuñez].

В полосу неопределенности и повышенных рисков вступает начавшийся американо-кубинский диалог, в последние два года охвативший многие области межгосударственных отношений. Д. Трамп весьма критически оценил действия администрации Б. Обамы по нормализации политико-дипломатических, торгово-экономических и гуманитарных связей между Вашингтоном и Гаваной, чем вызвал обоснованные опасения по поводу их будущего. Особое беспокойство проявили поднявшие было голову, все еще сравнительно немногочисленные и слабые, представители частного кубинского бизнеса. Более 100 малых и средних предпринимателей направили письмо избранному президенту, в котором указали на растущую неуверенность в благоприятных перспективах американо-кубинских отношений и призвали Д. Трампа «продолжить политику сближения с Гаваной» и вести дело к расширению экономического сотрудничества. «Дополнительные шаги по увеличению торговли, инвестиций и взаимных поездок ...послужат на благо нашим компаниям, кубинскому народу и будут отвечать национальным интересам Соединенных Штатов», — подчеркивали авторы послания [Empresarios...].

В политических и деловых кругах стран региона с тревогой ожидают дальнейшей эволюции международного положения в Западном полушарии. Латентные негативные факторы, всегда присутствующие в межамериканских отношениях, могут открыто и остро проявиться в самом ближайшем будущем.

Одним из ответов на политику Д. Трампа на латиноамериканском направлении, по мнению экспертов, может стать интенсификация внутрирегиональных торгово-экономических отношений, углубление интеграционных процессов на базе производственной кооперации местных латиноамериканских ТНК — «мультилатинас» [Яковлев]. Другим «латиноамериканским ответом» неизбежно станет активизация хозяйственного взаимодействия с внеконтинентальными партнерами: государствами Азии, Европейского союза, Россией, а также сравнительно динамично растущими африканскими странами. Международное издание деловых кругов «América Economía» считает, что развитие этого тренда в перспективе будет означать закат «Американского века» к югу от Рио-Гранде [El fin...]. Иначе говоря, политика правительства Д. Трампа подтолкнет Латинскую Америку к более интенсивному поиску новых внешнеэкономических альянсов за пределами Западного полушария.

Тихоокеанский фасад глобальной экономики

Крутым поворотом отмечено отношение Д. Трампа к взаимодействию с торгово-экономическими партнерами Вашингтона в ключевом для судеб глобальной экономики Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Первостепенное значение деловых связей с АТР для американского бизнес-сообщества убедительно иллюстрируют данные о торговле США с участниками Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества (АТЭС) — форума, объединяющего 21 экономику Азии и Америки. На долю этих стран в последние

годы приходилось 64–66% всего товарооборота Соединенных Штатов (табл. 2). При этом особой остротой отличались конкуренция между компаниями США и КНР и геополитическое соперничество между Вашингтоном и Пекином.

Таблица 2

Торговля США с участниками АТЭС, млрд долл.

Показатель	2013	2014	2015
Товарооборот США в целом	3905	4031	3811
Экспорт в целом	1578	1620	1504
Импорт в целом	2327	2411	2307
Товарооборот с АТЭС	2490	2591	2497
Экспорт на рынки АТЭС	970	1001	936
Импорт из стран АТЭС	1520	1590	1561
Сальдо в торговле с АТЭС	-550	-589	-625
Доля АТЭС в товарообороте США (%)	64	64	66
Доля АТЭС в экспорте (%)	62	62	62
Доля АТЭС в импорте (%)	65	66	68

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Вполне естественно, что именно АТР рассматривался Вашингтоном как главное географическое направление торгово-экономической экспансии. В качестве наиболее эффективного инструмента стратегии в этом районе мира администрация Б. Обамы избрала формирование ТТП — интеграционного мегаблока, включившего в себя 12 государств АТР во главе с США, но без участия Китая. Соглашение о создании ТТП было подписано 4 февраля 2016 г. в Окленде, Новая Зеландия. Его практическая реализация должна была открыть путь к формированию межрегионального торгово-экономического мегаблока нового типа [Office...]. Главная особенность ТТП — беспрецедентное расширение бизнес-возможностей ТНК и принятие правил, защищающих их интересы во взаимоотношениях с суверенными государствами.

Вместе с тем в торговле с подавляющим большинством государств АТР и АТЭС у США стабильно наблюдался значительный дефицит (в товарообороте с АТЭС в 2013–2015 гг. он суммарно составил 1764 млн долл.), что послужило Д. Трампу одним из сильных аргументов в пользу протекционизма. С точки зрения избранного президента, реализация проекта ТТП приведет, с одной стороны, к опережающему росту экспорта промышленной продукции азиатских и латиноамериканских компаний на рынок США, а с другой — будет еще больше стимулировать американские ТНК к вывозу капиталов в те развивающиеся государства, которые предоставляют наиболее благоприятные условия ведения бизнеса (дешевое сырье, низкая стоимость рабочей силы, слабая социальная защищенность наемных работников, гибкое налоговое законодательство и т.д.). Все это дало повод Д. Трампу выступить против участия Соединенных Штатов в ТТП, что может торпедировать инициативу Б. Обамы и радикальным образом изменить торгово-экономическую политику Вашингтона в АТР.

В условиях растущего беспокойства по поводу судьбы ТТП в столице Перу Лиме во второй половине ноября 2016 г. собрался очередной, XXIV саммит АТЭС. В его работе приняли участие первые лица ключевых государств, входящих в это крупнейшее межрегиональное объединение: Австралии, Канады, Китая, Мексики, США, России, Японии и др. В итоговой декларации форума, официально посвященного теме «Качественный рост и развитие человеческих ресурсов», затрагивались вопросы, связанные с развитием человеческого потенциала и повышением качества жизни, динамикой глобальной торговли, состоянием международных финансов, углублением интеграционных процессов в АТР, деловым климатом в регионе и в мире в целом. Документ констатировал, что мировая экономика сталкивается с серьезными проблемами и вызовами, а ситуация во многих государствах характеризуется неравномерностью экономического роста, увеличением социального неравенства, деградацией окружающей среды. В данной связи отмечалось, что глобализация и связанные с ней процессы все чаще «ставятся под вопрос», а «усиливающаяся неопределенность лишает уверенности в ближайшем будущем» [Asia-Pacific...Declaration].

В Лиме участники АТЭС договорились поддерживать открытость национальных рынков и «бороться со всеми формами протекционизма». Специально подчеркивалось, что обращение к протекционистским практикам «ослабляет международную торговлю» и «замедляет прогресс в деле экономического восстановления» [Asia-Pacific...Declaration]. Очевидно, что эти положения в значительной мере инициировались лично Б. Обамой, естественным образом рифмовались с курсом на создание интеграционных мегаблоков (ТТП и ТТИП) и были направлены против внешнеэкономических планов Д. Трампа. Более того, поскольку судьба ТТП оставалась неясной, в Лимскую декларацию был включен пункт о поддержке членами АТЭС предложения Пекина о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, или, как это фигурирует в документах АТЭС, Зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ЗСТАТ). Напомним, что решение о начале работы по формированию ЗСТАТ было пролоббировано китайским руководством на XXII саммите АТЭС в ноябре 2014 г. в Пекине, где стартовала выработка «дорожной карты» нового регионального интеграционного объединения [Asia-Pacific...Free Trade].

С самого начала проект ЗСТАТ воспринимался в политических и экспертных кругах как «китайский ответ» плану Вашингтона по созданию ТТП. Не случайно в состав ЗСТАТ на практике не предполагалось включать США, а в рамках ТТП не было места для Китая (впрочем, как и для России). Пекину было ближе формирование ЗСТАТ путем постепенного расширения уже существующей с 2010 г. зоны свободной торговли между КНР и 10 странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Таким образом, в середине 2010-х годов на огромном пространстве АТР возникла конкуренция двух мегапроектов — геоэкономических и геополитических концепций дальнейшей эволюции интеграционных процессов в этом районе мира. Подписание соглашения о ТТП означало переход стратегической инициативы к США, но победа Д. Трампа смешала все карты и предоставила китайскому руководству возможность с удвоенной энергией внедрять идею превращения зоны АСЕАН — КНР в ЗСТАТ. Не

случайно председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Лиме, подчеркнул, что перед лицом протекционистских планов нового хозяина Белого дома Китай будет проводить политику большей торгово-экономической открытости и еще активнее «участвовать в глобализации» [Сиэ].

По утверждениям международных наблюдателей, китайский лидер стал главным действующим лицом на саммите АТЭС. На полях и в кулуарах форума политиками и экспертами широко обсуждались варианты развития интеграционных процессов в АТР без участия Соединенных Штатов [Asia-Pacifico...]. Ряд мировых руководителей официально подтвердили свою приверженность принципам регионального экономического сотрудничества и продемонстрировали заинтересованность в расширении зон свободной торговли и формировании мегаблоков. «Если США не хотят участвовать в ТТП, мы будем добиваться подписания соглашения без них, но с Китаем и Россией», — без обиняков заявил хозяин форума, президент Перу Педро Пабло Кучински [Сиэ].

Итоги лимского саммита АТЭС изменили понижательный тренд в международных экономических отношениях, который стал формироваться после победы Д. Трампа на президентских выборах. Факты показали, что большинство государств АТР выступают против политики протекционизма и считают необходимым добиваться прорывных договоренностей в интеграционной области, создавать прочный институциональный каркас азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. По сути, речь идет о формировании обновленной инфраструктуры взаимоотношений, в рамках которой у Китая имеются неплохие шансы потеснить США и занять место лидера в АТР, а у России — найти свое достойное место в будущих региональных структурах.

Разумеется, Вашингтон (кто бы ни был американским президентом) не собирается без боя уступать Пекину роль локомотива азиатско-тихоокеанской интеграции, а следовательно, главного игрока глобальной экономики и мировой торговли. Эта линия сохранится и при Д. Трампе. Но если до настоящего времени главным инструментом в арсенале США была игра на опережение — приоритетное выстраивание межрегиональных мегаблоков в интересах американских ТНК, то новая администрация, судя по всему, будет действовать иначе.

Многократно обвиняя Пекин в «валютных манипуляциях» и других грехах, Д. Трамп в ходе предвыборной кампании четко дал понять, что он своей международной финансово-экономической политикой намерен создать проблемы хозяйственному развитию Поднебесной. В частности, Вашингтон может продолжить наступление на китайскую валюту (юань), с тем чтобы ее ослабление побудило зарубежных инвесторов к массивному вывозу капиталов из КНР. Собственно, так уже и происходит. В августе 2015 г. Народный банк Китая (Центробанк этой страны) был вынужден ослабить курс юаня к доллару на 3%, что потрясло мировые фондовые рынки, а за 2016 г. юань подешевел еще на 7%. В результате, по имеющимся оценкам, в 2015–2016 гг. из Китая «убежало» порядка 1,6 трлн долл. [Financial...] Китайские власти с помощью ужесточения валютного контроля пытаются остановить этот процесс, но, как показывают факты, чем больше ограничений, тем больше инвесторов стремятся вывести свои активы. Однов-

ременно происходит сокращение валютных резервов КНР (в ноябре 2016 г. — почти на 70 млрд долл.). Попытки Пекина ограничить отток капиталов вызвали нарекания многих западных компаний, у которых возникли проблемы с перечислением дивидендов из Китая в свои головные офисы за рубежом. Как отметила Торговая палата Евросоюза в КНР, подобные рестриктивные действия китайских властей «создают помехи бизнес-операциям» [China's...].

С приходом Д. Трампа в Белый дом США будут, по-видимому, не столько инициировать создание новых межрегиональных мегаблоков на тихоокеанских рубежах глобальной экономики, сколько тормозить развитие интеграционных процессов и сжимать зоны торгово-финансового сотрудничества в этом районе мира.

Неровный пульс трансатлантического партнерства

Избрание Д. Трампа и его протекционистские планы, как и голосование британцев за выход из Объединенной Европы несколькими месяцами ранее, застали врасплох подавляющее большинство лидеров европейских стран и руководство Евросоюза. Они оказались не готовы к переменам в отношениях между США и ЕС, которые должны неизбежно последовать в случае реализации экономической программы будущего хозяина Белого дома. Заявленный Д. Трампом курс в международных делах, именуемый европейскими экспертами «американским Brexit» и «глобализацией в одной отдельно взятой стране» [Ortega], может не только привести к «разрыхлению» американско-европейских отношений, но и пустить под откос главный и самый масштабный совместный проект Вашингтона и Брюсселя последних лет — формирование межрегионального интеграционного мегаблока ТТИП.

Европейский союз сделал крупную ставку на расширение всего комплекса внешне-экономических связей: интенсификацию торговли товарами и услугами, поощрение ввоза и вывоза инвестиций, активизацию создания совместных предприятий, формирование зон свободной торговли. По утверждению председателя Европейской комиссии Жан-Клода Юнкера, ЕС достиг договоренностей или ведет переговоры о торговых соглашениях со 140 партнерами на всех континентах.

В европейских странах свыше 30 млн человек производят продукцию, предназначенную на экспорт. Увеличение зарубежных продаж на 1 млрд евро означает создание дополнительных 14 тыс. рабочих мест. По сути, благосостояние жителей стран-членов ЕС во многом зависит от трансграничной торговли. Евросоюз — крупнейший торговый партнер для 80 государств мира (для сравнения: США — главный партнер для 20 стран) [EU position...]. Можно констатировать, что рост внешнеторгового оборота, прежде всего экспорта (в 2003–2014 гг. он увеличился почти в два раза), был одним из главных факторов экономического развития Европейского союза (табл. 3).

Вместе с тем, из-за усилившейся конкуренции на мировых рынках со стороны Китая, Южной Кореи и ряда других глобальных трейдеров, страны Евросоюза в последнее десятилетие ощутили сократили свою долю в мировом экспорте, что сказалось на темпах

прироста ВВП и поставило под угрозу существование сотен европейских предприятий, работающих для внешних потребителей. В этих условиях особую актуальность приобрели планы создания новых интеграционных альянсов с государствами, не входящими в ЕС. Таким способом в Брюсселе и других европейских столицах рассчитывали придать сильный дополнительный импульс экспортным поставкам.

Таблица 3

Страны ЕС в мировой торговле, млрд долл.

Показатель	2003	2010	2013	2014	2015
Мировой экспорт	7463	15064	18864	18866	16347
Экспорт стран ЕС	3081	5078	5991	6019	5343
Доля стран ЕС (%)	41.3	33.7	31.8	31.9	32.7
Мировой импорт	7684	15314	18883	18915	16582
Импорт стран ЕС	3080	5252	5829	5907	5189
Доля стран ЕС (%)	40.1	34.3	30.9	31.2	31.2

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Определенным успехом брюссельской дипломатии явилось подписание в конце октября 2016 г. Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения (ВЭТС) с Канадой, предусматривающего, среди прочего, устранение 99% таможенных сборов в канадско-европейской торговле [The Geopolitics...]. Таким путем Брюссель и Оттава планируют в сжатые сроки существенно увеличить взаимный товарооборот, объем которого до настоящего времени не соответствует экономическим потенциалам сторон и устремлениям их предпринимательских кругов. Давая оценку соглашению с Канадой, еврокомиссар по торговле Сессилия Мальмстрем подчеркнула, что оно открывает новые возможности европейским производителям промышленных и сельскохозяйственных товаров, а также поставщикам разного рода коммерческих услуг. В более широком контексте, отметила С. Мальмстрем, ВЭТС вносит вклад в развитие процессов глобализации [Malmström].

Разумеется, европейско-канадская договоренность, при всей ее актуальности, по своим масштабам несопоставима с проектом соглашения США и ЕС о ТТИП. Переговоры об этом партнерстве с подачи Б. Обамы начались в середине 2013 г. На кону было стремление американских ТНК получить более легкий доступ на емкие рынки государств ЕС, насчитывающие сотни миллионов потребителей с относительно высокой покупательной способностью. Данные показывают, что в 2008–2015 гг. объем экспортных поставок товаров в Европу не только не вырос, но даже немного сократился (табл. 4). При этом наблюдался постоянный дефицит Соединенных Штатов в торговле с европейскими партнерами, суммарно составивший за эти годы 925 млрд долл.

В отличие от торговли товарами, обмен услугами с ЕС складывается для США с достаточно крупным профицитом (в 2007–2014 гг. — порядка 320 млрд долл.), что объясняется заметным научно-технологическим превосходством американских ТНК в ряде

ключевых секторов: финансовом, компьютерных услуг, телекоммуникационном, рекламном, образовательном, оборонном.

Таблица 4

Торговля США со странами ЕС (товары), млрд долл.

Годы	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2008	275,7	377,0	652,7	-101,3
2009	221,4	287,0	508,4	-65,6
2010	243,3	327,4	570,7	-84,1
2011	271,3	377,5	648,8	-106,2
2012	266,3	390,4	656,7	-124,1
2013	263,7	395,6	659,3	-131,9
2014	276,9	427,0	703,9	-150,1
2015	273,6	435,3	708,9	-161,7

Источник: ITC. Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Таблица 5

США – Евросоюз: торговля услугами, млрд долл.

Год	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2007	176,2	144,5	320,7	+31,7
2008	194,4	155,7	350,1	+38,7
2009	175,1	138,3	313,4	+36,8
2010	179,2	143,6	322,8	+35,6
2011	199,2	156,1	355,3	+43,1
2012	199,5	157,7	357,2	+41,8
2013	205,9	163,5	369,4	+42,4
2014	219,3	168,7	388,0	+50,6

Источник: ITC. Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. – trademap.org/Country_SelServiceCountry_TS.aspx

На сервисный сектор и в Соединенных Штатах, и в странах Европейского союза приходится свыше 70% ВВП. Именно в его отраслях сконцентрировано подавляющее количество рабочих мест. Отсюда вполне понятно, что одно из центральных мест на переговорах по ТТИП отводилось вопросам либерализации торговли услугами. При этом специальный интерес для крупнейших частных корпораций (и американских, и европейских) представляли так называемые защищенные секторы услуг (поставки и распределение электроэнергии, транспорт, профессиональные услуги бизнесу и т.д.), либерализация которых могла существенно расширить предпринимательское пространство, а потому фигурировала в числе приоритетных тем на переговорах между Вашингтоном и Брюсселем.

С самого начала переговорный процесс сопровождался мощной и умело срежиссированной пропагандистской кампанией, целью которой было убедить общественное мнение по обе стороны Атлантики (в первую очередь, европейское) в системных преимуществах интеграции по лекалам ТНК. Утверждалось, что вступление в силу соглашения между США и ЕС создаст важный международный прецедент и укажет магистральный вектор будущего развития мировой торговли и глобальной экономики [Higgott]. Однако очень скоро в европейских странах стало набирать силу движение против создания трансатлантического альянса, периодически приобретающее характер массовых протестных выступлений. Первоначально его костяк составляли представители левых партий, профсоюзов, малого и среднего бизнеса, аграриев и части экспертного сообщества, включая университетскую профессуру. Но со временем в оппозицию к ТТИП все чаще стали переходить и отдельные члены политического истеблишмента и правительственных кругов. Агрегированный взгляд европейцев — противников трансатлантического альянса весьма лаконично выразил известный ученый-международник, профессор Уорикского университета Ричард Хигготт, который заметил, что в контексте трансатлантического партнерства неизбежно произойдет «столкновение двух исторических моделей организации капиталистического общества»: западноевропейской и североамериканской [Higgott].

В основе европейского сопротивления проекту ТТИП лежали вполне обоснованные опасения, что более мощные американские ТНК, связанные с самыми перспективными секторами экономики, потеснят европейских конкурентов и займут командные высоты в рамках планируемого биконтинентального интеграционного мегаблока. В конце июня 2016 г. премьер-министр Франции Мануэль Вальс на встрече с деятелями правящей Социалистической партии заявил, что обсуждаемое партнерство с Соединенными Штатами «направлено против интересов Евросоюза». И добавил: «Я вам откровенно скажу: не может быть никакого трансатлантического соглашения» [French...].

Пока президентом оставался Б. Обама, а предпочтительные шансы занять его пост были у Хиллари Клинтон, создание ТТИП, несмотря на шквал критики, оставалось одним из центральных пунктов в повестке дня американо-европейских отношений. Победа Д. Трампа круто развернула ситуацию. Исходя из своего отрицательного отношения к зонам свободной торговли и ориентируясь на те компании США, которые могут проиграть в открытой конкуренции с европейскими предприятиями, новый американский лидер парадоксальным образом влился в ряды критиков ТТИП, охарактеризовав подготовленное соглашение как «самую большую опасность на сегодняшний день» [Bradshaw].

Таким образом, и на европейском направлении «смена караула» в Белом доме может привести к серьезным переменам, прежде всего в торгово-экономической сфере.

* * *

Заявленные параметры экономического курса Д. Трампа — «трампономики» — сопряжены с макротенденциями, развивающимися в недрах мировой экономики и торговли, и отражают начавшееся переформатирование глобализационных процессов.

Глобализация меняет свой первоначальный облик, в известной мере утрачивает прежний квазиуниверсальный характер, становится более фрагментарной. Обращение Д. Трампа к протекционизму, его готовность свернуть проекты создания интеграционных мегаблоков в АТР и Атлантике формируют контртенденцию, дальнейшее развитие которой способно осложнить отношения США с их партнерами в Азии, Европе и Латинской Америке, усилить глобальную нестабильность и неопределенность.

Литература:

- Яковлев П.П. «Мультилатинас»: трансграничный рынок латиноамериканского бизнеса // Латинская Америка. 2013. № 6. С. 89–104.
- Asia-Pacific Economic Cooperation. 2016 Leaders' Declaration. Lima, Peru 20 Nov 2016. — Mode of access: apec.org (date of access: 05.12.2016).
- Asia-Pacific Economic Cooperation. Free Trade Agreements / Regional Agreements. — Mode of access: apec.org/Groups/Other-Groups/FTA_RTAs.aspx (date of access: 05.12.2016).
- Asia-Pacífico se moviliza ante el proteccionismo de Trump // Cinco Días. Madrid. 20.11.2016.
- Argentina y EEUU abren una nueva etapa en su relación con la visita de Obama. 23 marzo, 2016. — Mode of access: infolatam.com/ (date of access: 07.11.2016)
- Boskin M.J. Clintonomics vs. Trumponomics. Sep 2, 2016. — Mode of access: project-syndicate.org/ (date of access: 05.11.2016).
- Bradshaw J. What's the difference between TTIP and TPP and why does Donald Trump want them scrapped? // The Telegraph. London, 22.11.2016.
- Oña A. Macri y los billones de dólares de Trump // Clarín. Buenos Aires, 20.11.2016.
- China's forex reserves drop \$70bn as outflow accelerates // Financial Times. London. 07.12.2016.
- Cué C.E. Las grandes potencias económicas amenazan con unirse para aislar a Trump // El País. Madrid. 19.11.2016.
- Díez-Cardiel J. Hillary Clinton versus Trump. El duelo del siglo. Madrid. 2016.
- Díez-Cardiel J. Trump, una hipótesis sobre una presidencia // Cinco Días. 11.11.2016.
- El fin del Siglo Americano. 11 de Noviembre de 2016. — Mode of access: americaeconomia.com/ (date of access: 04.12.2016).
- Empresarios cubanos piden a Trump que se mantenga la distensión entre EEUU y Cuba. 7 diciembre, 2016. — Mode of access: infolatam.com/ (date of access: 10.12.2016).
- EU position in world trade. — Mode of access: ec.europa.eu/trade/policy/ (date of access: 05.12.2016).
- Financial policy 2017 outlook. December 1, 2016. — Mode of access: bloomberg.com/ (date of access: 05.11.2016).
- French PM opposes TTIP as being against 'EU interests'. 27 June, 2016. — Mode of access: Breitbart.com/ (date of access: 08.09.2016).
- Gil R.H. Trump: ¿cómo nos va a afectar? // Clarín. 25.11.2016.
- Higgott R. TPP and TTIP in comparative context: what can Europe learn? 21 July 2016. — Mode of access: realinstitutoelcano.org/ (date of access: 02.09.2016).
- Kahhat F. Comercio internacional: ¿suma cero o cero comprensión? 7.12.2016. — Mode of access: americaeconomia.com/ (date of access: 10.12.2016).
- Malamud C. Incógnitas de la futura relación entre EE.UU. América Latina. 13 noviembre, 2016. — Mode of access: infolatam.com/ (date of access: 14.11.2016).

- Malmström C.* Shaping Globalisation through EU Trade Policy. Brussels, 9 November 2016. — Mode of access: ec.europa.eu/ (date of access: 10.12.2016).
- Martínez Ahrens J.* El peso mexicano sufre la peor caída del planeta por el efecto Trump // El País. 11.11.2016.
- Núñez R.* Trump y el reino de la imprevisibilidad para América Latina. 9 noviembre, 2016. — Mode of access: infolatam.com/ (date of access: 12.11.2016).
- Office of the United States Trade Representative. TPP Full Text. — Mode of access: ustr.gov/trade-agreements/ (date of access: 05.09.2016).
- Ortega A.* Europa no está preparada para Trump. 15.11.2016. — Mode of access: blog.rielcano.org/ (date of access: 20.11.2016).
- Otero Iglesias M.* Futuros escenarios 'trumpistas' // Expansión. Madrid, 10.11.2016.
- The Geopolitics of TTIP. Repositioning the Transatlantic Relationship for a Changing World. Washington: Center for Transatlantic Relations. 2014.

УДК 94; 327

Владимир МЯСНИКОВ

Россия и Восток. Становление отечественного китаеведения

Аннотация. *В связях России с Востоком, в познании русскими Востока особое место занимает Китай. В статье анализируется история становления российского китаеведения с XVII до начала XX вв. Рассматриваются геополитический и социокультурный контекст интереса к Китаю в России, этапы развития отечественной китаистики и ее достижения, конкретный вклад наиболее видных русских китаеведов. Обрисован ряд ключевых методологических проблем и особенностей современной синологии.*

Ключевые слова: *Россия, Восток, Китай, китаеведение, история китаеведения, синология, китаеведение в России.*

Проблема «Восток и Россия» как важный фактор развития человеческой цивилизации существует более тысячи лет, с момента зарождения русской государственности. В качестве объекта научного изучения она требует синтеза результатов, получаемых такими дисциплинами, как: история, филология, философия, психология, экономика, международные отношения, культуроведение, демография, антропология и генетика. Многогранность проблемы определяется не только ее мультидисциплинарностью, но и тем, что Восток не единообразен. В этнокультурном отношении страны Востока не менее разнятся друг от друга, чем от Запада. (Среди западных стран такого рода полифония менее выражена благодаря относительной ценностной унификации, произведенной христианством.)

Особая роль в исторических связях России с восточными народами и в познании русскими Востока принадлежит Китаю. Из всех стран Азии именно Китай в наибольшей мере повлиял на различные стороны жизни нашей страны (или оказался в определенном смысле близок России). Этому способствовали несколько факторов.

Как отмечалось в нашем китаеведении, «Китай и Россию, с точки зрения взаимодействия народов и обществ, можно рассматривать как части гигантского геополитического целого на материке Евразии. Эти части — два наиболее крупных очага земледелия, которые, подобно двум чашам весов, непосредственно примыкают к длинному коромыслу — бескрайнему поясу евразийских степей и пустынь, протянувшихся от Карпат до Великой Китайской стены. Именно вхождение в этот гигантский геополитический процесс и определило развитие России».

Сведения об авторе: *Мясников Владимир Степанович — академик РАН, заместитель академика-секретаря Бюро Отделения истории РАН, член дирекции Института востоковедения РАН, заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы, профессор, доктор исторических наук; vsmtyasnikov@hse.ru.*

тический комплекс и сформировало в обеих странах на протяжении многих веков основные структуры их внутри- и внешнеполитического бытия — борьбу поля со степью» [Мартынов, с. 168.].

Можно добавить, что конфуцианская модель политической и духовной жизни Китая по многим показателям была близка к православным воззрениям.

Во времена монгольских завоеваний Русь и Китай испытали одинаковые удары и примерно в одно и то же историческое время сбросили монгольское иго. Н.А. Самойлов пришел к правильному выводу, что, «пережив монгольское нашествие, оба государства были вынуждены изменить характер внутренней организации общества, в них усилилось самодержавное начало. Во многом в силу этих причин государства в России и Китае сопоставимы по многим параметрам: активное воздействие государства на экономическую жизнь, характер и роль государственной идеологии, примат государства над обществом» [Самойлов, 2002, с.503].

На рубеже XVII — XVIII столетий Русское государство превращается в Российскую империю. В ее внешнеполитических интересах в Азии, на Дальнем Востоке, в ее экономических связях с внешним миром особое место приобретает Китай, ставший в этот период могущественной Цинской империей, властители которой считали, что не имеют себе равных в Поднебесной (Тянься¹).

Поднебесная в это время, в период установления дипломатических связей с Россией, вновь оказалась под властью завоевателей, на сей раз маньчжуров. Насколько эти новые азиатские устроители своей империи представляли угрозу для России? Этот вопрос не был риторическим. Именно маньчжуры отторгли от нее Приамурье по Нерчинскому договору 1689 г. И именно с Цинским Китаем Россия в конечном итоге выстроила самую протяженную в мире границу. При этом оба государства использовали только мирные дипломатические методы.

В различных кругах российского общества существовал живой интерес к истории китайской цивилизации, к искусству самосохранения, которое она демонстрировала на протяжении нескольких тысячелетий, невзирая на неоднократные вторжения завоевателей. Освещавшая эту проблему китайская историческая наука появилась, когда великим историком Сыма Цянем (145 или 135 до н.э. — ок. 86 до н.э.) был подготовлен труд «Ши цзи» — «Исторические записки». Он охватывал огромный период станов-

1 Для русского языка перевод *tianxia* как «Поднебесная» — находящийся под небом, небесами, Земля, весь мир, Вселенная — был органичен. «Поднебесье» означало: простор, пространство, ширь под небесами. С давних лет существовала пословица: «Птичьего молока во всей поднебесной не найдешь» [Даль, с. 189]. В китайском языке *tianxia* означает: 1) мир, свет; поднебесная, вселенная. *Tianxia weigong* — Поднебесная есть общественное достояние (Конфуций, Сунь Ятсен); 2) уст. Китай, китайская империя; *juan tianxia* — отказаться от престола. [Большой.., с. 669].
Первым русским китаеведом, кто начал переводить с китайского (а не с маньчжурского) языка, был Н.Я. Бичурин. Думаю, что он и был первым применившим термин «Поднебесная» в качестве синонима понятию Китайская империя.

ления государственности в Древнем Китае [Сыма Цянь]. Затем, уже в императорском Китае, специальная комиссия занималась составлением истории каждой предыдущей династии. Так было создано документированное изложение китайской истории на протяжении правления 24 династий. Задолго до нашей эры в Китае были заложены основы мощных философских и этических школ [См.: Духовная...]. Но особенно были развиты наука о военном деле и политическом руководстве государством. На 1700 лет раньше «Государя» Н. Макиавелли в Китае появились «Трактат о военном искусстве» Сунь Цзы и «Книга правителя области Шан» (Шанцзюнь шу) Шан Яна. Императорская Академия наук — «Хань линь» («Лес перьев») — на протяжении многих веков (с 738 по 1911 г.) развивала науки о человеке — гуманитарные дисциплины.

Молодой русской цивилизации было что черпать из «колодца дракона». Правящие слои российского общества стремились познакомиться поближе с произведениями китайской духовной и материальной культуры. В этой связи особо стоит отметить те возможности для познания Китая, которые получила Россия, учредив в 1727 г. в Пекине Русскую духовную миссию.

* * *

Знакомство русских и китайцев состоялось в период господства монголов на огромных территориях Азии. Русские княжества находились в вассальной зависимости от Золотой Орды, связи с которой имела Юаньская империя. Три не зависящих друг от друга источника донесли до нас сведения о русско-китайских контактах того времени. Наиболее подробную информацию содержит хроника Юаньской династии «Юань ши», сообщающая о службе русских пленников в ханской гвардии в Пекине [Чжан, 1930, с. 26–27; Кафаров, 1894, с. 65–67; его же, 1872, с. 47–49; Бретшнейдер, с. 67–73; Иванов, с. 22]. Вряд ли можно было вернуться из этого плена обратно на Русь, но какие-то сведения о Китае все же доходили и сюда, и упоминания о нем попали в русские летописи XIV в. [Софийская., с. 125; Книга., с. 431] наконец, о фактах пребывания русских на Востоке и их общении с китайцами повествуют западноевропейские путешественники, побывавшие в монгольских владениях [Карпини, с. 78, 161; Конрад, с.77–102].

Первыми источниками более-менее развернутых сведений о Китае в Русском государстве стали отчеты посольств и миссий, направлявшихся царским правительством в Пекин для установления дипломатических и торговых отношений с Китаем. Среди них наибольший научный интерес представляли «Роспись» Ивана Петлина (1618–1619), статейные списки Ф.И. Байкова (1654–1657) и Н.Г. Спафария (1675–1677), дневники Избранта Идеса и Адама Бранда (1692–1695) [См.: Демидова; Идес]. Эти документы содержали разнообразную информацию о Китае и сопредельных странах, о политическом положении Цинской империи. Мировая географическая наука обогатилась открытиями первостепенной важности — были проложены пути из Европы в Китай через Сибирь, Монголию и Маньчжурию. Интерес к этим наиболее ранним русским описаниям Китая и ведущих в него маршрутов был исключительно велик. Уже в XVII в. они неоднократно издавались и переиздавались в большинстве европейских столиц на английском, немецком, французском, латинском языках.

В этот период для русского правительства выявилась необходимость привлечь на службу сведущих в восточных делах людей, в первую очередь знатоков китайского и маньчжурского языков. Из-за отсутствия переводчиков содержание привозившихся из Пекина «листов» оставалось порой неизвестным в течение десятков лет, а русские послы при переговорах с цинскими дипломатами испытывали невероятные трудности и вынуждены были для преодоления языкового барьера прибегать к услугам посредников — монгольских толмачей и миссионеров-иезуитов. Н.Г. Спафарий писал царю, что хотя он выбрал в Тобольске, Селенгинске и Нерчинске лучших толмачей, «однако же де насилу можем вразумети с китайским боярином, что говорим междо себя», потому что толмачи «люди безграмотные и неискусные, да и в твоих, великого государя, делах не бывали ж... И так меж себя больши догадом разумеем, нежели толмачеством их» [Русско-китайские ... в XVII, с. 511]. Во время Нерчинской конференции официальным языком на переговорах был избран латинский. «Этот ловкий ход, — замечает французский историк Г.Каэн, — дал иезуитам положение незаменимых переводчиков и сделал их хранителями важнейших государственных секретов» [Some..., p. 8].

Характерный для XVII в. подход к «китайским делам» в известной мере сохранялся и в первые десятилетия XVIII в. Тем не менее реформы Петра I, охватившие буквально все стороны русской жизни, коснулись и востоковедения. В 1714 г. в Петербурге был создан музей антропологии и этнографии, названный Кунсткамерой, где находилось много экспонатов, рукописей и книг из стран Азии. Он положил начало системному изучению Востока в России. В 1719 г. Петр I учредил Коллегию иностранных дел, поднявшую русскую дипломатическую службу на новый уровень. Строящийся Петербург украсил себя многими фрагментами китайской архитектуры и изобразительного искусства [См.: Самойлов, 2002, с.526–528; Его же, 2003; Кисляков, с. 36–42]. В 1727 г. Россия учредила Русскую духовную миссию в Пекине.

В это же время предпринимаются первые шаги к созданию научного востоковедения. Петр поручил подготовить положение об Императорской Академии наук — центре научного и духовного обновления страны. Огромную роль в этом сыграл именно указ Петра I от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии...». В последовавшем затем сенатском указе говорилось, что «Петр Великий... указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам и переводили б книги»¹. Эти правительственные постановления подвели под русское востоковедение прочную научно-организационную основу [См. Бертельс, с. 6–7; Ефимов]².

В 1725 г., уже при императрице Екатерине I, Российская Академия наук стала фактом интеллектуальной жизни империи. Первым академиком-китаеведом был приглашен-

1 Цит. по: Академия наук СССР. Т. I. М. 1977. С. 29.

2 Первым по времени распоряжением русского правительства об обучении русских людей языкам народов Дальнего Востока был указ Петра I от 18 июня 1700 г. Согласно этому указу предписывалось отправить в Тобольск «добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться». Цит. по: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л. 1925. С. 196-197; текст указа опубликован в «Полном собрании законов Российской империи», т. IV, N 800.

ный в 1725 г. из Германии филолог Теофиль Зигфрид Байер (1694–1738). Т.З. Байер был автором первой в Европе грамматики китайского языка, в Петербурге им был выполнен ряд компилятивных работ по Китаю, однако он «не сделал даже попыток, живя среди русских, изучить русский язык и подготовить себе преемника, хотя Устав Академии наук к этому обязывал всех академиков» [Скачков, 1966, с. 163].

В то же время практика дипломатических отношений давала правительству России значительный объем сведений о Цинском Китае. Так, один из сподвижников Петра I, выдающийся дипломат Савва Лукич Владиславич-Рагузинский [О нем см: Русско-китайские ... в XVIII, т. 2, т. 3; Дучич] в качестве итоговых документов о своем посольстве в Китай представил русскому правительству не только Статейный список, через три года после возвращения в Москву, приведя в порядок свои записи, он преподнес в 1731 г. императрице Анне Иоанновне рукопись, озаглавленную «Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства, и о протчем, сочиненная тайным советником и ордена Св. Александра кавалером, Ильирийским графом Савою Владиславичем, бывшим в характере чрезвычайного посланника и полномочного министра при Дворе Китайском» [Русский вестник, с. 180–337].

В начале своего сочинения С.Л. Владиславич кратко изложил историю династий Китая. Особое внимание он уделил тому, как маньчжуры смогли овладеть пекинским тронном. А затем весьма точно, очевидно, опираясь на имевшиеся в его распоряжении документы, описал перипетии отношений Русского государства с Цинской империей во второй половине XVII — начале XVIII столетий. Его с полным основанием можно считать первым историком, изложившим историю русско-китайских отношений более чем за полвека, начиная от посольства Н.Г. Спафария и до заключения Кяхтинского договора. При этом автор уделил большое внимание ситуации в Монголии, где шла война ойратов с Цинской империей.

Интересно замечание С.Л. Владиславича о Тулишене, возглавлявшем цинское посольство к волжским калмыкам. Владиславич был хорошо знаком с ним («сей был третий определенный министр для заключения трактата и разграничения границ со мною в 1726, 1727 и 1728 годах»). «Вышепомянутый Тулешин, по возвращении своем в Пекин, не токмо своему государю обстоятельное известие подал о слабом тогдашнем состоянии Сибири, о слабости городов и крепостей ея и о малолюдных гарнизонах оных, но и книгу в печать выдал, в которой именно изъяснены все места и крепости Сибирские, не без урона чести Российскаго империя» [Там же, с. 211.].

«Секретность» сочинения С.Л. Владиславича заключалась в тех оценках, которые он давал обороноспособности Цинской империи. Русский посол отметил, что в 15 провинциях Китая имеется 155 столичных городов и еще имеется 1312 городов 2-го и 3-го ранга, обнесенных кирпичными стенами. И как человек, имевший европейский военный опыт, подчеркнул, что «ни один из тех городов может формальную восьмидневную, по нынешнему европейскому обыкновению учиненную осаду вытерпеть. И хотя в оных многочисленный гарнизон имеется, наипаче же в тех, которые называются воинские крепости, которых великое число считается, кроме вышеупомянутых городов, однако ж китайское воинство за весьма слабое почтено и уничтожено быть имеет» [Там же, с. 219.].

Не менее критически С.Л. Владиславич высказался и о китайской крепостной артиллерии, и о сухопутной армии, которая насчитывала более миллиона войск «таких, которые получают императорское жалование». В целом же труд С.Л. Владиславича впервые давал целостное, комплексное представление о Цинском Китае. Трудно сказать, как он изучался в правительственных кругах, но опубликован для широкой публики был лишь через 111 лет после представления его императрице.

Петр I обсуждал особенности китайской цивилизации с Г.-В. Лейбницем, Екатерина II — с Вольтером. Однако при русском императорском дворе не было достаточно четкого понимания специфики китайской дипломатии, которая заключалась в двух базовых элементах: китаецентристском взгляде на мир и преломлении его на практике в данническую систему. Лейбниц посоветовал Петру I создать в России Академию наук. Вольтер, который был на службе у Екатерины II, опубликовал свои довольно пространственные размышления о Китае [Саркисова, с.100]. В 1756–1757 гг. русский дипломат Василий Федорович Братищев, хорошо знакомый с китайским циклом сочинений Вольтера, был направлен в качестве дипломатического курьера в Пекин, где провел переговоры с императором Цянь Луном (Хун Ли). Возвратившись из Китая, В.Ф. Братищев подготовил для петербургской публики, увлекавшейся, по примеру государыни, Вольтером и его сочинениями о Китае, собственный критический анализ «Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний» [Мясников, 2011, с.17]. Даже кратковременное пребывание в Пекине позволило В.Ф. Братищеву оценить высказывания Вольтера о Китае и дать, в отличие от французского философа¹, реальную картину политической жизни Цинской империи.

Огромное влияние на формирование русской школы китаеведов оказала уже упоминавшаяся Русская духовная миссия в Пекине. Деятельность миссии была официально обусловлена 5-й статьей Кяхтинского трактата 1727 г. России предоставлялась возможность, помимо лиц духовного звания, для изучения языков направлять в Пекин «четыре мальчика учеников, и два побольшего возраста, которые по-русски и по-латыни знают» [Русско-китайские..., 2004, с.44].

Около 120 лет, вплоть до 1860 г., Русская духовная миссия в Пекине являлась одновременно и дипломатическим представительством России, и своеобразным учебным центром практического изучения китайского, маньчжурского и других языков Китая и соседних с ним стран. За это время в ней побывало более 60 студентов, врачей, художников и около 100 священнослужителей [Скачков, 1966, с. 163].

Одной из обязанностей миссионеров было преподавание русского языка в открытой цинским правительством в 1725 г. Школе русского языка при Государственной канцелярии («Нэйгэ олосы вэньгуань»).

---

1 Как говорил в своих лекциях В.О. Ключевский, «Вольтер — человек не гениальный, но живой, способный писать много и обо всем, талант, но не первой величины <...> В научном отношении исторические сочинения Вольтера — легкость, отсутствие критики, вздор; но они поднимали самые живые вопросы и читались с жадностью» [Ключевский, с. 56.]

Несмотря на различного рода трудности, именно из стен духовной миссии вышли первые русские ученые-китаеведы. Именно они начали знакомить правительство и общественность России с китайскими реалиями. Крупнейшими среди них в XVIII в. по праву должны быть названы И.К. Россохин и А.Л. Леонтьев. Вернувшийся в 1740 г. из Пекина, Россохин по указанию Коллегии иностранных дел был направлен в распоряжение Академии наук для перевода и обучения китайскому и маньчжурскому языкам.

С именем Россохина связано образование китайского фонда библиотеки Академии наук, которая приобрела из его личной библиотеки свыше ста книг [Меньшиков Л.Н., с. 81–82]. Россохин начал переводить «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му» («Основное содержание “Всеобъемлющего зеркала, управлению помогающего”»). Ему также принадлежит описание маньчжурского двора — первый труд, представленный российскому императорскому двору, который хотел знать партнера.

К середине XVIII в. относится и начало преподавания китайского и маньчжурского языков в России. Первая школа маньчжурского языка открылась в Москве в 1739 г., набор в нее был произведен из слушателей Славяно-Греко-Латинской академии, а преподавателем стал китаец Чжоу Гэ [Скачков, 1960, с. 198–201]. Эта школа просуществовала всего два года; получив начальную подготовку в маньчжурском языке, ее четыре ученика отправились в Пекин в качестве студентов миссии. Среди них был и Алексей Леонтьев, перу которого принадлежат первые переводы на русский язык двух книг «Сышу» («Четверокнижия») — «Дасюэ» и «Чжунъюн»¹, а также ряда трудов по истории.

В 1757 г. А.Л. Леонтьев присоединился к И.К. Россохину в Академии наук. Одновременно с этим в Петербурге при Академии наук открылась просуществовавшая десять лет (1741–1751) школа китайского и маньчжурского языков, которую возглавил И.К. Россохин. В 1762 г. была сделана новая попытка наладить преподавание китайского и маньчжурского языков: на этот раз руководство школой было поручено А.Л. Леонтьеву.

Основной работой И.К. Россохина и А.Л. Леонтьева был переведенный ими совместно и опубликованный в 1784 г. «иждивением» Российской Академии наук капитальный труд — 16-томное «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего» («Бацци тунчжи»). Этот труд давал ответ на вопрос, кто такие маньчжуры и как им удалось завоевать Китай.

Работая в Коллегии иностранных дел и в Академии наук, Леонтьев в 1781 г. подготовил и опубликовал перевод с маньчжурского языка такого источника сведений о Цинском Китае, как «Тайцин гурунь и ухери коли» [Леонтьев]. Приближалось 20-летие царствования Екатерины II, и Леонтьев предпослал своему труду Посвящение императрице.

1 «Сышу цзеи», то есть четыре книги с толкованиями. Книга первая философа Конфуциуса. Перевел с китайского и маньчжурского на русский язык надворный советник Алексей Леонтьев. СПб, 1780; «Джун-юн», то есть закон непреложный. Из преданий китайского философа Кун Дзы. Перевел с китайского и маньчжурского на российский язык Коллегии иностранных дел канцелярии советник Алексей Леонтьев. СПб. 1784.

Это подношение всемилостивейшей и всепресветлейшей государыне было весьма своевременным, так как именно тогда император Цяньлун писал Екатерине II столь надменные письма, что русская императрица не стала отвечать на них. Одновременно цинской стороной была остановлена торговля в Кяхте. Неизвестно, прочитала ли Екатерина весь труд А.Л. Леонтьева, но ее должно было заинтересовать открывавшее его Предисловие императора Канси, деда Цяньлуна, который состоял в дружественной переписке с Петром I. В Предисловии Канси раскрывал свои методы управления Поднебесной.

Свидетельством огромного интереса, который проявлялся в русском обществе к Китаю, являются 120 книг и статей по китайской проблематике, опубликованные в России в течение XVIII в. [Скачков, 1966, с. 173].

Таким образом, русское китаеведение, пройдя в XVII — первой четверти XVIII в. стадию накопления сведений о Китае и создания его географических и политических описаний, после создания Академии наук и заключения Кяхтинского трактата начало оформляться как научная дисциплина. На базе интенсивной работы по переводу китайских и маньчжурских источников были предприняты попытки исследовать историю, языки и духовную культуру китайцев, маньчжуров и других народов, вошедших в состав Цинской империи.

Строящийся Петербург украсил себя многими фрагментами китайской архитектуры и изобразительного искусства [См.: Самойлов, 2002, с.526–528; Его же, 2003; Кисляков, с.36–42]. В Петербурге интерес к Китаю перешел в стремление наладить у себя производство тех китайских изделий, которые привозились из зарубежных стран. Фарфоровый завод действовал в столице России с 1744 г. А в 1798 г. известный путешественник и натуралист Иван Иванович Лепехин (1740–1802), изучив образцы китайской чесучи (плотного шелка), издал «Краткое руководство к разведению шелков в России».

Новый этап в развитии русского востоковедения начинается в первые десятилетия XIX в. В числе событий, повлиявших в дальнейшем на активизацию востоковедных исследований, следует упомянуть принятие в 1803 г. нового «Регламента» Академии наук [История Академии, с. 663–686] и первого устава российских университетов (1804 г.), включавшего востоковедение в разряд учебных дисциплин.

Была предпринята и попытка существенно расширить русское присутствие на Востоке. В Японию была направлена миссия Н.П. Резанова [Климова, с. 176–189], которая являлась частью обширного плана укрепления позиций России в Восточной Азии путем установления торгово-экономических связей от Аляски через Японию и Китай до столицы Дурранийской державы — Кабула. Этот план был предложен министром коммерции Н.П. Румянцевым в 1803 г. [Русско-китайские ... в XIX веке, с. 43–45] императору Александру I. Его главной составляющей была миссия в Китай, которую возглавил граф Ю.А. Головкин в ранге чрезвычайного и полномочного посла [Там же, док. № 64, с. 103–104]. Одним из пунктов переговоров русского посла в китайской столице был вопрос об открытии плавания русских судов по Амуру. Но это посольство не смогло преодолеть

препятствия, чинившиеся цинскими властями, и проехать далее Урги. Миссия окончилась полным провалом. Одновременно корабли первой кругосветной экспедиции должны были зайти в Гуанчжоу (Кантон), чтобы попытаться получить право на торговлю в этом портовом городе. Этот визит состоялся, но цинское правительство ответило отказом на попытку России установить с Китаем морскую торговлю и даже попыталось арестовать русские корабли [История внешней..., с. 257–258].

Несмотря на такой афронт, Александр I высоко оценил деятельность Ю.А. Головкина. В эти годы в Царскосельском парке был реализован давний план — построена Китайская деревня. В ее домах жили высокопоставленные лица. Например, два домика занимал Н.М. Карамзин с семьей, работавший тогда над «Историей государства Российского».

Отказав Ю.А. Головкину, пекинские власти разрешили произвести смену Русской духовной миссии. Ее глава архимандрит о. Иакинф (Н.Я. Бичурин) свое 14-летнее пребывание в Пекине целиком посвятил изучению Китая, его языка, истории, географии, нравов и обычаев. За это время им были написаны или подготовлены все основные труды, впоследствии изданные в России. Основной целью научной деятельности Н.Я. Бичурин считал создание максимально точной и полной картины современного ему Китая и сопредельных стран Дальнего Востока и Центральной Азии. «Я привык писать однодельное, высказываться откровенно, и притом в коротких словах», — говорил Н.Я. Бичурин о методе своей работы [«Москвитянин», с. 4.].

Труды Н.Я. Бичурина рассеяли укоренившееся к началу XIX в. в Европе и в России мнение, которое предельно четко сформулировал в описании своего плавания в китайских водах знаменитый мореплаватель Крузенштерн: «О Китае написано столь много, что весьма трудно уже сказать о нем что-либо новое» [Крузенштерн, с. 338.]. Высоко оценила труды Н.Я. Бичурина Академия наук: в год выхода в свет «Записок о Монголии» автор был избран ее членом-корреспондентом.

На протяжении последующих 25 лет Н.Я. Бичурин познакомил русскую и европейскую общественность сначала с историей народов и стран, сопредельных с Китаем, выпустив в свет такие работы, как «История первых четырех ханов из дома Чингисова» (1829), «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (1834), «История Тибета и Хухунора с 2282 г. до н.э. по 1227 г. н.э.» (1833), «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии с древнейших времен» (1851). А затем перешел к освещению истории и современного ему состояния собственно Китая, опубликовав книги «Китай, его нравы, обычаи» (1840), «Статическое описание Китайской империи» (1842) (результат многолетней работы Н.Я. Бичурина над китайскими источниками), «Земледелие в Китае» (1844), «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (1848). Труды Н.Я. Бичурина четырежды отмечались одной из высших наград Академии наук — Демидовской премией [Бернштам, с. IX].

Расширяя круг тех, кого он хотел бы ознакомить с Китаем, Н.Я. Бичурин часто выступал в журналах. Конечно, такая его статья, как «Ежедневные упражнения китайского

государя», не могла остаться незамеченной читающей публикой [«Московский телеграф», 101–107].

Имя Н.Я. Бичурина является символом целой эпохи в истории русского китаеведения. Но оно не закрывает от нас плеяды выдающихся китаеведов, его современников и учеников. П. Каменский (чл.-корр. Академии наук с 1819 г.), С.В. Липовцев, З.Ф. Леонтьевский, Г.М. Розов [См. Мясников, 2006, с.129–137] внесли существенный вклад в исследования по китайской и маньчжурской филологии, истории Китая и сопредельных стран. Все они были глубокими знатоками Китая, получившими подготовку в Пекинской духовной миссии.

В середине XIX столетия в миссии обучались те, кому было суждено приумножить славу отечественного китаеведения, развить в нем все лучшее, что было заложено трудами Н.Я. Бичурина: А. Честной, В.В. Горский, К.А. Скачков, Э.В. Бретшнейдер, П. Кафаров, И.И. Захаров, В.П. Васильев. Столь блестящего созвездия ученых, одновременно работавших в различных областях китаеведения [см.: Воробьева-Десятовская], не знала ни одна из национальных синологических школ в мире.

К середине XIX в. Русская духовная миссия в Пекине исчерпала возможности совершенствования подготовки востоковедческих кадров. Один за другим правительству представляются проекты реорганизации университетского преподавания востоковедческих дисциплин. Наконец в октябре 1854 г. последовал указ о создании Восточного факультета Петербургского университета, во главе которого встал выдающийся знаток Китая, его истории, общественной мысли, языка и обычаев — академик Василий Павлович Васильев.

Этапным событием в развитии отечественного востоковедения было открытие в Петербурге в 1818 г. Азиатского музея — крупного хранилища бесценных восточных рукописей и манускриптов (рукописных книг) [Азиатский...; Куликова].

В России образовались три главных центра ориенталистики: петербургский, московский и казанский. Если в XVIII столетии первыми академиками были приглашенные из Европы иностранцы, то с середины XIX в. в Академии уже преобладают востоковеды-россияне. Складывается национальная школа ориенталистики [История отечественного...]. В XIX в. российская востоковедная академическая наука в ряде отраслей достигла уровня передовых европейских государств.

Поддержка независимости и целостности Китая, заключение Союзного договора с Китаем — таков был фундамент восточноазиатской политики России в XIX в. Общественное мнение России было настроено в пользу развития дружественных связей с Китаем. Эту позицию формировали лучшие умы России — Александр Пушкин, Дмитрий Менделеев, Сергей Витте, Лев Толстой и др. «В наше время, — писал Л.Н.Толстой 4 февраля 1909 г., — людям, хотя несколько просвещенным, нельзя притворяться, что они не знают того, что есть 500 миллионов китайцев и японцев, 400 миллионов индусов, турок, персов, татар, исповедовавших веками и теперь со-

вершенно другие веры, чем наша». Развивая эту мысль, великий писатель продолжал: «Учение буддизма и стоицизма, как и еврейских пророков... а также и китайские учения Конфуция, Лаотзе и мало известного Ми-ти (Мо Ди. — В.М.), все возникшие почти одновременно, около VI века до Рождества Христова, все одинаково признают сущностью человека его духовную природу, и в этом их величайшая заслуга». 11 мая 1899 г. в беседе с молодым музыкантом А.Б. Гольденвейзером Толстой сказал с одобрением: «...У китайцев среди добродетелей упоминается одна — уважение. Просто без отношения к чему-нибудь определенному. Уважение к личности и мнению всякого человека» [Шифман].

высказывая претензию к востоковедному образованию и современной ему науке, Л.Н. Толстой писал: «Мы плохо знаем азиатский мир. Кто изучил его, кто проникся им, кто овладел его сознанием? Я вижу, что китайцы и индусы — не воинственные народы, что они презирают войну и тех, кто ее ведет, что их Будда объявил главной заповедью — запрещение причинить смерть даже насекомому, это уже немало, и хотя бы в этом одном их истинное превосходство над нами. Я вижу, что они не убивают. Из рассказов путешественников я вижу, что они добросовестны в деловых отношениях, уважают свое слово, что они не лгут. А ведь это не часто встречается в Европе» [Шифман].

Как бы ответом на эту претензию были наблюдения путешествовавшего в 1907 г. по Китаю В.М. Алексеева: «Осуждение в течение столь многих веков войны как грубого насилия привело к ярко выраженному миролюбию этого народа. Проповедь культурной силы привела к тому, что в каждом китайце, на каком бы уровне культуры он ни был, сидит вера в совершенствование человеческой природы путем проникновения в книжную премудрость. Исключительное уважение к ученым, благоговейное отношение к покрытой письменами бумаге, строжайшее почитание старших, семейное долготерпение, позволявшее нескольким поколениям жить совместно и, наконец, полное отсутствие всякой религиозной исключительности, — во всем этом не трудно видеть конфуцианское влияние...» [Алексеев, 1958. С. 100].

В свою очередь и Китай, в лице таких своих представителей, как Сунь Ятсен, Лу Синь, Ли Дачжао, с надеждой и уважением взирал на Россию.

Выдающийся китаевед второй половины XIX столетия В.П. Васильев был открывателем многих новых направлений не только в синологии, но и в отечественном востоковедении вообще. Его труды, с одной стороны, как бы восполнили те пробелы, которые были в нашей науке о Китае, а с другой — заложили прочный фундамент русской буддологии, истории китайской литературы, источниковедения истории Китая.

Исключительно глубокие знания китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского языков и санскрита определили не только широту диапазона исследований, но и уникальность источниковедческой основы трудов В.П. Васильева. Характерной чертой творчества ученого являлось критическое отношение к источникам, стремление переосмыслить их данные для установления истинности фактов. В своей «Автобиографии» Васильев отмечал, что еще в студенческие годы в Казанском университете слова

профессора О.М. Ковалевского «не преклоняться в отыскивании истины перед авторитетом» глубоко запали в его душу, были руководителями всех его симпатий и антипатий [Венгеров, с. 150].

Васильев опубликовал серию фундаментальных исследований в области истории Китая и сопредельных стран, куда вошли «История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в.» (1859), «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин» (1863), «О движении магометанства в Китае» (1867), «Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии» (1868) [См.: Никифоров, с. 11–14].

Изданная В.П. Васильевым в 1873 г. книга «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм» явилась обобщением многочисленных предварительных исследований, которые автор начал, будучи студентом Русской духовной миссии в Пекине. Следующим обобщающим трудом Васильева были «Очерки китайской литературы», увидевшие свет в 1880 г. Немаловажную роль в подготовке этой книги сыграл прочитанный Васильевым впервые в Европе курс лекций по истории китайской и маньчжурской литературы [Эйдлин].

Почти полвека интенсивнейшей работы в области китаеведения принесли В.П. Васильеву заслуженное признание не только в отечественном, но и в мировом востоковедении. Когда 20 августа 1876 г. в Петербурге начал работу III Международный конгресс ориенталистов, Васильев был избран председателем I отдела конгресса, а его выступления привлекли большое внимание [Труды III..., с. XXIV–XXXV]. На V Международном конгрессе ориенталистов в Берлине в 1881 г. Васильев, присутствовавший в составе русской делегации, был избран вице-президентом Дальневосточной секции.

Учившийся у В.П. Васильева академик В.М. Алексеев так обрисовывал впоследствии состояние русской синологии и трагедию своего учителя: «Все прошлое русского китаеведения сложно и мучительно. Разрушительные силы всегда действовали вернее созидательных, и оглядываться на это больно. Наши вполне самобытные таланты: Иакинф Бичурин, сумевший при скудности средств познания страны дать такое разнообразие ответов на основные вопросы, Палладий Кафаров, В.П. Васильев и его ученики Ивановский и Георгиевский — все эти люди всю жизнь мучились огромными проблемами, не ленились ни минуты, но наша русская действительность сумела загнать их, сломить. Все они были, прежде всего, настолько бедны, что не могли напечатать свои сочинения на свой счет, а университет находил только крохи средств. Академику Васильеву хватило их только на печатание китайских текстов на отвратительной бумаге отвратительным набором китайских знаков. И это в конце XIX в.! Уделом большинства ученых поэтому было писать книги, составлять пособия... только для того, чтобы эти книги затем скупала Академия наук у их вдов и хоронила в Азиатском музее... Васильев, потеряв всякую надежду напечатать свои многотомные и первоклассные материалы по исследованию буддизма, сложил их у себя в кабинете, а прислуга, без ведома его, употребила эти длинные листы на растопку печей. Глупая и страшная трагедия!» [Алексеев, 1958, с. 287–288]

Среди выдающихся русских китаеведов второй половины XIX в. видное место занимают современники В.П. Васильева — П. Кафаров и И.И. Захаров, каждый из которых, внося новое в определенные направления китаеведения, в то же время стоял на вершине всего комплекса знаний о Китае, достигнутых мировой наукой. Именно их работы положили начало дифференциации отечественного китаеведения, появлению таких его направлений, как исследование социально-экономической истории Китая, его идеологии, создание обобщающих филологических трудов.

П. Кафаров находился в Пекине в составе трех миссий, две из которых он возглавлял. Круг его научных интересов необычайно широк. Каждому китаеведу и сегодня известен китайско-русский словарь П. Кафарова, ставший классическим образцом труда по китайской филологии второй половины XIX в. Не менее значительны его исследования по истории Монголии, выполненные на основании глубокого изучения китайских источников¹, а также личных наблюдений во время поездок через Монголию в 1847 и 1859 гг. [Дорожные...]. П. Кафаров был первым китаеведом, побывавшим в Уссурийском крае и объяснившим историю его древностей [Ларичев].

И.И. Захаров известен главным образом как автор непревзойденных «Полного маньчжурско-русского словаря» и «Грамматики маньчжурского языка» [Захаров Полный...; он же Грамматика...]. Но он был и первым в России и Европе китаеведом, проведшим исследования земельной собственности в Китае [Захаров Поземельная...]. Не менее интересна работа Захарова по исторической демографии Китая [Захаров Историческое...]. Многие годы своей жизни Захаров отдал дипломатической работе в Китае, а также преподаванию маньчжурского языка в Петербургском университете, профессором которого он был.

Профессор Восточного факультета Петербургского университета С.М. Георгиевский, известный своими трудами в области древней истории Китая, попытался сформулировать практические цели научного китаеведения в России. Он подчеркивал, что китаеведы должны помочь обществу выработать новый взгляд на обитателей Китая — «многовекового, многомиллионного, связанного с нами узами той дружбы, которою в будущем может быть обеспечиваться мир всего мира, на благо живущих в нем племен и народов» [Георгиевский, 1890, с. 271].

Между тем состояние как отечественной, так и европейской синологии, по мнению С.М. Георгиевского, явно не отвечало задачам, выдвигавшимся жизнью. «Синологии как установившейся науки еще не существует, — констатировал он, — в синологии нет еще ни определенных целей, ни утвержденных основ, ни выработанных приемов; синология смешивается еще с простым драгоманством, с умением переводить с китайского языка на тот или другой из языков европейских» [Георгиевский, 1889, с. 6.]. Выход из этого положения Георгиевский видел в дифференциации китаеведения: «Под синологией (ныне понятием весьма туманным) должна разумеаться не одна какая-либо наука, а совокупность многих наук» [Там же].

---

1 Академик Б.Я. Владимирцов назвал П. Кафарова «тонким и умелым знатоком источников по истории монголов» [Владимирцов, с. 9].

В это время европейское востоковедение выступило с тезисом о «застойности Востока». Отповедь этой лжетеории мы находим у выдающегося исследователя кросскультурных связей Н.Я. Данилевского. В своей книге о взаимосвязях России с Европой он писал: «Возьмем, к примеру, самый тип застоя и коснения — Китай, выставляемый как наисильнейший контраст прогрессивной Европе. В этой стране живет около 400 миллионов народа в гражданском благоустройстве. Если бы имелись точные цифры о количестве производительности китайского труда, то перед ними, может быть, побледнели бы цифры английской и американской промышленности и торговли, хотя китайская торговля почти вся внутренняя. Многие отрасли китайской промышленности находятся до сих пор на недостижимой для европейских мануфактур степени совершенства, как, например, краски, окрашивание тканей, фарфор, многие шелковые материи, лаковые изделия и т.д. Китайское земледелие занимает, бесспорно, первое место на земном шаре...» [Данилевский, 1871. Цит. по: Данилевский, 1991, с. 72–73.].

Китайским земледелием много занимался видный китаевед второй половины XIX в. К.А. Скачков. К сожалению, эти его труды остались в рукописях [Скачков, 1977, с. 429–431]. Скачков пытался привить в России китайские чайные кусты, но они погибали в холодном климате. Чайная торговля шла в основном через Кяхту, куда тюки с чаем доставлялись караванами верблюдов. Из Кяхты он развозился по всей России. В 1863 г. русские предприниматели братья К. и С. Поповы арендовали в Китае чайную плантацию и фабрику у города Ханькоу. Через несколько лет чай их фирмы продавался в 90 городах России. С.К. Попова привлекла идея не возить чай из Китая, а разводить его в России. Ему удалось уговорить китайского мастера-чаевода Лю¹ Чжэнь-жуна отправиться в Россию, где он в 1893 г. приобрел несколько участков земли неподалеку от Батуми. Вместе с ними прибыли еще десять мастеров-китайцев, которых взял с собой Лю Чжэнь-жун. Они привезли десять тысяч черенков чайных кустов и несколько сотен пудов семян. Китайский чай — одно из наиболее заметных достижений китайской цивилизации, воспринятое в России.

На рубеже XIX–XX вв. началась массовая миграция китайцев в Россию. Нехватка рук при строительстве Великой Сибирской магистрали и Мурманской железной дороги вынудила российские власти приглашать китайских рабочих [См.: Ларин; Решетов, с. 9–24]. Уже после японско-русской войны на российском Дальнем Востоке сложилась ситуация, когда «часть власти в крае фактически оказалась в руках китайцев, российская администрация была бессильна изменить в свою пользу положение дел. И по мере развития миграционных процессов на Дальнем Востоке — наплыва китайцев в Россию и интенсивного заселения Маньчжурии — опасения за его судьбу в российском обществе усиливались» [Ларин, с. 47].

Для удовлетворения практических потребностей в специалистах по Восточной Азии в 1899 г. во Владивостоке открыли Восточный институт, в котором было широко постав-

1 В ряде документов и исторической литературе фамилия и имя этого чаевода пишется как Лау Джон-джау. Однако его сын, известный ученый и общественный деятель Китая Лю Цзе-жун (Лау Сиу-чжау) объяснил в написанной в 1957 г. «Краткой биографии членов семьи Лао Джон-джау», что так его имя и фамилия звучит на провинциальном диалекте пров. Гуанчжоу, а на официальном государственном языке иероглифы читаются как Лю Чжэнь-жун. [См.: Друг., с.117.]

лено изучение китайского, японского, корейского, монгольского и маньчжурского языков. Институт возглавил Алексей Матвеевич Позднеев, известный монголовед. для преподавания китаеведческих дисциплин были приглашены П.П. Шмидт, А.В. Гребенщиков и А.В. Рудаков. Впоследствии в нем преподавали Г. Цыбиков, Н.В. Кюнер, Д.М. Позднеев.

В Восточном институте велась и исследовательская работа по Китаю, развивавшаяся главным образом в двух направлениях: исследования по Маньчжурии и создание литературы, дававшей практические знания о современном Китае. Исключительно плодотворно работал во Владивостоке Н.В. Кюнер, подготовивший пособия по древней и средневековой истории Китая, географии стран Дальнего Востока, истории отношений Китая со странами Запада. Его капитальный труд «Описание Тибета» [Кюнер] явился сводом накопленных наукой данных об этой части Центральной Азии.

В первом десятилетии XX в. на Восточном факультете Петербургского университета успешно работали китаеведы П.С. Попов, А.И. Иванов, А.Е. Любимов, В.Л. Котвич, начал свой творческий путь В.М. Алексеев. В этот период русская наука вносит огромный вклад в изучение географии, этнографии и археологии Китая и окраинных территорий Цинской империи.

Экспедиции Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, П.К. Козлова, В.И. Робровского, Д.А. Клеменца открыли науке центральноазиатский мир во всем величии его истории и трагизме тогдашнего состояния.

В 1911 г. в Китае цинская монархия была свергнута в результате Синьхайской революции. В 1917 г. разразились две русские революции, потрясшие мир. Грозные события в России отозвались в Азии и Африке гулом многочисленных восстаний, вызвали в Азии цепную реакцию, положили начало активизации борьбы народов Востока против колониальной системы.

* * *

Еще в 1817 г. Наполеон сказал: «Пусть Китай спит, когда он проснется, он потрясет мир». Сегодня мир смотрит на Китай с восхищением и опаской. Китай, в свою очередь, внимательно следит за миром. Особенно за собственным имиджем на мировой арене. Образ каждого государства в мире создается в том числе и зарубежными специалистами, его изучающими. К таким специалистам как раз и относятся китаеведы.

Если обратиться к методологии китаеведения, то, прежде всего, следует сказать, что синология является частью ориенталистики, то есть изучения Востока в целом. Общность методологии можно проследить, обратившись к эволюции востоковедческих исследований [См.: Саид]. Исследования Китая претерпели несколько этапов, прежде чем были выработаны современные методологические подходы.

Первый этап совпадает с эпохой великих географических открытий в XIV–XVII вв. и в основном сводился к поиску сухопутных и морских путей в страны Востока. Вели-

кие страны Азии — Китай и Индия манили европейцев своими богатствами, загадками своих цивилизаций. Этот ознакомительный период дал миру значительное количество описательной литературы, которая содержала географические, политические, экономические, этнографические, антропологические и другие сведения, отличавшиеся той или иной степенью достоверности.

Второй этап охватывает XVII–XVIII столетия. Он привел к установлению и развитию торговых и политических контактов Европы с Востоком. В связи с этим европейским странам потребовались специалисты, знающие восточные языки и нравы. Первые китаеведы в России изучали маньчжурский язык, который был государственным языком империи Цин. Начались переводы на русский язык основных книг, содержащих сведения о Цинском Китае. Этот переводческий период был увенчан изданием на русском языке «Бази тунчжи», что давало представление о происхождении маньчжуров, становлении их государственности, военной организации, обычаях. В свою очередь это помогало понять кто, как и почему правил в Китае. В это же время и в Западной Европе появились первые описания Цинского Китая, выпущенные католическими миссионерами.

В XIX в. переводческий этап был продолжен, но с тем отличием, что начались переводы основных классических (философских, политических, литературных) канонов Китая с китайского языка. Академик Н.И. Конрад справедливо писал: «Научное востоковедение родилось как филология, и притом филология в своем исконном, исторически сложившемся смысле: как наука о письменных памятниках» [Конрад, с.7].

Так было и в Западной Европе, и в России. Не случайно крупнейший востоковед XX в. академик В.М. Алексеев подчеркивал, что «китаистику из всех прочих востоковедных дисциплин едва ли не приходится считать дисциплиной наиболее традиционной, поскольку ее европейская лаборатория до сих пор всецело зависит от вековой туземной лаборатории и ее продукции. Ввести что-либо новое и прочное в нашу науку можно лишь при основательном учете всех предыдущих достижений, которые, увы, до сих пор почти целиком заключены в китайском тексте, и выходит, что для изучения китайского языка нужно, прежде всего, знать этот самый китайский язык» [Алексеев Н.Я. Марр..., с. 30].

Западноевропейская ориенталистика в этот период подверглась влиянию идей европоцентризма. Европейская цивилизация сделала в XIX столетии исторический рывок в своем развитии. Это и стало питательной средой европоцентризма, адепты которого пропагандировали тезис о том, что история человечества направлялась гением, волей и мощью европейского континента. Социально-экономические законы, формации, уклады, по которым жил этот континент, преподносились как универсальные. Европейский сюртук пытались надевать на восточный халат. Возникновению европоцентризма способствовала слабая изученность в Европе цивилизаций Востока.

Так как Россия исторически формировалась как евразийское государство, в котором Восток был существенным компонентом, русское китаеведение избежало «детской болезни» европоцентризма [См.: Скачков, 1977].

В конце XIX и особенно в XX в. наблюдался интенсивный процесс специализации гуманитарного знания, его дифференциации и возникновения новых научных дисциплин и областей исследования. Сформировался большой корпус дисциплин, которыми занималось академическое китаеведение. В него вошли языкознание, литературоведение, философия, археология, культурология, эпиграфика, древняя, средневековая и новая история, международные отношения, страноведение, этнопсихология, нумизматика и др. В дальнейшем гуманитарные науки начали отделяться от социальных, которые также претендуют на изучение культуры Китая в ее различных формах и модусах [См.: Алексеев Советская...].

Это вызывает необходимость выделить из всей совокупности гуманитарных и социальных дисциплин «основную науку», как ее определял еще Г.Г. Шпет. «Как основная наука, — отмечал выдающийся философ, — должна быть и может быть принята только та наука, которая в области данного предмета изучает его в наибольшей полноте... это нормальная постановка вопроса, <которая> единственно разрешает проблему множественности научных методов...» [Шпет, с.1065]. В качестве регулирующего идеала, который позволяет найти способы рассматривать единство разнообразных гуманитарных и социальных наук, предстает культура.

Таким объектом исследования в синологии и стала культура Китая, которая позволила сомкнуть в единое целое объекты различных гуманитарных наук (от археологии до музыковедения, от теории литературы до архитектуры) и найти руководящий принцип при образовании их понятий. При этом, по словам академика В.М. Алексеева, «востоковедение есть наука, уничтожающая на карте точного познания культур мира белые или фальшиво окрашенные пятна» [Алексеев Советская.., с.193].

В.М. Алексеев делил китаеведение на две части: синологию китайскую и синологию европейскую [Алексеев Китайская.., с. 331]. Вот что он говорил о новых поколениях китайских историков: «В новом Китае старый конфуцианский историк сменился новым историком общемирового типа, европейским ученым, перед которым вся предыдущая история китайского старого историка предстала, наконец, в виде мировой проблемы, и он решает ее на общенаучных линиях, в которых конфуцианская идеология есть только объект изучения, а не идеологическая доминанта» [Там же, с.137].

При анализе китайской действительности европейская, американская и даже японская синология сегодня уже не может соревноваться с китайской. Со своей стороны, китайская синология выработала такие базовые концепции, как «теория мирного возвышения Китая», в которой китайской культуре отводится важнейшая роль в построении общечеловеческой цивилизации, а также «мир и гармония» — метод обновления международных отношений.

В XXI в. во всех странах расширяется изучение кросскультурных взаимодействий, использующее комплексную методологию сопряжения различных культур. Эта методология применяется и в китаеведческих исследованиях [Самойлов, 2012] — как важный компонент постижения дихотомий Восток — Запад, Север — Юг.

Остается заметить, что без понимания традиционной и современной китайской духовной культуры невозможно адекватно оценить те гигантские достижения в области производства материальных благ, которые мы видим в Китае в XXI в.

Литература:

- Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения. М. 1972.
- Алексеев В.М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М. 1958.
- Алексеев В.М. Китайская литература. Избранные труды. М. 1978.
- Алексеев В.М. Н.Я. Марр. К характеристике ученого и университетского деятеля. // Наука о Востоке. М. 1982.
- Алексеев В.М. Советская синология // Наука о Востоке. М. 1982. С. 114–159.
- Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л. 1925.
- Бернштам А.Н. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Н.Я.Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л. 1950. Т. I.
- Бертельс Д.Е. Введение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Коллективной монография. М. 1972.
- Большой китайско-русский словарь / Сост. под руков. проф. И.М. Ошанина. Т.3. М. 1984.
- Бранд И.И., Брандт А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступительная статья, перевод и комментарии М. И. Казанина. М. 1967.
- Бретшнейдер Э.В. Русь и Асы на военной службе в Китае // Живая старина. 1894. N 1. С. 67–73.
- Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. IV, отд. II.
- Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л. 1934.
- Воробьева-Десятовская М.И., Савицкий Л.С. Тибетоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М. 1972.
- Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. СПб. 1890.
- Георгиевский С.М. Граф Л. Толстой и «Принципы жизни Китая». СПб. 1889.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М. 2006.
- Данзан Л. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М. 1973.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб. 1871.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М. 1991.
- Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. М. 1966.
- Дорожные заметки на пути в Монголию в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия... СПб. 1892.
- Друг издаека. Документы из истории грузинско-китайской дружбы. Батуми. Госиздат. 1958.
- Духовная культура Китая. Т. 1. Философия. М., 2006; Т.2. Религии, верования мифы. М. 2007.
- Дучич Й. Граф Савва Владиславич. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. СПб. 2009.
- Ефимов Г.В. У истоков русского востоковедения // Вестник ЛГУ. 1973. № 20.
- Захаров И.И. Грамматика маньчжурского языка. СПб. 1875.
- Захаров И.И. Историческое обозрение народонаселения Китая // Труды членов Российской духовной миссии. 1852. Т. I. С. 247–360.
- Захаров И.И. Поземельная собственность в Китае // Труды членов Российской духовной миссии. 1853. Т. II. С. 1–96.

- Захаров И.И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
- Захаров И.И. Полный маньчжурско-русский словарь. Изд. 2-е. Пекин. 1939.
- Иванов А.И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши // Записки разряда военной археологии и археографии. Имп. русского военно-исторического общества. 1914. Т.3.
- Идес Избрант, Бранд Адам Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вст. ст., пер. и ком. М. И. Казанина. М. 1967.
- История Академии наук СССР. М.–Л. 1964. Т. 2.
- История внешней политики России. Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М. 1995.
- История отечественного востоковедения до середины XIX в. М. Т. I. 1990; Т. 2. 1997.
- Карпини Джиованни дель Плано История монголов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М. 1957.
- Кафаров П. Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Живая старина. 1894. № 1. С. 65–67.
- Кафаров П. Старинные следы христианства в Китае // Восточный сборник. Т. 1. Вып. 1. СПб. 1872. С. 47–49.
- Кисляков В.Н. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН — одно из крупнейших хранилищ китайских этнографических коллекций. // Санкт-Петербург — Китай. Три века контактов. СПб. 2006.
- Климова О.В. Первая экспедиция Н.А. Хвостова на Сахалин в 1806 г. (по российским и японским источникам) // Страны и народы Востока... Вып. XXXIII. М. 2010. С. 176–189.
- Ключевский В.О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / Под ред. Р.А. Киреевой. М. 2012.
- Книга степенная царского родословия. Ч. 2. СПб. 1913.
- Конрад Н.И. Запад и Восток. М. 1972.
- Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». Ч. II. СПб. 1810.
- Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М. 1982.
- Кюнер Н. Описание Тибета. Владивосток. 1907. Ч. I; 1908, ч. II.
- Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. М. 2009 г.
- Ларичев В.Е. Путешествие в страну восточных иноземцев. Новосибирск. 1973.
- Леонтьев А. Тайцин гурунь и ухери коли, или все законы и установления Китайского (а ныне Манжурского) правительства. Т. 1. Перевел с манжурского на русский язык Коллегии Иностранных дел надворный советник Алексей Леонтиев. СПб. Императорская Академия Наук. 1781 г.
- Леонтьев А. Тайцин гурунь и ухери коли, или все законы и установления Китайского (а ныне Манжурского) правительства. Т. 1. Перевел с манжурского на русский язык Коллегии Иностранных дел надворный советник Алексей Леонтиев. СПб. 1781.
- Мартынов А.С. Россия и Китай: сходство наследия — общность судьбы. // «Звезда». 1995. № 10.
- Меньшиков Л.Н., Чугуевский Л.И. Китаеведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М. 1972.
- Москвитянин. 1848. № 9.
- Московский телеграф. 1828. № 7.

- Мясников В.С.* Реализация русской дипломатией Кяхтинского договора с Китаем (середина XVIII века) // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. VI. 1752 * 1765. М. 2011.
- Мясников В.С.* Русский маньчжуровед Г.М. Розов // *Мясников В.С.* Квадратура китайского круга. Избранные статьи. Кн. 1. М. 2006.
- Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М. 1970.
- Решетов А.М.* Китайцы в Санкт-Петербурге: (фрагменты истории) // Санкт-Петербург — Китай: Три века контактов. СПб. 2006.
- Русский вестник. Т. 5. СПб. 1842.
- Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. ак. *В.С. Мясникова*. М. 2004.
- Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы. Т. 1. 1803–1807. М. 1995. Док. № 3, 64.
- Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. 1608–1683. М. Т. I. 1969.
- Русско-китайские отношения в XVIII. Документы и материалы. Т. 2. 1725*1727. М. 1990.
- Русско-китайские отношения в XVIII. Документы и материалы. Т. 3. 1727*1729. М. 2006.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. 1982.
- Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Перев. с англ. А.В. Говорунова. СПб. 2006.
- Самойлов Н.А.* Китайский маршрут. Путеводитель с картами. СПб. 2003.
- Самойлов Н.А.* Россия и Китай // Россия и Восток. СПб. 2002. С.526–528.
- Самойлов Н.А.* Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб. 2012.
- Самойлов Н.А.* Россия и Китай. // Россия и Восток. СПб. 2002.
- Саркисова Г.И.* Вольтер о Китае и становление русского китаеведения // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М. 1993.
- Скачков П.Е.* История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (краткий очерк) // Международные связи России в XVII и XVIII вв. М. 1966.
- Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М. 1977.
- Скачков П.Е.* Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России // Проблемы востоковедения. 1960. № 3.
- Софийская вторая летопись 6903 г. // Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб. 1853.
- Сыма Цянь.* Исторические записки. Перевод Р.В. Вяткина. ТТ. 1–10. М. 1972–2001.
- Труды III съезда ориенталистов. СПб. Т. I. 1879–1880.
- Чжан Син-лань* История отношений Китая с Западом. Т. 2. Пекин. 1930.
- Шифман А. И.* Лев Толстой и Восток. Изд. 2-е перераб. и доп. М. 1971.
- Шпет Г.Г.* История как проблема логики / Под. ред. ак. *В.С. Мясникова*. М. 2004.
- Эйдлин Л.З.* К 90-летию выхода в свет первого очерка истории китайской литературы // Страны и народы Востока. М. Вып. II. 1970.
- Some early Russo-Chinese relations by Gaston Cahen, Shanghai. 1939.

УДК 327; 355

НАТАЛЬЯ ЕМЕЛЬЯНОВА

Актуальный баланс сил в Азии и положение Индии

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать архитектуру безопасности и оценить баланс сил в азиатском мегарегионе с точки зрения места и роли современной Индии как поднимающейся державы. Особое внимание уделено таким аспектам, как милитаризация региона; ядерный фактор и принципы индийской ядерной доктрины; проблема энергодефицита; соперничество-партнерство между Индией и Китаем; американо-индийские отношения в контексте стратегического разворота США в сторону АТР и американо-китайской конкуренции.

Ключевые слова: Индия, Азия, Китай, баланс сил, милитаризация, ядерный статус, китайско-индийские отношения, американо-китайские отношения, растущая держава.

Динамичное развитие современной Азии, занимающей первое место по объемам производства и обладающей огромным человеческим потенциалом (более 3 млрд чел.), укрепление азиатских международных финансовых центров и увеличение доли мегарегиона в мировых финансовых потоках — серьезные доводы в пользу тезиса о вероятном доминировании азиатских стран в XXI столетии. Азия остается мощнейшим драйвером глобального экономического развития, что подтверждают данные МВФ [Asia...]. Начиная с 1990-х годов наиболее высокие темпы роста реального ВВП фиксируются в Китае и Индии [Подробнее см.: Агарвал]. В то же время экономические успехи азиатских стран неспособны сгладить проблемы политической неоднородности мегарегиона.

Меняющаяся политическая ситуация в Азии во многом определяется в настоящее время такими факторами, как сложные взаимоотношения соперничества-партнерства между главными региональными лидерами — Китаем и Индией; вовлеченность США, усилившаяся в контексте стратегического разворота Вашингтона в сторону Азии; борьба за энергоресурсы между азиатскими странами на фоне нарастающего энергодефицита в регионе.

Перед современной Индией как поднимающейся силой стоят непростые дилеммы, которые страна еще не готова полностью решить. В рамках обновленной внешнеполитической стратегии «Действуй на Востоке» (Act East), представленной в конце 2014 г.

Сведения об авторе: Емельянова Наталья Николаевна — научный сотрудник Института философии РАН, доцент философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), кандидат политических наук; nata.emelyanova86@gmail.com.

в Мьянме, Индия намерена расширять свое присутствие в Юго-Восточной и Восточной Азии. Кроме того, в качестве отдельного стратегического направления Дели официально рассматривает Центральную Азию (Connect Central Asia Policy).

Стратегические разработки относительно возможного нового места и роли Индии в Азии ведутся Советом по национальной безопасности страны, функционирующим с 1998 г. Кроме того, проблема индийского присутствия в Азии активно разрабатывается в таких крупных информационно-аналитических и научно-исследовательских центрах, как Институт исследований и анализа в области обороны (Institute for Defense Studies and Analyses, IDSA¹), Фонд экспертизы и аналитики (Observer Research Foundation, ORF²), Центр по исследованию проблем развития гражданского общества (Centre for Civil Society, CCS³), Центр политических исследований (Centre for Policy Research, CPR⁴).

За последние десятилетия количество и качественный уровень индийских «фабрик мысли» заметно возросли. Во всяком случае, в «глобальном рейтинге мозговых центров», составляемом в Пенсильванском университете, Индия включена в лидирующую пятерку стран с наибольшим числом информационно-аналитических центров такого рода (США — 1830, Китай — 429, Великобритания — 287, Германия — 194, Индия — 192) [2014...].

Остановимся на ключевых факторах, способствующих или, напротив, препятствующих расширению индийского влияния в Азии.

Военный баланс в Азии

В соответствии с данными Глобального индекса военной мощи, в десятку государств, обладающих сильнейшими вооруженными силами, входят три азиатские страны: Китай, Индия и Южная Корея, занявшие в 2015 г. 3-е, 4-е и 8-е места соответственно (табл. 1).

Таблица 1

Сильнейшие вооруженные силы мира (данные отчета Global Firepower за 2015 г.)⁵

Место	Страна	Бюджет ⁶	Личный состав
1	 США	\$689 млрд	1,5 млн чел.

1 Официальный веб-сайт: idsa.in/

2 Официальный веб-сайт: orfonline.org/

3 Официальный веб-сайт: ccs.in/

4 Официальный веб-сайт: cprindia.org/

5 На основании данных официального портала Global FirePower. Режим доступа: globalfirepower.com/ (дата обращения: 15.01.2017).

6 Цифры бюджетов указаны для всех родов вооруженных сил (сухопутных, морских, военно-воздушных).

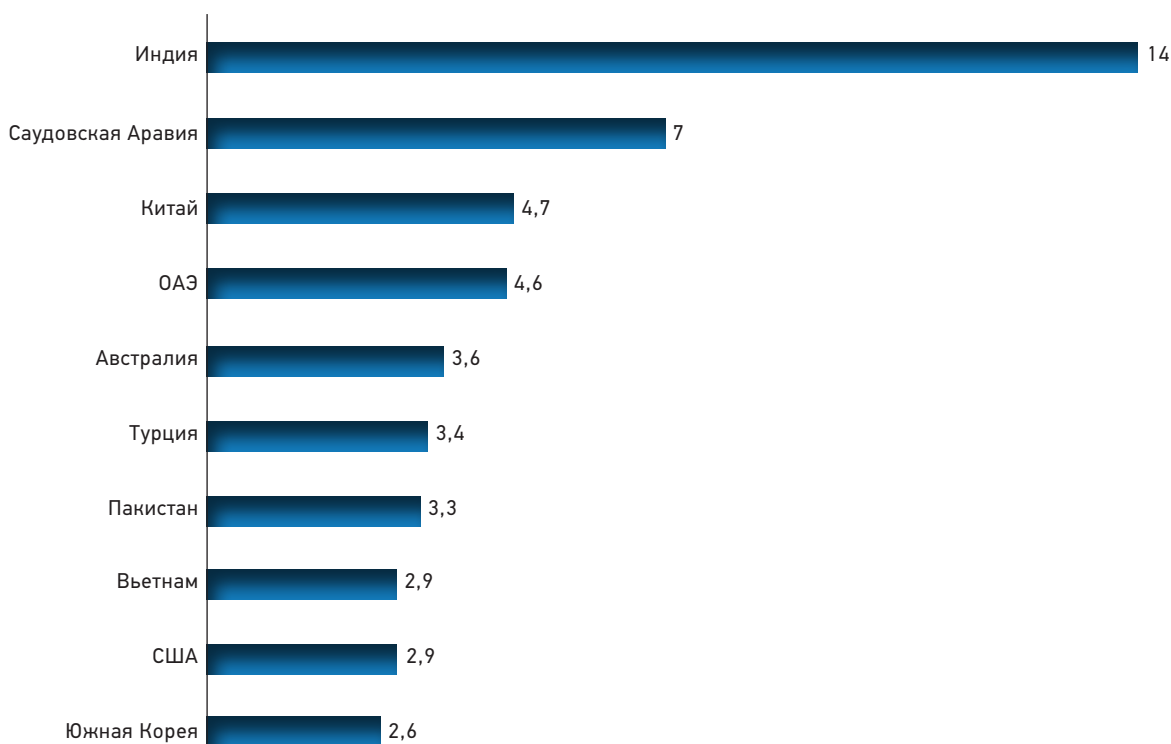
Место	Страна	Бюджет ⁶	Личный состав
2	 Россия	\$64 млрд	1,2 млн чел.
3	 Китай	\$129 млрд	2,2 млн чел.
4	 Индия	\$44,2 млрд	1,3 млн чел.
5	 Великобритания	\$57,8 млрд	224 тыс. чел.
6	 Франция	\$58,2 млрд	362 тыс. чел.
7	 Германия	\$43,7 млрд	148 тыс. чел.
8	 Южная Корея	\$28,2 млрд	653 тыс. чел.
9	 Италия	\$31,9 млрд	293 тыс. чел.
10	 Бразилия	\$31,5 млрд	371 тыс. чел.

Параллельно с резким скачком в экономическом развитии наблюдаются серьезные процессы милитаризации, что сказывается на политических отношениях в регионе.

В последние годы многие аналитики отмечают серьезное увеличение оборонных расходов азиатских стран, опережающих по этому параметру страны ЕС. Впервые эта значимая тенденция была отмечена в 2012 г. лондонским Международным институтом

стратегических исследований (IISS) в докладе «Военный баланс 2012 г.»¹. В докладе организации за 2016 г. оборонный бюджет Индии оценивается уже в 51,1 млрд долл. [The Military...] По военным расходам Индия обошла не только такие страны ЕС, как Германия и Италия, но уже и Францию.

Не менее интересны данные Стокгольмского института исследований проблем мира относительно доли стран Азии в глобальном импорте вооружений: за пять лет, с 2011 по 2015 г., в Топ-10 крупнейших импортеров оружия вошли 6 стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР): Индия, Китай, Австралия, Пакистан, Вьетнам, Южная Корея (в порядке убывания трат на импорт). Траты Индии на закупку вооружений за этот период составили 14 млрд. долл., превысив почти в 2 раза аналогичные траты Саудовской Аравии, занимающей вторую позицию в Азии (7 млрд. долл.), и почти в 3 раза — Китая, оказавшегося на третьем месте (4,7 млрд. долл.).

Источник: данные Стокгольмского международного института исследования проблем мира (официальный сайт — sipri.org/).

Рис. 1. Топ-10 глобального импорта вооружений в 2011–2015 гг., млрд долл.

Данные отчета «Asia-Pacific Defense Outlook» за 2016 год также подтверждают, что наиболее стремительный рост военных расходов демонстрируют прежде всего страны Азиатско-Тихоокеанского региона. На них приходится 1/3 всех военных ассигнований в мире.

¹ Официальный сайт организации: iiss.org/

Аналитические доклады разных лет: iiss.org/en/publications/military-s-balance

Милитаризация региона, существенный рост военных бюджетов, общее усиление экономических и политических позиций азиатских стран, вступающих в многочисленные альянсы друг с другом и конкуренцию — все эти факторы могут расцениваться как предвестники формирования нового баланса сил в Азии.

Стратегическое значение в данном контексте приобретает безопасность судоходства, поскольку более половины контейнерных перевозок в мире идут через АТР. Согласно данным «Asia-Pacific Defense Outlook», в период с 2010 по 2014 г. число пиратских атак в зоне АТР возросло на 30% (хотя в мировых масштабах оно снизилось). На этом фоне к 2020 г. (по отношению к 2016 г.) прогнозируется увеличение военно-морских расходов на 60%¹. Известно также, что к этому сроку Китай увеличит свое присутствие на тихоокеанских акваториях, построив 30 новых подводных лодок и новый авианосец.

С 2006 года в Китае действует Программа модернизации национальной обороны, рассчитанная до 2050 г. Китай не просто увеличил свою боевую мощь, но и стал пока единственной страной Азии, которая в серьезных объемах экспортирует вооружения, поставляя свою продукцию в 35 стран (минометы, стрелковое оружие, танки, БМП, учебно-боевые самолеты, ракетные и артиллерийские системы и др.). Доля Китая на международном рынке оружия составляет 5% [Подробнее см.: Каменнов. С.12–18.]. По оценкам Стокгольмского института исследований проблем мира, Китай вышел на третье место среди крупнейших стран-поставщиков вооружения, потеснив Германию и Францию (США и Россия находятся, соответственно, на первом и втором местах). За пятилетний период 2010–2014 гг. китайский военный экспорт вырос на 143%, достигнув 7,1 млрд долл. При этом крупнейшим потребителем китайских вооружений является Пакистан, на долю которого приходится более 40% китайских поставок. Среди азиатских стран крупными импортерами китайского оружия являются также Бангладеш (16%) и Мьянма (12%)².

Масштабное военное сотрудничество, разворачивающееся непосредственно у границ Индии, не может не беспокоить индийское руководство, которое со второй половины 2000-х годов отмечает неприятное для себя «наступление» Китая в Южной Азии. Под этим подразумеваются не только военные, но и экономические и гуманитарные инициативы КНР [Hazarika].

Южная Азия традиционно рассматривается Индией как особая сфера влияния, формирующая жизненное пространство индийского государства. При этом возрастает и значение Южной Азии в глобальной системе международных отношений. Но если ранее региональная безопасность зависела в основном от индо-пакистанских отношений, то сейчас ситуация усложнилась. Она определяется своеобразным разделением

---

1 Официальный сайт организации: iiss.org/

Аналитические доклады разных лет: iiss.org/en/publications/military-s-balance

2 Подробнее см.: Стокгольмский международный институт исследований проблем мира. Официальный сайт: sipri.org/.

главных трендов: с одной стороны, растущая мощь Индии и Китая, с другой — Пакистан и Афганистан, два нестабильных государства «в состоянии распада» (failing states).

Стремительный рост Китая стал своеобразным вызовом новому «азиатскому порядку после холодной войны». Не вызвав изначально реакции со стороны США, подъем Китая практически сразу породил опасения у других стран АТР, в том числе Индии. В военном плане Индия имеет отдельные преимущества (мощный флот и способность к быстрому приведению своих формирований в боеготовность), но все же находится в роли догоняющего. Дели, к примеру, сильно уступает Пекину по численности вооруженных сил, которая относительно масштабов страны не слишком велика (1,3 млн чел.).

Мирную риторику Индии в духе «исключительно оборонительной политики» ряд экспертов ставит под сомнение. В качестве аргумента ссылаются, например, на стратегию «холодного старта» [W.C.], о которой говорится довольно много — несмотря на то, что официальный Дели отрицает ее наличие. Стратегия «холодного старта» подразумевает поддержание высокой степени мобилизационной готовности вооруженных сил для упреждения противника. Стратегия в первую очередь ориентирована на возможную конфронтацию с Пакистаном; в ходе ее реализации запланированы наступательные действия (в том числе с применением высокоточного и даже ядерного оружия), которые должны сломить противника в течение двух суток.

И все же военный баланс сил в Азии следовало бы оценить однозначно в пользу Китая, если бы не геополитические изменения, которые привели к увеличению роли США в мегарегионе.

«Азиатский фокус» США и перспективы Индии

Особый интерес со стороны Вашингтона к зоне АТР получил новые оттенки на фоне неудачной попытки администрации Барака Обамы в конце 2000-х годов заложить основы американо-китайского тандема супердержав в формате «G-2». Китай не спешил принимать предложения, идущие в данном направлении. Осознав это, США взяли курс на сдерживание КНР и в 2012 г. обозначили стратегический разворот своей политики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Новый курс предполагал активное взаимодействие со странами-соседями Китая, крайне обеспокоенными его растущей военной мощью.

Своеобразным индикатором такой политики стала позиция США в обострившемся на тот момент между Китаем и Филиппинами — военным союзником США — территориальном споре по поводу Южно-Китайского моря.

Шельф Южно-Китайского моря богат залежами нефти, которые были открыты в 1976 г. (по различным оценкам, более 17 млрд т). Сложно переоценить и геоэкономическое значение Южно-Китайского моря: так, в настоящее время через его акваторию поставляется более 80% китайского импорта углеводородов. Право присутствия в во-

дах Южно-Китайского моря, помимо КНР, оспаривают Тайвань, Малайзия, Вьетнам, Индонезия и Филиппины. Пекин настроен крайне решительно. На возведенных Китае искусственных островах развертывается военная техника — боевые корабли, самолеты и ракеты. Однако если в 2000-е годы доминирование Пекина в Южно-Китайском море было неоспоримо, то с усилением присутствия США в регионе ситуация выглядит не столь однозначно.

Мы являемся свидетелями формирования нового мироустройства, центр которого смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. Распространенная точка зрения связывает новую «шахматную игру», как и гипотетическую «большую войну» в новой конфигурации прежде всего с американо-китайскими отношениями. Роль Индии в складывающейся модели ставится под сомнение — на том основании, что это самая слабая из так называемых поднимающихся держав.

Однако такая трактовка, думается, преуменьшает перспективы, которые открывают перед Индией американо-китайское противостояние в АТР и американская политика «опорного столпа в Азии» («Pivot to Asia»).

Индийские исследователи Харш Пант и Йогеш Джоши [Pant, p. 154.] уверены, что для Индии складывается весьма выгодная геополитическая ситуация. Они предлагают рассматривать Индию не как «самую слабую из поднимающихся», а как «среднюю державу», положение которой, при правильно выстроенном взаимодействии с США, дает возможность получить великодержавный статус. Подчеркивая, что сама по себе «перспектива конфликта между США и Китаем благоприятна для Индии, в то время как ее трансформация в реальный конфликт имела бы прямо противоположный эффект» [Ibid, p.24.], авторы предлагают активнее играть на этой гипотетической перспективе.

Харш Пант, профессор Королевского колледжа в Лондоне, и его коллега Йогеш Джоши сравнивают «ответную реакцию на своего рода реверансы США» двух последних правительств Индии: прежнего, сформированного Объединенным прогрессивным альянсом (левоцентристской коалицией), во главе с Манмоханом Сингхом, и нынешнего, сформированного Национальным демократическим альянсом (правоцентристской коалицией), во главе с Нарендрой Модой.

По мнению этих исследователей, правительство Манмохана Сингха не торопилось принимать предложения США, в том числе в военно-технической области. К окончанию второго срока правления Объединенного прогрессивного альянса индийско-американское сближение почти утратило свой первоначальный импульс. Отчасти это можно объяснить попытками Индии нормализовать отношения с Китаем, что принесло определенные плоды. Так, в процессе урегулирования пограничного спора в штате Аруначал-Прадеш по линии фактического контроля (неофициальной границы), обеими сторонами начиная с 2013 г. даже предпринимались попытки наладить военное сотрудничество. Наблюдался рост индо-китайских экономических связей. Китай, наряду с США и ЕС, вошел в тройку ключевых торговых партнеров Индии (торговый оборот —

около 70 млрд долл.). Со стороны Китая раздавались заявления о готовности инвестировать в индийскую экономику. В ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в Нью-Дели в 2014 г. фигурировала сумма возможных инвестиций в размере 20 млрд долл. на ближайшие пять лет [Емельянова].

В то же время, стремясь сдержать рост Индии в мировом масштабе, Пекин предпринял по отношению к ней ряд недружественных шагов: 1) дипломатическими способами тормозилось принятие Индии в мировые институты и организации (например, в Совет Безопасности ООН); 2) усилилась военно-техническая поддержка Пакистана; 3) активно проводилась стратегия «Нить жемчуга», логика развития которой предвещает для Индии ее стратегическое морское окружение.

По оценкам Х. Панта и Й. Джоши, «столь откровенный натиск Китая привел к тому, что позиция правительства Моды постепенно сближается с позицией США в отношении КНР; особенно в части опасений по поводу китайской внешней политики, воспринимаемой в экспансионистском ключе» [Pant, p.74].

После прихода к власти правительства во главе с Нарендрой Моды вновь возобновился диалог с США по приостановленным ранее инициативам («Технологическая инициатива», «Торговля оборонными технологиями», развитие программ мирного атома). Национально-демократический альянс находит, что американская стратегия «Опорный столп в Азии» политически близка индийской стратегии «Действуй на Востоке».

Ядерный фактор и проблема энергодефицита в азиатской политике

В ситуации существенного энергодефицита экономический рост большинства азиатских стран напрямую зависит от развития ядерных технологий. Однако программы мирного атома, как известно, довольно сложно отделить от его возможного применения в военных целях. Угроза неконтролируемого распространения ядерного оружия задает актуальную политическую повестку современной Азии. Помимо широко растиражированной информации о неофициальной ядерной программе Ирана и «иранской угрозе» Западной Азии, с 2010 г. стали появляться сообщения о соответствующих разработках в одной из стран Юго-Восточной Азии — Мьянме [Kelley; Myanmar...].

Среди азиатских стран ядерным оружием обладают Китай, Индия, Пакистан и КНДР. Из них только Китай, будучи «старой» ядерной державой, входит в мировой «ядерный клуб». При этом, в отличие от других членов этого «клуба», Китай не предоставляет никакой официальной информации о численности своего военного потенциала. Ядерный арсенал Поднебесной оценивается в широком диапазоне от 240 до тысяч единиц. Другие упомянутые страны являются «молодыми» ядерными державами, чей статус формально не прояснен, поскольку они не участвуют в Договорах о нераспространении ядерного оружия и о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний, которые являются основными правовыми элементами режима нераспространения ядерного оружия (табл. 2).

Таблица 2

«Молодые» ядерные державы Азии

Страна	Первое ядерное испытание, год	Последнее ядерное испытание, год	Арсенал тактического и оперативно-тактического ядерного оружия, ед.	Участие в СТВТ / ДВЗЯИ (договоре о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний)	Название военной ядерной программы
 Индия	1974	1998	до 100	не подписан	«Программа создания и развития ядерного вооружения»
 Пакистан	1998	1998	до 80	не подписан	«Политика повышения возможностей» (Option-enhancing Policy)
 КНДР	2006	2016	около 12	не подписан	«План создания стратегических ядерных сил»

Ядерная угроза со стороны КНДР — широко обсуждаемая в публичном пространстве тема. Нередко звучат обвинения в адрес северокорейских властей в нелегальной продаже ядерных технологий на Ближний Восток и странам африканского континента. Появлялась информация о перехватах соответствующих грузов, поставлявшихся в Иран, Сирию, Конго.

Ядерный шантаж в условиях политики изоляционизма со стороны КНДР — серьезная угроза стабильности в Юго-Восточной Азии. Неоднократные официальные заявления северокорейских властей о готовности нанести превентивный ядерный удар по Южной Корее и США весьма сильно тревожат соседний Китай. В начале 2016 г. проблему отдельно подчеркнул министр иностранных дел Китая Ван И на ежегодной пресс-конференции, приуроченной к открытию сессии Всекитайского собрания народных представителей (высшего законодательного органа страны), Ван И отметил: «Китай — самая большая страна на границе с Корейским полуостровом, он не может просто наблюдать за тем, как там подрывается стабильность, не может допустить, чтобы от этого пострадали интересы безопасности Китая <...>. Пекин готов предоставить КНДР необходимую помощь и поддержку для развития страны, но при этом не может смириться с планами по созданию ядерного оружия КНДР» [Глава...].

В то же время по уровню технологических разработок и арсеналу ядерного оружия Северная Корея не может сравниться с Пакистаном и Индией, возможности которых сопоставимы друг с другом.

Южная Азия является одним из крупнейших в мире рынков атомных реакторов. Однако проведение Пакистаном и Индией очередных ядерных испытаний в 1998 г. стало вызовом системе международного экспортного контроля торговли ядерными материалами.

Стабильность региональной подсистемы отношений в треугольнике Китай — Индия — Пакистан в военно-стратегическом плане может быть обеспечена принципом неприменения ядерного оружия первыми. Данный принцип официально разделяется руководством Китая и Индии. А вот Исламабад в рамках собственной ракетно-ядерной программы не дает гарантий неприменения первым ядерного оружия. Военная доктрина Пакистана, разработанная в сотрудничестве с американскими и китайскими специалистами, рассматривает возможность применения ядерного оружия пакистанской стороной в ситуации конфронтации с Индией, при явной угрозе территориальной целостности, которую невозможно будет сохранить иными способами, а также при уничтожении основной части военных сил Пакистана, сопровождающемся экономической блокадой и масштабными диверсиями внутри страны. Важно отметить, что в качестве главного стратегического партнера в Азии Пакистан в последние 10 лет видит Китай. В качестве союзников рассматриваются также различные мусульманские страны, прежде всего Саудовская Аравия.

Активность Индии в развитии различных компонентов ядерного оружия в 1990-е годы была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, необходимостью сдерживания Пакистана, неоднократные вооруженные конфликты с которым привели к тому, что две эти страны уже долгое время воспринимают друг друга в качестве ключевых военных противников. Во-вторых — сдерживанием Китая, усиливающееся соперничество с которым обостряется тесным взаимодействием между Китаем и Пакистаном в области военно-технического сотрудничества (в последнее десятилетие также отмечается увеличение пакистано-северокорейских контактов в этой сфере). В-третьих, желанием усилить контроль за Индийским океаном: Индия очень трепетно относится к расстановке сил в акватории Индийского океана, где помимо нее на постоянное военно-морское присутствие претендуют Китай и США. В-четвертых, стремлением обрести статус великой державы. Руководство страны в разные годы придерживалось мнения, что наличие ядерного арсенала, даже в случае внешних санкций, позволяет усиливать позиции страны по тем или иным вопросам, являясь важным аргументом для получения членства в Совете Безопасности ООН, чего Индия активно добивается.

Индийский исследователь международных отношений Раджеш Басрур отмечал также, что решающим фактором проведения ядерных испытаний именно в 1998 г. «стало давление со стороны США и Конференции по разоружению в Женеве, где проходили переговоры по ДВЗЯИ (Договору о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний), поставившие Индию перед вопросом «или сейчас, или никогда» [Басрур].

Индия длительное время упорно настаивала на исключительно оборонительном характере своей военной ядерной доктрины. Следование принципу неприменения ядер-

ного оружия первыми предполагает ряд преимуществ, таких как облегчение гражданско-политического контроля над ядерными силами; более адекватное реагирование в случае ложной тревоги; возможность переложить тяжелое бремя принятия решения о нанесении ядерного удара полностью на противника. Кроме того, доктрина неприменения ядерного оружия первыми выгодна в финансовом отношении в том смысле, что снижаются затраты на содержание ракет в пусковых установках, которые необязательно поддерживать в состоянии боеготовности. Последнее важно для Индии, ставящей перед собой много амбициозных задач экономического развития. К тому же официальный Дели обосновывает свою позицию тем, что нанести такой первый ядерный удар, который мог бы полностью обезвредить противника и не дать ему нанести ответный удар, практически невозможен [Six...].

Среди основополагающих пунктов ядерной доктрины Индии официально были выделены следующие принципы, которые остаются до сих пор неизменными [The Cabinet...]:

- (а)** принцип неприменения ядерного оружия первыми;
- (б)** принцип неприменения ядерного оружия против неядерных держав;
- (б)** развитие потенциала минимально разумного сдерживания;
- (в)** санкционирование ответного удара, способного максимально обезвредить противника, только со стороны гражданско-политического руководства страны;
- (г)** строгое соблюдение международных требований в области контроля над экспортом ядерных и ракетных материалов и технологий;
- (д)** соблюдение моратория на проведение ядерных испытаний.

Несмотря на достаточно высокий уровень напряженности в индо-пакистанских отношениях, в ядерной сфере обе страны ранее придерживались стратегии минимального сдерживания. Однако в ноябре 2016 г. министр обороны Индии Манохар Паррикар озадачил мировую общественность своей, как он выразился, «персональной позицией», частично подвергнув критике принцип неприменения ядерного оружия первыми [Six...]. Журнал «Foreign Affairs» по этому поводу отметил, что «нынешнее правительство поставило под сомнение многие истины индийской государственности...» [Ahmed].

В целом внешнеполитическая доктрина Индии в настоящее время, похоже, подвергается обстоятельному пересмотру. Об этом говорят, в частности, и серьезные изменения в кадровом составе министерства иностранных дел, начавшиеся со второй половины 2015 г.

Стремясь укрепить стратегическое партнерство с США, индийцы, однако, пытаются сузить возможности для маневрирования Вашингтона между Дели и Исламабадом.

Не будет преувеличением сказать, что одна из важных целей нынешнего индийского руководства состоит в том, чтобы добиться международной изоляции Пакистана. При этом внутривнутриполитическая ситуация не позволяет Исламабаду занимать предельно жесткую позицию в отношении Индии.

В последнее время Пакистан вынужден перебрасывать вооруженные силы для борьбы с талибами на северо-западе страны, что существенно снижает его военные возможности на индо-пакистанской границе.

Возвращаясь к индо-американским отношениям, нельзя не упомянуть особый статус атомной энергетики Индии. В настоящее время Индия занимает позиции мирового уровня по разработке ядерных реакторов на быстрых нейтронах. Индийские АЭС являются четвертым по значимости источником электроэнергии в стране, на них приходится 3% ее производства. По оценкам специалистов, к 2050 г. этот показатель достигнет 25% [Nuclear...]. Следуя заветам «отца» атомной энергетики страны — физика-ядерщика Хомми Дж. Баба, Индия строит амбициозные планы развития своего атомного проекта. Так, основным элементом, который планируется использовать в качестве топлива индийских АЭС, является торий. Его запасы в Индии весьма высоки и оцениваются в 850 тыс. т. Индийские ученые полагают, что этих запасов хватит не на одно столетие [Подробнее см.: Рабей]. Специалисты уже сделали проект тяжеловодного реактора АНWR, который рассчитан на использование тория.

При этом долгое время индийская атомная программа была ограничена в возможностях, сильно страдая от ограничений со стороны Группы ядерных поставщиков (ГЯП), которые фактически лишали страну доступа к мировому рынку ядерного топлива. Но со второй половины 2000-х годов «ядерная блокада» Индии стала слабеть, чему во многом способствовали договоренность и совместные усилия по решению этого вопроса правительств Дж. Буша-мл. и М. Сингха. Итогом стало ратифицированное в 2008 г. Конгрессом США и парламентом (Сансадом) Индии «Соглашение 123» (или «Соглашение по вопросам мирного использования ядерной энергии»), в соответствии с которым Индия взяла на себя обязательство четко разделить атомную промышленность на гражданскую (под контролем МАГАТЭ) и военную. Тогда же страны-участницы ГЯП приняли «Декларацию о мирном ядерном сотрудничестве с Индией», снимавшую ограничения по взаимодействию с Индией в атомной области. Без решительного дипломатического давления со стороны США это было бы невозможно.

«Соглашение 123» создало важный прецедент мирового значения — его можно расценивать как фактическое признание ядерного статуса Индии. В определенной мере это усложняет взаимодействие стран ГЯП с другими государствами, ведущими разработки в сфере ядерного оружия.

И все же, как растущая экономика, Индия пока крайне нуждается в традиционных энергоресурсах. По прогнозам Аналитического центра при Правительстве РФ, к 2040 г. «спрос на жидкие топлива во второй крупнейшей азиатской экономике <...> более чем удвоится» [Прогноз...]. Проблему энергобезопасности в стране обострил энергетиче-

ский кризис 2012–2013 гг. Так, недопоставленное количество электроэнергии в часы максимальных нагрузок в январе 2013 г. достигло рекордного показателя — 11,4%.

Ранее до 70% нефти и газа в Индию шло из Персидского залива [Савкович]. Однако политическая нестабильность в регионе, сопряженная с военными конфликтами, заставила руководство страны обратить внимание на центральноазиатский регион. Нацеленность Индии на развитие отношений со странами Центральной Азии напрямую связана с решением проблемы энергетической безопасности страны. Крупнейшая нефтегазовая корпорация Индии ONGC в течение последнего десятилетия все более активно инвестирует в нефтяные месторождения Казахстана. Индийские власти обсуждают возможности по инвестированию в проекты крупных магистральных трубопроводов — в частности, предлагается вложить до 7,6 млрд долл. в трубопровод Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия протяженностью 1680 км. [Campbell]

Ключевые аспекты обновленной внешней политики Индии в отношении Центральной Азии были представлены в 2012 г. в Бишкеке министром иностранных дел Едаппакатой Ахамедом на форуме «Первый индо-центральноазиатский диалог» [Keynote...]. Озвученная на форуме стратегия «Connect Central Asia policy» (ССАР) предусматривает создание совместных коммерческих и туристических компаний, развитие транспортно-логистических инициатив (главным образом в области воздушного сообщения) и социальной инфраструктуры (IT-центров, университетов, больниц и др.), а также научное сотрудничество и взаимодействие в сфере обороны и безопасности [Dr. Jyoti].

Практически одновременно в Китае на официальном уровне заявлено об особом значении Центральной Азии для внешней политики страны. Символично, что новая внешнеполитическая стратегия КНР «Один пояс и один путь», интегрирующая два масштабных китайских проекта («Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века»), была представлена осенью 2013 г. именно в ходе центральноазиатского турне Си Цзиньпина.

КНР уже сейчас активно инвестирует в ресурсный потенциал региона для выстраивания системы рентабельных и бесперебойных поставок энергоресурсов из Центральной Азии. В целом Китай нацелен на формирование необходимых условий для установления своего экономического доминирования в регионе [Сатпаев]. Таким образом, проблема энергодефицита постепенно делает Центральную Азию одним из ключевых векторов азиатской политики.

Стремление азиатских стран решить проблему энергодефицита привело также к тому, что зона Индийского океана понимается теперь шире, чем это предполагают ее чисто географические рамки. Для акцентирования особой роли данного пространства в современной азиатской политике используется отдельный термин — «Большой Индийский океан» — «одна из важнейших арен и старых, и новых вызовов» [Лебедева].

И индийская, и китайская экономики крайне зависимы от поставок (прежде всего энергоресурсов, газа и угля), которые идут через узкий Малаккский пролив, соединя-

ющий Индийский и Тихий океаны. В похожей ситуации оказываются также Южная Корея и Япония.

Современная военно-морская доктрина Китая в высокой степени ориентирована на решение проблемы геостратегических точек, которые потенциально могут быть использованы для установления экономической блокады страны в случае конфликта или для оказания дополнительного политического давления. Этому подчинена китайская стратегия «Нить жемчуга», предусматривающая, в числе прочего, появление на постоянной основе китайского флота в акватории Индийского океана в обход Малаккского пролива — через Бенгальский пролив. К реализации стратегии привлечены Пакистан, Мьянма, Бангладеш и Шри-Ланка.

Решая проблему геостратегических точек, Китай также пытается проявлять активность в восточной части Индийского океана в проливах Сунда и Ломбок. Так, в 2014 г. эти проливы впервые были задействованы в маневрах военных кораблей КНР [Panda].

Активность Индии на фоне амбиций и действий КНР не всегда выглядела убедительно. В военно-техническом плане она, как отмечалось, все же находится в роли догоняющего. На дипломатическом уровне речь идет о блокирующих действиях. Весьма показательно, что именно из-за открытого и серьезного противодействия Дели Пекину было отказано в статусе постоянного наблюдателя в рамках Военно-морского симпозиума по Индийскому океану (инициированного Индией в 2008 г.). В то же время и здесь Китай умеет находить выходы. Так, с 2012 г. Китай добился аналогичного статуса в другой региональной структуре, объединяющей 19 стран — Ассоциации регионального сотрудничества стран Индийского океана (АРСИО).

Реальное военно-морское превосходство в Индийском океане пока по-прежнему остается у США. По прогнозам экспертов, такая ситуация сохранится вплоть до середины XXI в. [Pehrson] В связи с этим можно прогнозировать объединение усилий Индии, США и Японии по противодействию Китаю в Индийском океане. С 2015 г. Япония вместе с Индией и США стала постоянным участником ежегодных масштабных военно-морских учений «Малабар» [Parameswaran].

* * *

Напряженность в Азии в первую очередь вызвана усилением конкуренции между КНР и США и связанными с этим процессом изменениями в расстановке сил.

Опасная поляризация в регионе на фоне наращивания военной мощи, с одной стороны, усложняет поиск компромиссных вариантов, с другой — способствует появлению новых альянсов и трансформации политического процесса в Азии в сторону новых форматов межгосударственного взаимодействия.

В своих действиях в Азии Индия вынуждена руководствоваться «сохраняющимся превосходством сформировавшегося глобального игрока — США, и формирующегося игрока мирового уровня — Китая» [Flemes, p. 8].

Индийские лидеры во внешней политике неизменно разделяли принцип многополярности. США, выказывая готовность продвинуть Индию на мировой уровень, ожидают от нее более тесного стратегического партнерства, в том числе в процессах, связанных с изменяющимся балансом сил в Азии. А это означает, что Индия оказывается перед непростым выбором: или в сжатые сроки при поддержке США выйти на великодержавный уровень, или оставаться «самой слабой из растущих держав», сдерживаемой Китаем. Еще один альтернативный вариант — развивать локальное сотрудничество с крупнейшими региональными силами и проверенными партнерами — такими как Россия.

Литература:

- Агарвал А.* Рост ВВП и производство: опыт стран БРИКС и уроки, которые следует извлечь странам Центральной Азии. Казахстан, Астана 1–2 июля 2014. — Mode of access: macroproject.net/cms/uploads/gdp_growth_&_manufacturingz_aradhna_aggarwal_rus.pdf (date of access: 15.01.2017).
- Басрур Р.* К вопросу о ядерной доктрине Индии // Ядерный контроль. №1 (75). Том 11. 2005. С. 41–50.
- Глава МИД Китая назвал векторы внешней политики страны на 2016 год // МИА Россия сегодня. 08.03.2016. URL: ria.ru/world/20160308/1386731634.html (дата обращения: 15.01.2017).
- Емельянова Н.Н.* ШОС: новое пополнения // East Russia. 07.07.2015. Режим доступа: eastrussia.ru/material/shos-novoe-popolnenie/ (дата обращения: 15.01.2017).
- Каменнов П.Б.* Китай на мировом рынке вооружений // Азия и Африка сегодня. №11. 2015. С.12–18.
- Лебедева Н.Б.* Большой Индийский океан и китайская стратегия «Нить жемчуга» // Азия и Африка сегодня. №9. 2011. С. 6–13.
- Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года (2014). М. 2014. Режим доступа: eriras.ru/files/forecast_2040.pdf (дата обращения: 21.10.2016).
- Рабей С.Л.* Атомная энергетика Индии // Азия и Африка сегодня. №4. 2016. С. 20–26.
- Савкович Е.В.* Развитие отношений Индии с государствами Центральной Азии в 1990–2000-е гг. и позиция Китая // Вестник Томского государственного университета. №3 (19). 2012. С. 114–120.
- Сатпаев Д.* Китайская экспансия: мифы и реалии // Forbes. Kazakhstan. 17.01.2013. URL: forbes.kz/process/expertise/kitayskaya_ekspansiya_mifyi_i_realii (дата обращения: 15.01.2017).
- 2014 Global Go To Think Tank Index Report. — Mode of access: repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks (date of access: 15.01.2017).
- Ahmed A.* India's Nuclear Doctrine: Coming out of the Closet // Foreign Affairs. 13.12.2016. URL: foreignpolicyjournal.com/2016/12/13/indias-nuclear-doctrine-coming-out-of-the-closet/ (date of access: 15.01.2017).
- Asia and Pacific. Stabilizing and Outperforming Other Regions. Washington, D.C. International Monetary Fund. April 2015. — Mode of access: imf.org/external/pubs/ft/reo/2015/apd/eng/pdf/areo0415.pdf (date of access: 15.01.2017).
- Baruah D.* Japan: India's Unique Maritime Partner // Asia Maritime Transparency Initiative. 17.11.2016. URL: amti.csis.org/japan-indias-unique-maritime-partner/ (date of access: 15.01.2017).
- Campbell I.* India's role and interests in Central Asia. London. 2013.
- Dr. Jyoti Prasad Das.* India's "Connect Central Asia" Policy // Foreign Policy Journal. 29.10.2012.

- URL: foreignpolicyjournal.com/2012/10/29/indias-connect-central-asia-policy/ (date of access: 15.01.2017).
- Flemes D., Costa Vaz A.* Security Policies of India, Brazil and South Africa — Regional Security Contexts as Constraints for a Common Agenda: GIGA Working Papers / Daniel Flemes, Alcides Costa Vaz; German Ins. of Global and Area Studies. 2011. February. № 160.
- Hazarika O.B., Mishra V.* South Asia as a Battleground. Soft Power Contestation Between India and China // *World Affairs. The Journal of International Issues.* №3 (V. 20). Autumn (July-September). 2016. Pp. 112–128.
- Kelley R.* Expert says Burma «Planning Nuclear Bomb» // DVB. 03.06.2010. URL: dvb.no/news/expert-says-burma-%E2%80%99planning-nuclear-bomb%E2%80%99/9527 (date of access: 15.01.2017).
- Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue // Ministry of External Affairs. Government of India. 2012. URL: mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/Key+note+address+by+MOS+Shri+E+Ahamed+at+First+IndiaCentral+Asia+Dialogue (date of access: 10.10.2016).
- Myanmar «Nuclear Plans» exposed // Aljazeera. 04.06.2010. URL: aljazeera.com/news/asia-pacific/2010/06/2010642542469132.html (date of access: 15.01.2017).
- Nuclear Power in India // World Nuclear Association. 28.12.2016. URL: world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx (date of access: 15.01.2017).
- Panda A.* Chinese Naval Exercise in Eastern Indian Ocean Sens Mixed Signals // *The Diplomat.* 07.02.2014. URL: thediplomat.com/2014/02/chinese-naval-exercise-in-eastern-indian-ocean-sends-mixed-signals (date of access: 15.01.2017).
- Pant H.V., Joshi Y.* The US Pivot and Indian Foreign Policy: Asia's Evolving Balance of Power. Houndmills: Palgrave Macmillan. 2016.
- Parameswaran P.* US, Japan and India Kick off 2016 Malabar Exercise // *The Diplomat.* 12.06.2016. [URL: thediplomat.com/2016/06/us-japan-and-india-kick-off-malabar-2016/] (date of access: 15.01.2017).
- Pehrson Christopher J.* String of Pearls: Meeting the Challenge of China's Rising Power across the Asian Littoral. July 2006. SSI. Strategic Studies Institute. United States War Army College.
- Six Reasons Why a No First Use Nuclear Doctrine is Good for India // *HindustanTimes.* 18.11.2016. URL: hindustantimes.com/analysis/six-reasons-why-a-no-first-use-nuclear-doctrine-is-good-for-india/story-vjiXt3Fji3ka9l7PfHfP2J.html (date of access: 15.01.2017).
- The Cabinet Committee on Security Reviews Operationalization of India's Nuclear Doctrine. Press Release, Ministry of External Affairs, Government of India. 04.01.2003.
- The Military Balance // IISS. 14.02.2017. URL: iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2017-b47b/mb2017-01-essays-5f2c (date of access: 15.01.2017).
- W.C. Ladwig III. A Cold Start for Hat Wars? The Indian Army's New Limited War Doctrine // *International Security*, Vol. 32, No. 3 (Winter 2007/08), pp. 158–190.

*Статья подготовлена при поддержке
Совета по грантам Президента РФ
для молодых российских ученых — кандидатов наук,
проект МК-6937.2016.6 «Мягкая сила» во внешней политике
современной Индии: комплексный анализ».*

УДК 327; 338; 339

АЛЕКСАНДР САЛИЦКИЙ, НЕЛЛИ СЕМЕНОВА

Китай: роль энергетики в модернизации и инфраструктурном развитии

Аннотация. Опыт Китая показывает, что инфраструктурное строительство способно не только поддержать промышленность, но и решить стратегические задачи. Три пятилетки подряд в стране вкладывались огромные средства в линии электропередач и трубопроводы, скоростные автодороги и железнодорожные магистрали, портовые сооружения и аэродромы. Теперь, когда современная инфраструктура построена, Китай переходит к новым способам хозяйствования и предлагает соседям по Евразии заманчивые проекты.

Ключевые слова: Китай, КНР, модернизация, инвестиционная модель, транспортно-энергетическое хозяйство, энергетика, инфраструктура, «Пояс и путь», Центральная Азия.

В начале XXI в. Китай, в основном завершив рыночные реформы и вписавшись в международное разделение труда в качестве сильного экспортера промышленной продукции, приступил к гигантской программе инфраструктурного развития. Огромные средства вкладывались в скоростные автодороги и железнодорожные магистрали, линии электропередач и трубопроводы, портовые сооружения и аэродромы. Инвестиционный бум, не утихавший три пятилетки подряд, потребовал колоссального количества ресурсов. Флагманы китайского хозяйства — госкорпорации — развернули наступление на внешние рынки в поисках дополнительных минеральных ресурсов, прежде всего углеводородов. Это наступление имело и имеет долговременное значение для связей с сопредельными или географически близкими странами. Долгое время эти связи составляли своеобразный дух китайского присутствия в Евразии, формируя образ неутомимого пожирателя ресурсов, наползающего на соседей и оказывающего немалое воздействие на мировую конъюнктуру.

В середине второго десятилетия XXI в. такой образ, впрочем, уже не очень соответствует действительности: в самом Китае интеграция внутреннего рынка в основном завершена, современная инфраструктура построена. Модернизация, основанная на индустриализации, похоже, подходит к концу [Салицкий, Чжао Синь]. Развернулись в полную силу потребительская и экологическая революции, беспрецедентными тем-

Сведения об авторе: Салицкий Александр Игоревич — главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, профессор Института стран Востока, доктор экономических наук; sal.55@mail.ru. Семенова Нелли Кимовна — научный сотрудник Центра энергетических и транспортных исследований Института востоковедения РАН; semenovanelli-2011@mail.ru.

пами снижается энергоемкость производства и быта, разрушая привычные способы хозяйствования и опрокидывая многочисленные прогнозы экономики и энергетики [Salitskii]. Вдобавок наметился переход к пронаталистской политике [Population...]. Постепенно меняются и отношения с соседями, которым в рамках программ «пояса и пути» предложены новые перспективы совместного освоения Евразии.

Итоги 12-й пятилетки

Общие итоги 12-й пятилетки (2011–2015) впечатляют уже привычными чертами: высокой экономической динамикой, крупными социальными и научно-техническими достижениями. Кроме того, прошедшие годы стали периодом утверждения у власти пятого по счету поколения руководителей государства. Его отличает решительный и амбициозный настрой, контрастирующий с относительно скромным правлением Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао.

Почивать на лаврах успехов Пекин явно не собирается. Происходящее свидетельствует, на наш взгляд, о переходе копившихся количественных изменений в новое качество [Синь Чжунго].

На внешней арене Китай явно преобразился. Внешнеэкономические вопросы стали для Пекина второстепенными (как, в известном смысле, и вопросы долгов, кредита и т. п.). Китайская пресса и научные издания запестрели сравнительно новыми словами и оборотами. В связи с обострением международной обстановки в ходу «геополитика», «геостратегия», «баланс сил». Популярны сюжеты, связанные с современными войнами и видами вооружений. Редко кому придет в голову вспомнить «самообеспечение» или «опору на собственные силы»: картины зарубежной жизни заполнили страницы и сайты. Страна явно ощущает себя активным членом международного сообщества, ей до всего есть дело. А уж упреки в адрес зарубежных правительств в протекционизме стали в многочисленных изданиях по международной проблематике дежурными.

Прекрасный городской транспорт, полный (если не избыточный) набор современных коммуникаций, значительный слой населения, познакомившегося с зарубежьем в личных деловых и туристических поездках, — все это окончательно лишило страну комплексов, которых у нее, надо сказать, было не так много и в куда более тяжелые времена.

Статистические данные продолжают регулярно опровергать старые и новые прогнозы — в том числе местных научных и партийных институтов. Куда, например, девать теперь стратегическую цель «добиться модернизации» к середине века или выйти к тому же сроку на уровень среднеразвитых стран? Модернизация практически завершена 12-й пятилеткой, страна катится по уложенным рельсам развития, пусть динамичного, но уже не содержащего в себе императивности, срочности, безальтернативности. По этой причине Китай куда более свободен, чем многие его соседи, зашоренные слепым копированием равновесных, то есть статических моделей. А они кончаются там, где есть накопление реального капитала и повышение квалификации работников. В Ки-

тае создан законодательно и построен рынок (а не провозглашен, как в некоторых странах) — с превосходным транспортно-энергетическим хозяйством, с хранилищами и заводами, мастерскими и лабораториями, прекрасно оборудованными училищами среднего специального образования и глобально работающей службой доставки товаров, по ходу прихватывающей такие активы, как «South China Morning Post», и тут же делающей их бесплатными для пользователя. Наконец, нынешний научно-технический потенциал КНР находится по меньшей мере вровень с европейским, а по эффективности НИОКР Китай — регулярный лидер мировых рейтингов. (При этом не следует полагать, что китайцы будут показывать все свои возможности.)

Завершение модернизации в Китае происходило в устойчивом режиме. В минувшей пятилетке темпы экономического роста составили примерно 8% (при среднемировом показателе 2,5%). Замедление темпов роста в конце периода признано естественным явлением, а главное внимание общества сосредоточено теперь на новых сферах. Социальная ориентация из инструмента экономического роста становится важнейшей самостоятельной целью. Механизмы заимствования передового зарубежного опыта и технологий освоены, теперь в национальном сознании доминируют внутренние факторы и вызовы. Страна утвердилась в мировой экономике и политике, ощущая себя современным государством, способным помочь другим.

Энергетика

В области добычи нефти в 2011–2015 гг. планировалось стабилизировать восток, активизировать запад, развивать юг и разрабатывать месторождения, которые находятся за пределами суши. Их доля в производстве составляет 15%. Они сосредоточены в Южно-Китайском и (чуть меньше) Восточно-Китайском морях. Наиболее крупной и старой зоной добычи нефти на воде является Бохайский залив. В 2011 г. CNOOC (China National Offshore Oil Corporation) добывала здесь 2/3 своего внутреннего производства нефти [CNOOC...].

В 2016 г. совокупный объем производства (в том числе зарубежного) трех крупнейших нефтедобывающих компаний Китая — CNPC, «Sinopet» и CNOOC — может сократиться на 2,2%, до 6,6 млн барр. н.э./сутки¹. Снижение показателя вызвано сокращением добычи в связи с невысокими ценами на углеводороды [CNPC...].

По мнению китайских специалистов, в ближайшей перспективе Китаю не обойтись без импорта воды. Объем ее потребления в стране в 2020 г. достигнет 10,6 трлн л. и существенно превысит объемы запасов воды в стране. В этих условиях технологии до-

1 Баррель нефтяного эквивалента (англ. Barrel of oil equivalent) BOE — единица измерения энергии в нефтяной отрасли, эквивалентная среднему тепловыделению при сгорании 1 барреля (42 американских галлона или 158,9873 литра) сырой нефти. Нефтяной эквивалент представляет собой условный вид топлива — это единица, которая принята при расчетах учета какого-либо органического топлива. Это могут быть нефть и любые её производные, которые образуются в природе или путем специальных процессов при перегонке каменного угля, сланцев, торфа, газа. См., например: kniganefiti.ru/word.asp?word=327

бычи, предполагающие колоссальный расход воды, к тому же с использованием химикатов и реагентов, загрязняющих грунтовые воды, вряд ли будут иметь общественную поддержку.

На сегодняшний день Китай занимает первое место в мире по мощности действующих ветровых электростанций. По оценкам Китайского института научных исследований климата (China Climate Science Research Institute), потенциал ветряной энергетики Китая составляет 3,22 млн МВт. из них 253 тыс. МВт наземных электростанций и 750 тыс. МВт офшорных¹ (морского базирования). Наибольшими возможностями для развития ветроэнергетики обладает автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) КНР. В перспективе здесь может быть расположено около 40% ветряных мощностей Китая. На втором месте по потенциалу — Турфанская котловина Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР, далее провинции Хэбэй, Шаньдун, Ляонин, Нинся-Хуэйский автономный район (НХАР).

Производимое в Китае оборудование для производства ветряной и солнечной энергии экспортируется в другие страны. Особенно велика доля экспорта фотоэлектрических панелей, что отчасти объясняет снижение цен на них на 60% по сравнению с 2008 г. В 2010 г. производство фотоэлектрических панелей в Китае достигло 8 млн. кВт — почти половины от мирового выпуска этих изделий. В то же время в самом Китае таких панелей было установлено лишь около 400 тыс. кВт. [Global...] Почти вся продукция отрасли была реализована на внешнем рынке. Стоит отметить, что перенос в Китай производства достаточно дорогостоящих изделий и компонентов, применяемых в области нетрадиционные и возобновляемые источники энергии (НВИЭ)², и их соответствующее удешевление оказали серьезный стимулирующий эффект на развитие глобальной альтернативной энергетики.

В настоящее время в КНР уже 35 действующих атомных реакторов (4 из них заработали в 2016 г.), и еще 20 строятся. Намечено сооружение еще более 80 блоков. Как заявляло китайское руководство в начале 2016 г., к 2030 г. у КНР должно быть 110 атомных реакторов. Если этот план осуществится, в перспективе Китай станет мировым лидером по АЭ.

Учитывая нарастающий дисбаланс между добычей и потреблением газа, Китай завершил работу по открытию четырех главных энергетических коридоров: северо-восточного, северо-западного, юго-восточного, юго-западного.

Подпитка всей газотранспортной системы КНР ориентирована на потоки газа из ЦА и России (северо-западный коридор).

1 Офшорные ветряные электростанции строят в море, в 10—12 километрах от берега (прим. авт.).

2 К нетрадиционным и возобновляемым источникам энергии относятся: солнечная, ветровая, геотермальная, энергия морских волн, приливов и океана, энергия биомассы, древесины, древесного угля, торфа, тяглогового скота, сланцев, битуминозных песчаников и гидроэнергия больших и малых водотоков.

В настоящее время имеются два варианта такой подпитки.

Первый — Центральноазиатский газопровод, он начинается на территории Туркменистана, проходит по территории Узбекистана и Казахстана и завершается в Хоргосе СУАР Китая. Протяженность газопровода — 1833 км. Как ожидается, за год по нему будет перебрасываться 40 млрд куб. м газа.

Второй вариант — российский газопровод «Алтай». Он, возможно, соединит месторождения Западной Сибири с СУАР на западе Китая. Там он вольется в китайский трубопровод Запад — Восток, по которому газ дойдет до Шанхая. Длина «Алтая» может составить 3 тыс. км. Проект предполагает использование в качестве ресурсной базы месторождения Надым-Пур-Тазовского региона. Планируется экспортировать в Китай около 30 млрд куб. м к 2020 г. Проект в настоящее время находится на стадии разработки [Потенциал...].

Данные таможенной службы показывают, что Китай уменьшил либо оставил на прежнем уровне закупки нефти у своих крупнейших поставщиков в 2013 г., таких как Саудовская Аравия, Кувейт и Венесуэла. В то же время выросли поставки из Ирака, некоторых районов Западной Африки и других мест.

Крупнейшим поставщиком нефти в Китай до 2013 г. была Саудовская Аравия, но показатели впервые за десятилетие не выросли. До этого годовой прирост по поставкам измерялся двузначными числами (в процентах). Доля совокупного импорта из трех стран, которые были крупнейшими поставщиками до 2013 г. — Саудовской Аравии, Анголы и России, — составила 42% (в 2013 г.), снизившись на 2% к предыдущему году.

Падение было компенсировано поставками из малых и средних стран-производителей. Импорт из Ирака вырос в 2013 г. примерно на 50%, что сделало эту страну пятым по счету поставщиком нефти в Китай. Импорт из Республики Конго вырос на 32%, составив 7,1 млн т, или около 142 тыс. баррелей в день (11-е место по объемам поставок после Кувейта) [Вейн Ма].

Почему при наличии достаточно серьезных запасов углеводородов КНР вынуждена все в большей степени удовлетворять свои потребности за счет импорта? Прежде всего, темпы экономического роста китайской экономики столь высоки, что внутреннее производство углеводородов не успевает за спросом на них. Кроме того, сравнительно велики издержки производства на национальных месторождениях, и Китаю зачастую выгоднее импортировать энергоресурсы, особенно те, что добываются за рубежом китайскими компаниями. К тому же основные запасы нефти и газа в КНР сосредоточены на западе страны, на значительном удалении от прибрежных южных и юго-восточных провинций, где до самого последнего времени и был локализован экономический рост. Высоки также транспортные издержки и перегруженность внутренней транспортной инфраструктуры.

Связи Китая с ЦА

В условиях роста зависимости Китая от нефти и газа наиболее важным направлением его внешней энергетической политики стала диверсификация импорта. После арабских революций традиционные пути доставки нефти и газа с Ближнего Востока становятся все более опасными и нестабильными. В этих условиях возрастает роль сухопутных энергетических коридоров. Одно из приоритетных направлений — развитие континентальных поставок нефтегазового сырья из России и государств ЦА трубопроводным транспортом.

Политика КНР в Центральной Азии носит системный, масштабный и долгосрочный характер, преследуя как текущие коммерческие, так и стратегические цели.

Привлекательность ЦА для КНР определяют сразу несколько факторов. Во-первых, это взаимный интерес. Странам ЦА необходимы инвестиции для освоения своих нефтегазовых ресурсов и рынки сбыта, а Китай нуждается в диверсификации источников энергии. Во-вторых, сказывается наличие общих границ, что позволяет транспортировать нефтегазовые ресурсы без посредников. В-третьих, связи с ЦА содействуют программе развития Северо-Западного Китая. Это обеспечивает новые рабочие места в СУАР, что должно, по мнению Китая, способствовать стабилизации ситуации в районе. В-четвертых, достигается обеспечение мирного окружения и расширение влияния на страны ЦА, что важно с точки зрения перспективных геополитических целей Пекина [Пань Гуан].

Повторим, что Китай уверенно и неторопливо укрепляет свое влияние и мощь, широко и разнообразно использует торгово-экономические связи, предоставление кредитов на льготных условиях, поставки технологий, подготовку кадров и командирование квалифицированных рабочих. Особое место отводится инфраструктурным проектам.

Транспортные, энергетические и инвестиционные проекты реализуются Китаем преимущественно в двусторонних форматах.

Общий объем финансовых ресурсов, направленных Китаем на укрепление своих позиций в нефтегазовой отрасли Казахстана, на начало 2015 г. оценивается в 43–45 млрд долл., включая примерно 22–24 млрд долл. инвестиций, около 16 млрд долл. приобретенных активов и 5 млрд долл. кредитов. В нефтегазовую отрасль Туркменистана Китай вложил средства, суммарный объем которых оценивается в диапазоне от 13 млрд до 15 млрд долл., включая порядка 9 млрд долл. кредитов и от 4 до 6 млрд долл. инвестиций. В нефтегазовую отрасль Узбекистана — примерно в 2 млрд долл., включая до 0,3 млрд долл. кредитов и от 1,6 млрд до 1,8 млрд долл. инвестиций. В кыргызской нефтегазовой отрасли в основном инвестиции — около 390 млн долл. В таджикской — от 80 до 130 млн долл., включая от 50 до 100 млн долл. инвестиций и 30 млн долл. приобретенных активов [Салицкий, Семенова].

В случае с Казахстаном и Туркменистаном Китай ставит основной целью обеспечение стабильного и долгосрочного доступа к углеводородам. Политика Пекина по усилению

своих позиций в нефтегазовых отраслях Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана определяется не столько энергетическими и коммерческими, сколько долгосрочными экономическими и политическими интересами. Освоение китайских инвестиций любого назначения стимулирует товарооборот между КНР и государствами ЦА, а также улучшает ряд макроэкономических показателей стран региона.

Помимо нефтегазовой отрасли, китайские интересы в регионе в последние годы все больше затрагивают атомную энергетику (Казахстан), гидроэнергетику (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан), а также угольную отрасль (Кыргызстан). Благодаря этому экономическое влияние Китая в ЦА постепенно распространяется на Таджикистан и Кыргызстан, которые не имеют промышленных запасов углеводородов, а также на Узбекистан, обладающий промышленными запасами нефти и газа, но не ориентирующий свою политику на масштабное увеличение их экспорта.

Казахстан остается приоритетом Китая в ЦА. На него приходится около 80% товарооборота между Китаем и всеми странами региона. Основной сферой китайских инвестиций здесь стала нефтегазовая.

2009 г. принес Китаю первый успех: за кредит в 10 млрд. долл. он получил один из главных активов в казахском нефтяном секторе, на который претендовала «Газпром нефть», — 49% компании «Мангистаумунайгаз» (ММГ), а также потенциальный доступ к урановым месторождениям. В экспертных кругах Казахстана есть мнение, что Китаем достигнута критическая доля собственности в ТЭК республики, но покупки активов продолжаются.

При этом Китай находится только на четвертом месте в списке стран, активно инвестирующих в экономику Казахстана. Сообщается, что в 2014 г. основными инвесторами являлись Нидерланды (29,2% от общего объема инвестиций), США (17,2%) и Швейцария (10%), а лишь затем Китай (7,8%).

В наращивании китайского экономического присутствия в ЦА создание трубопроводной инфраструктуры играет важную роль. С 2009 г. введен в строй экспортный газопровод «Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–Китай» протяженностью более 1800 км. В настоящее время пропускная способность газопровода составляет до 24,5 млн куб. м газа в сутки (примерно 9 млрд куб. м в год). Всего по газопроводу планируется в течение 30 лет поставлять в КНР до 40 млрд куб. м природного газа ежегодно. Новый газопровод соединил с Китаем все государства ЦА, располагающие нефтегазовыми ресурсами. Квота Туркмении в газопроводе составляет 30 млрд куб. м, а Казахстан и Узбекистан, помимо статуса транзитных стран, получили дополнительный рынок сбыта. Казахстану газопровод позволит улучшить газоснабжение Жамбылской, Южно-Казахстанской и Алма-Атинской областей, до сих пор зависевших от поставок узбекского газа.

В 2006 г. был запущен в эксплуатацию трубопровод Атасу (Казахстан) — Алашанькоу (СУАР, Китай) общей протяженностью 962,2 км. Он является частью казахстанской транс-

портной системы, в которую входят каспийские порты и уже действующий нефтепровод Атырау-Самара. По проекту годовая мощность нефтепровода составляет 20 млн т.

Трубопроводная инфраструктура государств ЦА, которая в советский период шла исключительно в северном направлении, в последнее время активно разворачивается на восток. По сути, уже намечены функциональные контуры проекта «пояса» — создание своего маршрута транспортировки энергоносителей и прокладка защищенных информационных каналов. Вслед за трубопроводами, соединяющими Китай с ЦА и Ближним Востоком, устремятся автодорожная и железнодорожная инфраструктуры. Эти потоки призваны решить целый комплекс задач, в том числе:

- удовлетворение потребностей китайской экономики в сырье (нефть, газ, уран, золото, алюминий и др.);
- снижение риска морских поставок энергоресурсов из стран Ближнего Востока и Африки (около 90% импорта);
- развитие и укрепление стабильности западных регионов страны, обеспечение безопасной среды по периметру границ СУАР (проблема уйгурского и тибетского сепаратизма);
- создание условий для экономической, транспортной и энергетической интеграции стран ЦА с Китаем, превращение региона в плацдарм для выхода к ключевым мировым рынкам (Южная Азия, Ближний Восток, СНГ, Европа).

Надо отметить, что льготное финансирование и инвестиции КНР проходят в ЦА чаще всего по линии взаимодействия и через финансовые структуры ШОС. Налаживая двусторонние связи с партнерами по организации и привязывая страны ЦА транспортно-энергетическими проектами, КНР, по сути, выстраивает структуру коллективного формата в рамках ШОС.

Транспорт в решении проблем энергетической отрасли

Развитию и финансированию транспортного сообщения в Китае уделяется особое значение. Развитая инфраструктура — залог стабильного экономического роста по всей стране и его энергоснабжения. Сейчас Китай осуществляет последовательное обновление транспортной сети: проводит реконструкцию портов, строит крупные мосты, запускает скоростные поезда, создает сеть высокогорных железных дорог.

Железнодорожное сообщение в Китае — одно из самых развитых в мире. Путевая инфраструктура имеет высокое качество. На ее строительство и совершенствование ушло много лет и денег. Китай имеет связь с транспортными системами России, Монголии, Казахстана, Вьетнама, Северной Кореи. Протяженность дорог на сегодняшний день составляет более 110 тыс. км.

Население на территории КНР распределено неравномерно, и наибольшая плотность железных дорог наблюдается на юго-западе и востоке страны. Дальнейшее развитие железных дорог поможет несколько снизить спрос на автомобильное топливо. Электрификация и замена двигателя внутреннего сгорания электромотором способны

стать одним из магистральных направлений развития городского транспорта. Число городов с метрополитеном за последние десять лет увеличилось в КНР с двух до девяти, еще в 22 начато строительство «подземки».

В годы 11-й пятилетки (2006–2010) сверхвысокими темпами росли инвестиции в железнодорожный транспорт (что имело не меньшее воздействие на ТЭК страны, чем автомобилизация, на которой обыкновенно концентрируется внимание аналитиков). Ежегодный прирост инвестиций в отрасль составил 46% (против 21,8% в целом по инфраструктуре), суммарные вложения превысили 2,2 трлн юаней. Чуть менее динамичными, но весьма впечатляющими были темпы роста капиталовложений в городской общественный транспорт, составившие более 37% в год (объем инвестиций — 750 млрд юаней). Замедление темпов роста в этих отраслях будет иметь серьезные последствия для китайской экономики и мирового рынка.

Шестнадцать основных железнодорожных коридоров (восемь вертикалей с севера на юг и столько же горизонталей с востока на запад) соединили 81 крупный город. В течение 13-й пятилетки (2016–2020) Китай планирует инвестировать еще более 2,8 трлн. юаней (422 млрд долл. США) в строительство железных дорог протяженностью не менее 23 тыс. км. В железных дорогах Китай видит не только транспортную, но и политическую функцию — они служат объединению многонационального государства. Массированная государственная поддержка высокоскоростного движения позволит железным дорогам и далее удерживать паритет с прочими перевозчиками.

Заслуживает внимания комплексное развитие железнодорожного транспорта — в увязке с автомагистралями, речными перевозками и авиасообщением. Этому в немалой степени способствует Министерство транспорта Китая, объединившее планы развития транспортных сообщений применительно ко всем видам транспорта. Коммерческая функция железных дорог осуществляется отдельной корпорацией.

Одновременно продолжается строительство общенациональной сети скоростных автодорог — наиболее оптимальных с точки зрения скоростного режима, экологии и экономии горючего. К концу 2014 г. общая длина дорог в Китае составила 4,46 млн. км, из них 112 тыс. км — скоростные (больше, чем в любой другой стране). Уже сегодня эта сеть соединяет все административные центры регионов, а также города с численностью населения свыше 500 тыс. чел. (их в Китае около 100). В ходе 12-й пятилетки построено 108 тыс. км скоростных дорог, построено и восстановлено более 1 млн. км обычных дорог. В это вложено 200 млрд долл. К 2020 г. доступ к скоростным магистралям получат все города с численностью населения 200 тыс. человек, а также крупнейшие туристические центры.

* * *

Как показал опыт Китая, инфраструктурное строительство способно не только поддерживать промышленность в трудные времена, но и решать стратегические задачи — в том числе интеграции внутреннего рынка большой страны. Более того, возможно

развертывание крупных инвестиционных программ буквально в считанные месяцы. Колоссальные масштабы китайской экономики (и сдвигов в ней) заставляют задуматься о форсированных (и координируемых с китайской стороной) методах и программах модернизации инфраструктуры восточных регионов нашей страны. А эффект от улавливания будущего спроса в китайском хозяйстве, как представляется, может превзойти самые смелые ожидания.

Литература:

- Вейн Ма, Шпигель Б.* Китай расширяет список поставщиков нефти // Wall Street Journal. — URL: vedomosti.ru/finance/news/21754611/kitaj-rasshiryayet-spisok-postavschikov-nefti#ixzz32hzAZTw2 (дата обращения: 10.02.2017)
- Пань Гуан* Энергетическая политика Китая и обеспечение энергетической безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №6. С. 102.
- Потенциал и перспектива сотрудничества КНР и РФ в области традиционной и нетрадиционной энергии / Отв.ред. С.Г. Лузянин; Сост. Н.К. Семенова / Институт востоковедения РАН. М. 2014.
- Салицкий А.И., Семенова Н.К.* Китай в Евразии: обновление приоритетов // Энергетика Евразии: новые тенденции и перспективы / Отв. ред. С.В. Жуков. М. 2016. С.121–128
- Салицкий А.И., Чжао Синь* Китай: завершение модернизации? // Запад — Восток — Россия 2015. Ежегодник / Отв. ред. — Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос. М. 2016. 76.
- Синь Чжунго* 65 чжоуньянь (65 лет Нового Китая). 2015 // Сайт ГСУ. URL: stats.gov.cn/tjzs/tjbk/201502/P020150213481078341062.pdf (дата обращения: 10.02.2017)
- CNOOC Ltd увеличит добычу нефти. — Точка доступа: mineral.ru/News/47323.html (дата обращения: 10.02.2017)
- CNPC планирует добыть в 2016 г на месторождении Чанцин 50 млн т нефти и газового конденсата. — Точка доступа: neftegaz.ru/news/view/151447-CNPC-planiruet-dobyt-v-2016-g-na-mestorozhdenii-Chantsin-50-mln-t-nefti-i-gazovogo-kondensata (дата обращения: 10.02.2017)
- Global Trends in Renewable Energy Investment 2011. UNEP, Frankfurt School of Finance and Management, Bloomberg New Energy Finance: Paris, September 2011.
- Population policy should be eased: report. — Mode of access: globaltimes.cn/content/1021504.shtml (date of access: 10.02.2017)
- Salitskii A., Tatsii V.* China's way: A model or an Anti-model? // Far Eastern Affairs. Vol. 42. №. 3. 2014. pp. 65–83.

УДК 327

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Россия и Испания: векторы взаимодействия (к 40-летию установления дипломатических отношений)

Аннотация. 9 февраля 2017 года исполнилось 40 лет со дня установления дипломатических отношений между СССР и постфранкистской демократической Испанией. За этот период двустороннее сотрудничество приобрело собственную «кинетическую энергию», позволившую сохранить положительные импульсы даже в условиях усилившихся российско-западных противоречий. Новые элементы в российско-испанские отношения вносят «эффект Трампа», Brexit, сирийский кризис, другие геополитические и геоэкономические перемены на глобальной карте.

Ключевые слова: Россия, Испания, российско-испанские отношения, российско-испанские проекты, политическое и экономическое сотрудничество.

В истории российско-испанских межгосударственных отношений нынешний, 2017 год — особый. 9 февраля исполняется 40 лет со дня установления дипломатических отношений между Советским Союзом и постфранкистской демократической Испанией, а в декабре две страны отметят 350-летие прибытия на испанскую землю первой российской официальной дипломатической миссии. Эти события — естественный повод подвести итоги, оценить текущее состояние дел и сверить планы на будущее.

Конечно, 40 лет — сравнительно короткий период в истории российско-испанских связей, берущих начало в XVI веке. Эта история знала много ярких и трагических страниц, ее творили народы двух стран и их представители, среди которых было немало выдающихся деятелей. В этом легко убедиться, ознакомившись с опубликованным в 2016 г. фундаментальным исследованием, посвященным российским дипломатам, работавшим в Испании на протяжении трех с половиной столетий [Российские...]. Впрочем, история историей, но именно в последние десятилетия двусторонние российско-испанские связи пустили глубокие корни, структурно консолидировались и приобрели полномасштабный, взаимовыгодный характер. Данное обстоятельство дает о себе знать и в непростой текущей ситуации, отмеченной почти фронтальным международным обострением. В этих условиях отношения между Россией и Испанией — модельные для понимания особенностей взаимодействия Москвы с теми странами — членами Европейского союза, которые присоединились к антироссийским санкциям в силу институциональной принадлежности к Западу и вопреки собственным торгово-экономическим интересам.

Сведения об авторе: Яковлев Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; доктор экономических наук; petrp.yakovlev@yandex.ru.

У истоков отношений

В декабре 1667 г. (350 лет назад) в испанском порту Кадис сошли на землю члены российской дипломатической миссии во главе с царским стольником П.И. Потемкиным, положившей начало регулярным политическим контактам между двумя государствами. Развитие этих контактов происходило в русле постепенного проникновения в европейскую международную систему находившегося на историческом подъеме российского государства и подготовило почву для установления официальных дипломатических отношений между Россией и Испанией. Этот шаг был сделан Петром I в 1722 г., а уже в 1723 г. в Мадриде было открыто российское представительство, которое возглавил молодой князь С.Д. Голицын [Волосюк..., с. 8, 135–137]. Источники свидетельствуют, что у российского императора, прорубившего «окно в Европу», были далеко идущие планы в отношении Испании, включавшие в себя не только выстраивание политического сотрудничества в сложнейшей дипломатической игре на европейском континенте, но и налаживание торговых связей.

Первым испанским послом в России (1727–1730 гг.) был прямой потомок королевы Марии Стюарт герцог де Лириа, оставивший подробное описание жизни русского императорского двора и политико-дипломатической обстановки того времени. Высокоставленный испанский дипломат прибыл на место службы в начале царствования нового государя — Петра II, в окружении которого были сильны позиции сторонников традиционалистской линии во внешней политике. Они настояли на переезде императора из Петербурга в Москву и противились более активному вовлечению России в европейские дела, в том числе расширению взаимодействия с «малоизвестной» для них страной «Гишпанией» на противоположном краю Европы. В результате в конце 1730 г. российско-испанские дипломатические отношения, не получавшие содержательного политико-экономического наполнения, были прерваны на долгие 30 лет [История..., с. 152–153].

Вся дальнейшая траектория отношений между Россией и Испанией — бесконечная череда периодов повышения взаимного интереса и «замораживания» практически всех контактов в официальном формате. Но всякий раз после очередного «мертвого сезона» связи восстанавливались, а прерванный российско-испанский диалог на межгосударственном уровне возобновлялся.

Стало общепризнанным, что Россия и Испания занимают весьма специфическое место в европейской и мировой истории. Действительно, именно эти две страны в XV–XVII веках прочно связали Европу с другими континентами (Америкой, Африкой, Азией, Дальним Востоком). В каком-то смысле они были, каждая по-своему, предтечами современного процесса глобализации. Одновременно Испания и Россия сотни лет служили преградами на пути чужеземных вооруженных экспансий, угрожавших европейским нациям. Классические параллели — испанская реконкиста (возвращение земель, ранее завоеванных арабами) и сопротивление Руси монгольскому нашествию, героическая и в обоих случаях подлинно народная борьба против наполеоновской агрессии. Это, без всяких преувеличений, была выдающаяся патриотическая миссия. На-

конец испанские республиканцы и советские добровольцы первыми в Европе вступили в схватку с германским нацизмом и итальянским фашизмом. Примеры такого рода можно множить. Важно то, что современное российско-испанское взаимодействие строится не на пустом месте, а имеет под собой вполне определенный исторический фундамент.

Даже во время длительной паузы в дипломатических отношениях (1939 — нач. 1977 гг.) между СССР и франкистской Испанией существовала взаимная потребность в контактах, в частности, в сфере торговли и морских перевозок. Особенно отчетливо это проявилось на рубеже 1960 — 1970-х годов, что позволило открыть в Мадриде в 1969 г. представительство Черноморского морского пароходства и привело к подписанию 15 сентября 1972 г. в Париже советско-испанского межправительственного торгового соглашения, по условиям которого стороны предоставляли друг другу режим наибольшего благоприятствования. Смерть Франко и демонтаж институтов диктатуры открыли путь к налаживанию полномасштабного сотрудничества двух государств. После интенсивных двусторонних переговоров 9 февраля 1977 г. Советский Союз и Испания обменялись нотами об установлении дипломатических отношений [Российские..., с. 226–228].

В Западной Европе и Россия, и Испания долгое время воспринимались (и нередко воспринимаются до сих пор) как страны, отличные от европейского цивилизационного ядра, как **слишком особенные**, с другой культурой и национальной идентичностью.

Испания геополитически преодолевала это глубоко укоренившееся предубеждение, вступив в Объединенную Европу, и в настоящее время Мадрид — один из самых последовательных сторонников сохранения Евросоюза, активный **еврооптимист**. Российская Федерация пережила период сближения с Европой, но в последние годы старается идти своим путем, расширяя внешнеполитические и внешнеэкономические горизонты, диверсифицируя трансграничные связи, делая ставку на евразийство и сближение с государствами Азии.

Вместе с тем в мировой экономике Россия и Испания не первичны, хотя и занимают в некоторых областях заметные позиции. Отсюда — заинтересованность Москвы и Мадрида в повышении своей роли в мирохозяйственных связях, в частности, через расширение внешнеторговых обменов и наращивание инвестиционного сотрудничества. С учетом того объективного факта, что российская и испанские экономики — взаимодополняемы (то, что в основном экспортирует Россия, Испания закупает, и наоборот), у двух стран имеются предпосылки для взаимовыгодного товарообмена.

Факторы торгово-экономического взаимодействия

Нынешний этап двусторонних связей стартовал 27 декабря 1991 г., когда испанские власти признали Российскую Федерацию в качестве правопреемницы Советского Союза. Главной правовой основой испано-российских отношений является **Договор о дружбе и сотрудничестве**, подписанный в Мадриде 12 апреля 1994 г. Первона-

начально имевший 10-летний срок действия, этот базовый документ впоследствии неоднократно продлевался и по сей день служит целям, зафиксированным в его тексте.

Опорой всей конструкции отношений стали российско-испанские торгово-экономические связи, которые регулируются несколькими десятками договоров, соглашений, протоколов и других двусторонних документов, подписанных как в советский период, так и после декабря 1991 года. Начиная со второй половины 1990-х гг., отмечался устойчивый интерес российских и испанских организаций, компаний и деловых кругов к развитию двустороннего сотрудничества. Широкий спектр экономических взаимоотношений включил в себя торговлю товарами и услугами, предпринимательское, инвестиционное и научно-техническое партнерство. Пакет межправительственных соглашений и межведомственных документов был подписан в 2006 г. в ходе официального визита в Испанию президента В.В. Путина. Достигнутые тогда соглашения определили условия взаимодействия в таких сферах, как исследование и использование космоса в мирных целях, судостроение, отношения между финансовыми учреждениями, туризм [Заявление].

В период до кризиса 2008–2009 гг. российско-испанское сотрудничество отличалось динамичным ростом взаимного товарооборота (таблица 1). С 1995 по 2008 гг. объем торговли между двумя странами вырос в 7,4 раза и превысил 10 млрд евро. При этом российский экспорт стабильно превышал импорт, обеспечивая России положительное внешнеторговое сальдо. Только в 2005–2008 гг. его суммарный размер составил почти 20,5 млрд евро.

Таблица 1

Российско-испанская торговля товарами, млн евро

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
1995	1084	309	1393	+775
2000	2446	578	3024	+1868
2005	5190	1098	6288	+4092
2006	7424	1514	8938	+5910
2007	7891	2093	9984	+5798
2008	7493	2837	10330	+4656

Источник: Ministerio de Industria, Turismo y Comercio. – comercio.mityc.es/

Российско-испанская торговля характеризовалась структурной стабильностью, что свидетельствовало о наличии сформировавшихся товарных потоков. Основной причиной опережающего роста российского экспорта являлось увеличение объема поставок в Испанию минерального топлива (нефти и нефтепродуктов), на которое в целом приходилось более 80% российского экспорта в эту страну. Около 10% составляла доля черных металлов, занимавших вторую позицию. На третьем месте находились цветные металлы (алюминий и никель) — порядка 2,5%. Далее следовали драгоценные и полудрагоценные камни, удобрения, пиломатериалы. Объем поставок машин и оборудования российского производства, включая различную аппаратуру и транспортные средства, хотя и увеличивался в абсолютном выражении, но оставался на уровне 0,3% совокупного экспорта. В свою очередь, российский импорт был гораздо более

диверсифицированным. В первом десятилетии текущего века более 900 испанских промышленных и сельскохозяйственных компаний поставляли около 150 наименований продукции в Россию. В их числе: продовольственные товары (мясные и молочные продукты, вино, растительное масло, овощи и фрукты и т.д.), машины и оборудование, транспортные средства, электроприборы, строительные материалы и керамические изделия, мебель и другие товары для дома, одежда и обувь, металлы и металлоизделия, химические продукты [Sánchez..., p. 36, 37].

Несмотря на сравнительно высокую динамику двусторонней торговли, объем товарооборота далеко не отражал реальных хозяйственных возможностей двух стран. Это объяснялось, с одной стороны, ярко выраженной монотоварной (энергетической) составляющей российского экспорта, а с другой — слабой ориентацией испанских экспортеров на товарных рынках РФ, их повышенной осторожностью в принятии решений о выходе на российские регионы, а также отсутствием у большинства компаний собственных сбытовых сетей, что приводило к падению конкурентоспособности испанских предпринимателей по сравнению с товаропроизводителями из таких европейских стран — партнеров Испании по ЕС, как Германия, Италия, Франция, Нидерланды.

Слабо развивалось российско-испанское инвестиционное сотрудничество, в котором участвовало ограниченное число компаний двух стран. Хотя структура испанских инвестиций в России охватывала различные отрасли, размеры инвестиций оставались незначительными. За период с 2003 по 2010 гг., по данным испанской статистики, их совокупный объём составил всего около 920 млн евро [Ministerio]. Являясь одним из главных мировых экспортеров капитала, Испания, по большому счету, осталась в стороне от инвестиционного процесса в России, даже в период инвестиционного бума на российском рынке на фоне высоких цен на энергоносители. В результате доля России в зарубежных испанских капиталовложениях в предкризисный период составляла менее 0,3%. Но при этом основные инвестиции направлялись в реальный сектор: горнодобывающую, пищевую и табачную промышленность. Таким образом, испанские капиталовложения в России являлись преимущественно производственными и направлялись на расширение товарного рынка.

Особое место в российско-испанских связях в 2000-х годах занял туризм, точнее — значительный прирост числа российских граждан, отдыхающих на курортах Испании. В 2005–2008 гг. количество туристов из России росло опережающими темпами, а их удельный вес в общем туристическом потоке в Испанию почти удвоился (таблицу 2).

Таблица 2

Количество российских туристов в Испании, тыс. человек

Показатель	2001	2005	2006	2007	2008
Всего туристов в Испании	48565	55914	58005	58666	57192
Туристы из России	281	298	342	427	509
Доля российских туристов (%)	0,6	0,5	0,6	0,7	0,9

Источник: Movimientos turísticos en fronteras (FRONTUR). – iet.toutspain.es/

Исходя из сложившейся структуры экономического взаимодействия, выделим главные интересы Испании в ее хозяйственных отношениях с Россией к концу 2000-х годов. Эти интересы заключались в следующем:

- сохранить Россию в качестве крупного источника энергоресурсов. На ее долю приходилось свыше 20% испанского импорта нефти (около 13 млн т в год). Это превосходило долю любого другого экспортера (для сравнения: доля Мексики составляла 12%, Саудовской Аравии — 10, Ливии и Нигерии — по 9, Ирана — 8, Ирака — 6%) [Яковлев Испания: период., с. 72]. Стратегическое значение могло иметь развертывание в РФ производства сжиженного природного газа (СПГ) и его экспорта в Испанию. С учетом того, что испанские предприятия приобрели богатый опыт использования СПГ, это вполне могло стать мегапроектом, способным поднять двусторонние экономические отношения на новую высоту;
- закрепиться на российском потребительском рынке: автомобили, мебель и другие товары для дома, одежда и обувь, продовольствие. Расширить географию коммерческой активности за счет регионов Урала и Сибири;
- обеспечить испанским строительным и инжиниринговым компаниям участие в реализации инфраструктурных проектов на территории РФ, включая модернизацию энергетических объектов, развитие транспорта и создание туристических зон на черноморском побережье;
- интенсифицировать двустороннее сотрудничество в сфере науки, образования и высоких технологий (в том числе в производстве новых альтернативных видов энергии и топлива);
- эффективно способствовать дальнейшему увеличению потока российских туристов на курорты Испании.

Таким образом, речь шла о крупных и долговременных проектах, охватывавших широкий спектр предпринимательской деятельности. Их реализация не противоречила стратегическим интересам России, поскольку могла теснее связать экономики двух стран и открыть перед российским бизнес-сообществом новые ниши в сфере международных обменов. Такая взаимная заинтересованность являлась стимулом к поиску дополнительных возможностей (и форматов) хозяйственного, политического и дипломатического взаимодействия.

«Партнерство для модернизации»: ожидания и просчеты

В первом десятилетии XXI века во главу угла встали проблемы инноватизации и системной модернизации российской экономики. На этом фоне интенсификация российско-испанских отношений, включая контакты на высшем уровне (напомним, хотя бы, неоднократные встречи В.В. Путина с королем Хуаном Карлосом), подготовила прорыв в двустороннем сотрудничестве. Он материализовался 3 марта 2009 г., когда в ходе визита в Испанию президента Д.А. Медведева состоялось подписание **Декларации о стратегическом партнерстве**. В документе говорилось: «Настоящей Декларацией провозглашается установление отношений стратегического партнерства между Российской Федерацией и Королевством Испания, которое охватывает все сферы отношений, включая политический, экономический, культурный, научный, технический

и образовательный аспекты. Основывающееся на взаимопонимании и доверии друг к другу, такое стратегическое партнерство предполагает вывод связей между обеими странами на еще более высокий и качественно новый уровень и в то же время придание им характера особо тесного и динамичного сотрудничества как в области двусторонних отношений, так и на международной арене» [Декларация].

По мнению руководства двух стран, перевод российско-испанских межгосударственных связей на уровень стратегического партнерства означал, что в сложных условиях кризиса 2008–2009 гг., который чрезвычайно болезненно отразился на России и Испании, важно было не только сохранить позитивную динамику отношений, но и определить дополнительные сферы и форматы сотрудничества. Подписав в Мадриде Декларацию о стратегическом партнерстве, Кремль давал отечественному бизнесу стратегические вводные для дальнейшего делового взаимодействия с испанскими компаниями и банками, ориентировал предпринимательские круги на активизацию двусторонних контактов в ключевых отраслях, определяющих технический прогресс и задающих вектор процессу инноватизации.

На этой основе была предпринята попытка выстроить парадигму **«Партнерства для модернизации»**, заявленную и активно обсуждавшуюся на саммитах Россия — ЕС 2009–2010 гг. В логике этой парадигмы, российско-испанское взаимодействие было способно принести ощутимые положительные результаты в нескольких областях.

Например, Испания проявила повышенный интерес к развитию сотрудничества в *энергетической сфере*, что объяснялось не только объемами импорта углеводородного сырья из России. За счет российских поставок обогащенного урана Испания покрывала 30% потребностей своих АЭС, вырабатывавших свыше 11% потребляемой местным рынком энергии. Испанские компании-лидеры энергетической отрасли — Repsol, Ibedrola, Técnicas Reunidas и другие — проявили готовность участвовать (и в ряде случаев участвовали) в реализации масштабных проектов на территории России, таких как разработка новых месторождений углеводородов, строительство электростанций комбинированного цикла и заводов по сжижению природного газа, создание объектов ветряной энергетики, модернизация АЭС [Яковлев Испания в мировой..., с. 342–343].

Заметное место в ключевых областях инвестиционного сотрудничества могло занять *строительство объектов инфраструктуры* в России. Испанские строительные компании активно действуют за рубежом и располагают мощным промышленным и финансовым потенциалом. Международный опыт и конкурентные преимущества испанских девелоперов могли быть взаимовыгодно использованы в различных регионах РФ при проектировании, строительстве, модернизации и комплексном оснащении объектов транспортной инфраструктуры (автодорог, аэропортов, вокзалов, железных дорог, подземных парковок), а также центров логистики, промышленных полигонов, технопарков, объектов туристического и общественного назначения.

Обещающим направлением двустороннего взаимодействия являлась *космическая сфера*. Так, еще в октябре 2003 г. испанский космонавт Педро Дуке совершил полет на

корабле «Союз ТМА-3» на Международную орбитальную станцию. В рамках реализации совместной программы в космической области были конкретизированы направления сотрудничества между Роскосмосом и Центром технологического развития промышленности Испании. Была создана рабочая группа по проекту Всемирной космической обсерватории. Научный центр оперативного мониторинга Земли и Национальный институт аэрокосмической техники Испании вели разработку соглашения в области дистанционного зондирования Земли [Яковлев Испания: вызовы..., с. 110–111].

Было очевидно, что никакая модернизация не могла быть осуществлена без прорывов в сферах *науки и образования*. Эти области должны были привлечь максимальное внимание профессионалов обеих стран, но на практике было сделано крайне мало, что серьезно ослабило импульсы взаимодействия. Как и во многих других случаях, препятствием явилось отсутствие эффективно работающих межнациональных институтов.

Говоря конкретно, практическому воплощению концепции «Партнерства для модернизации» в отношениях между Россией и Испанией в решающей степени помешали следующие обстоятельства:

- не была создана прочная институциональная рама торгово-экономического сотрудничества, которую могли бы составить, например, активно работающие двусторонние организации крупного бизнеса, многочисленные совместные предприятия, регулярные специализированные форумы и т.д.;
- власти не озаботились созданием финансовой базы производственного взаимодействия. На низком уровне оставались межбанковские связи, не открывались (за редким исключением) филиалы и представительства кредитных учреждений государства-партнера, не был учрежден критически важный российско-испанский фонд инвестиций;
- не удалось должным образом интенсифицировать межрегиональные связи — хозяйственные отношения между отдельными российскими и испанскими регионами. Им не был придан структурированный и систематический характер: отсутствовали межрегиональные торговые палаты и региональные представительства, почти не проводились промышленные выставки и встречи представителей деловых кругов, не осуществлялся обмен информацией об имеющихся коммерческих и инвестиционных возможностях;
- и главное: не стало приоритетом взаимодействие в сфере науки и высоких технологий, тогда как партнерство для модернизации требовало принципиально иного, значительно более прагматичного и нацеленного на результат характера научно-технического сотрудничества двух стран. Двусторонние связи в данной области не были ощутимо расширены и направлены на решение модернизационных задач.

России не удалось развернуть свою внешнеэкономическую машину в направлении системной реализации задач «Партнерства для модернизации». Со своей стороны, испанский и в целом европейский бизнес также в практическом плане слабо воспринял идеи сотрудничества с российскими партнерами в новых форматах. Европейцы продолжали действовать в прежней парадигме, рассматривая Россию не как контрагента

в инновационном технико-технологическом развитии, а как источник сырья и рынок сбыта готовой промышленной продукции. В результате в сфере российско-испанских экономических отношений не произошло качественных изменений. Это явилось одной из причин заметного невооруженным глазом снижения интереса в Москве и Мадриде к «Партнерству для модернизации». Повестка дня этой важной инициативы оказалась исчерпанной прежде, чем была наполнена конкретным содержанием.

Эффекты «санкционной войны»

В 2014 г. российско-испанские отношения заметно осложнились, что было связано с участием Мадрида в финансовых и торгово-экономических санкциях Евросоюза против России, из-за событий в Крыму и вокруг Украины, и с антисанкциями Москвы. Реальностью стало то, что Россия и Испания (в рамках так называемого Объединенного Запада) оказались *по разные стороны геополитических баррикад*. Место уже ставшего привычным политико-дипломатического дискурса о партнерстве ради модернизации заняли взаимные претензии и обвинения, до предела накаляющие международную атмосферу и ограничивающие возможности общеевропейского сотрудничества.

Возникшие негативные тренды пагубно сказались на динамике российско-испанской торговли. Объем взаимной торговли, достигнув своего исторического максимума в 2013 г. (свыше 11 млрд евро), в 2015 г. сократился почти на 55%. Еще больше (на 59%) упал российский экспорт в Испанию (таблица 3), что главным образом было связано с падением цен на нефть.

Таблица 3

Российско-испанская торговля товарами, млн евро

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
2009	4576	1476	6052	+3100
2010	6126	1995	8121	+4131
2011	8463	2526	10989	+5937
2012	8067	2930	10997	+5137
2013	8232	2818	11050	+5414
2014	5987	2546	8533	+3441
2015	3341	1692	5033	+1649

Источник: Ministerio de Industria, Turismo y Comercio. – comercio.mityc.es/; Ministerio de Economía y Competitividad. Informe Mensual de Comercio Exterior. Diciembre de 2016, enero de 2017.

Но дело не только в огромных масштабах финансовых потерь. В российско-испанских отношениях наблюдается макроэкономическое явление, известное как **отклонение торговли**: переориентация экспорта и импорта партнеров на другие международные рынки. Этот эффект может и в дальнейшем помешать предприятиям двух государств выйти на прежние объемы товарообмена.

Испания оказалась в числе стран-членов ЕС, **максимально пострадавших от контрсанкций**. В 2015 г. такие товары, как фрукты, овощи, рыба, мясо и молочные продукты почти полностью перестали импортироваться в Россию. Импорт машин и оборудования снизился на 24%, автомобилей — на 58%, фармацевтической продукции — на 65%. Под угрозой оказались и интересы в России испанских производителей крайне востребованной на российском рынке промышленной продукции. Например, строго следуя логике провозглашенного правительством РФ курса на импортозамещение, президент В.В. Путин задним числом подверг критике руководство РЖД за покупку 140 железнодорожных вагонов у испанской компании Talgo (контракт был подписан в июне 2011 г.) [Putin].

2014 год стал поворотным и для российского туризма в Испанию. Если в 2001–2013 гг. наблюдался стабильный ежегодный прирост отдыхающих россиян на популярных испанских курортах, то в 2014 г. их число сократилось более чем на 10% (причем на фоне общего заметного увеличения иностранного въездного туризма в Испанию). В 2015 г. тенденция сохранилась и усилилась, и только в 2016 г. наблюдалась контртенденция — некоторое увеличение числа отдыхающих из России. Но до показателя 2013 г. остается еще далеко (таблица 4).

Таблица 4

Количество российских туристов в Испании, тыс. человек

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего туристов в Испании	52677	56177	57701	60676	64995	68138	75600
Туристы из России	605	863	1206	1584	1421	956	1100
Доля российских туристов (%)	1,1	1,5	2,1	2,6	2,2	1,4	1,5

Источник: Movimientos turisticos en fronteras (FRONTUR). – iet.toutspain.es/

Снижение интенсивности торгово-экономических обменов с Россией не могло не встревожить испанские деловые круги. Убедительным свидетельством этому стал визит в Москву в декабре 2014 г. Карлоса Эспиносы де Лос Монтерос — высокого представителя государственной программы по продвижению позитивного имиджа Испании за рубежом («Марка Испании»). В ходе пребывания в российской столице К. Эспиноса имел контакты с испанскими предпринимателями, работающими в России, а также посетил МИД РФ, Министерство сельского хозяйства, Федеральное агентство по туризму и другие ведомства. Подводя итоги встреч в Москве, высокопоставленный испанский деятель заявил: «Мы входим в ЕС и поддерживаем принимаемые странами-членами решения. Но мы активно участвуем в дебатах и, если говорить о санкциях, находимся в числе тех стран, кто верит: от санкций нет никакого позитива». И далее: «Наша первая задача — остановить гонку санкций и контрсанкций, не допустить новых. Вторая цель — попытаться найти компромиссные решения, которые позволили бы оставить санкции в прошлом» [Наша].

Действительно, органы управления Евросоюза — это своего рода фильтр, вмонтированный в отношения между Россией и отдельными государствами ЕС. Посредством такого механизма конкретные национальные интересы в хозяйственной сфере могут быть заблокированы (и зачастую блокируются) политическими решениями Брюсселя. В интересах всех партнеров нормализация отношений России с Европейским союзом должна состояться, по крайней мере, на среднесрочном горизонте. В условиях возросшей глобальной и европейской нестабильности и неопределенности крайне важно согласованно двигаться именно в этом направлении.

Приверженцы здравого смысла и сторонники продолжения испано-российского торгово-экономического сотрудничества указывают на живые примеры его взаимовыгодного характера. В частности, несмотря на негативные последствия санкций и девальвацию рубля, одна из крупнейших испанских корпораций и мировой лидер ритейла **INDITEX** (владелица популярных марок Zara, Bershka, Massimo Dutti, OYSHO и др.) продолжает рассматривать российский рынок в качестве одного из важнейших. По состоянию на 30 октября 2016 г. в России имелось 529 торговых точек этой группы [INDITEX]. Принципиально важно и то, что в начале 2015 г. российская железнодорожная система впервые стала использоваться для транспортировки коммерческих грузов между Испанией и Китаем, что принесло ощутимую материальную выгоду всем трем странам [Carbajosa].

В апреле 2016 г. в Торгово-промышленной палате РФ состоялось организационное заседание Комитета предпринимателей Россия — Испания, основная задача которого — оказание содействия российским предприятиям и организациям в поиске деловых партнеров в испанском бизнес-сообществе, а также проработка конкретных проектов в области торговли и инвестиций, организации выставочных и других деловых мероприятий. На пост главы комитета был избран председатель Правления ОАО «НОВАТЭК» Л.В. Михельсон.

Все это говорит о том, что даже в условиях «войны санкций» остаются возможности продвинуть вперед российско-испанские торгово-экономические отношения, в частности, через сближение бизнес-структур и взаимное переплетение предпринимательских капиталов.

Геополитика и экономическая прагматика

Преодолевая тяжелые последствия финансового кризиса 2008–2009 гг., Испания сделала одну из главных ставок на расширение внешнеэкономических связей и во многом благодаря росту внешней торговли (главным образом, товарного экспорта, (таблица 5) смогла компенсировать провалы внутреннего рынка и выйти на траекторию экономического роста.

Данные показывают, что в 2007–2015 гг. испанский товарный экспорт вырос на 35% (с кризисного 2009 г. — 56%), тогда как импорт не только не увеличился, но даже немного сократился — почти на 2%, в результате чего дефицит торгового баланса снизил-

ся в четыре раза, а экспортные доходы, покрывавшие в 2007 г. менее 65% расходов на закупку товаров за рубежом, в настоящее время превышают 90% объема импорта. Бизнес-сообщество и правящие элиты Испании расценивают этот крупный структурный сдвиг как следствие либерального режима международной торговли в условиях глобализации и демонстрируют заинтересованность в сохранении сложившихся в мировой экономике правил игры.

Таблица 5

Внешняя торговля Испании, млрд евро

Год	Экспорт	Импорт	Сальдо	Экспорт/импорт (%)
2007	185,0	285,0	-100,0	64,9
2008	189,2	283,4	-94,2	66,8
2009	159,9	206,1	-46,2	77,6
2010	186,8	240,1	-53,3	77,8
2011	215,2	263,1	-47,9	81,8
2012	226,1	258,0	-31,9	87,6
2013	235,8	252,4	-16,6	93,4
2014	240,6	265,6	-25,0	90,6
2015	249,8	274,8	-25,0	90,9
2016 (11 месяцев)	233,8	250,1	-16,3	93,5

Источник: Ministerio de Economía y Competitividad. Informe Mensual de Comercio Exterior. Diciembre de 2016, enero de 2017.

Сделав мощный рывок в области внешних экономических связей — не случайно на официальном уровне выдвинут слоган **«Spain Everywhere — España en todo el mundo»** («Испания повсюду в мире»), Мадрид претендует на более значимую роль в европейской политике (особенно в контексте жесткого варианта **Brexit**, который испанцы пытаются обратить в свою пользу).

Главный внешний вызов для страны сегодня — политика новой вашингтонской администрации. Победа Дональда Трампа для Испании, как и для большинства европейских стран, стала неприятной неожиданностью, чреватой, по мнению испанских политических и экспертных кругов, крупными проблемами в сфере международных экономических отношений.

В этом отношении испанская ситуация отличается от российской, где до настоящего времени существуют надежды на улучшение отношений с США при нынешнем хозяине Белого дома. Показательный факт: согласно опросам общественного мнения, проведенным известной международной консалтинговой компанией **Ipsos Group** в различных странах, 84% испанцев считают, что Д. Трамп будет «плохим» президентом, тогда как 74% россиян придерживаются противоположного мнения и убеждены, что он будет «хорошим» главой государства. Это — самые высокие национальные показатели со знаками «минус» и «плюс» [President].

Но вряд ли стоит игнорировать то обстоятельство, что отдельные пункты экономической программы президента-миллиардера (например, резкое увеличение в США добычи нефти и газа), если они будут в полной мере реализованы, могут нанести России и другим странам-экспортерам углеводородов тяжелый финансово-экономический урон.

В Испании всерьез опасаются, что действия правительства Д. Трампа на международной арене станут детонатором нежелательных для Мадрида перемен, изменят вектор трансформации мирового устройства в невыгодном для европейских стран направлении, приведут к разбалансировке сложившейся глобальной финансово-экономической системы. Особое беспокойство вызывают протекционистские шаги Белого дома, которые, по мнению испанских экспертов, «открывают путь к формированию нового порядка в мировой торговле» [Largouy].

В редакционной статье ведущей испанской газеты El País внешнеэкономические взгляды Д. Трампа были названы «протекционистским бредом», угрожающим экспорту Испании в США. В частности, отмечалось в публикации, ограничительные меры Вашингтона могут ощутимо затронуть интересы сотен испанских предприятий, поставляющих на американский рынок компоненты для автомобильной промышленности [Delirio].

В более широком плане в испанском истеблишменте считают, что приход во власть Д. Трампа знаменует собой новую политико-экономическую парадигму, отменяющую ставшие уже привычными ориентиры и механизмы трансатлантического партнерства. Как и в ряде других европейских столиц, в Мадриде негативно восприняли заявления хозяина Белого дома, ставящего под сомнение релевантность НАТО (американский президент назвал альянс «устаревшей организацией», чем едва не довел до инфаркта союзников в Европе) и требующего от государств Старого Света «раскошелиться» на обеспечение континентальной безопасности. Особенно болезненную реакцию вызвали намерения Д. Трампа торпедировать формирование Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), за создание которого боролась администрация Б. Обамы, убеждая европейцев, нередко вопреки очевидным фактам, в «чрезвычайной выгоде» этого интеграционного проекта для обеих сторон [Яковлев Трансатлантическое...]. В Испании, хотя и не сразу, восприняли аргументы прежней вашингтонской администрации и настроились на участие в ТТИП. И вот теперь Белый дом совершает поворот на 180°.

С большой долей подозрения в Мадриде наблюдают за сближением Вашингтона и Лондона на почве «особых отношений» между этими двумя странами и их критики Европейского союза и многосторонних интеграционных проектов типа ТТИП. Визит британского премьер-министра Терезы Мэй в США в конце января 2017 г., в ходе которого Д. Трамп с энтузиазмом поддержал Brexit, подогрел такого рода опасения и был расценен как шаг в направлении формирования своего рода «интернационала Трампа» — объединения государств, выступающих за слом существующего мирового и европейского порядка [Bassets].

«Эффект Трампа», Brexit, сирийский кризис, многие другие геополитические и геоэкономические перемены на глобальной карте привносят новые элементы в российско-испанские отношения. Политико-дипломатическая ткань взаимодействия Москвы и Мадрида становится более тонкой, что еще больше акцентирует значимость экономической прагматики. При этом российский и испанский бизнес-сообщества должны приспособиться к изменившимся и непростым условиям работы, обновить парадигму делового взаимодействия. Тогда **«котировка акций»** российско-испанских отношений может пойти вверх.

С российской стороны необходимо активизировать поддержку **высокотехнологичного экспорта** в Испанию. Здесь в полной мере должно проявить себя Агентство по страхованию экспортных кредитов — ЭСКАР, которое, например, уже организовало финансирование выхода на испанский рынок компании **IntelMet Technologies**, работающей в металлургической промышленности. Встречный пример — уникальные с технической точки зрения железнодорожные составы компании **Talgo**, с 17 декабря 2016 г. обслуживающие линию Москва — Берлин.

Одновременно возрастает значимость **инвестиционного взаимодействия**. Это — перспективное направление, учитывая возросшую значимость для экономики Испании внешнеэкономических связей. Накопленный опыт показывает, что наиболее вероятными отраслями для испанских капиталовложений в России являются: транспорт и инфраструктура; энергетика; агроиндустриальный комплекс; строительные материалы; химическая промышленность; текстиль и модная одежда; автомобильные запчасти; оборудование для пищевой промышленности; деревообработка. Для российских предпринимателей в Испании интерес представляют инвестиции в недвижимость, строительство, гостиничный и ресторанный бизнес.

Взаимодополняемость российской и испанской экономик формирует пространство *перекрестных капиталовложений* и создает объективные условия для создания совместных предприятий. По сути, это — непочатый край работы.

И последнее. Испания входит в группу стран Евросоюза, которые высказываются за **открытый диалог с Россией**, является сторонницей смягчения (если не полной отмены) сохраняющегося визового режима. Другими словами, в отношениях с Россией Испания не желает играть на понижение.

Выступая в декабре 2016 г. в Кортесах (испанском парламенте), вновь назначенный министр иностранных дел Альфонсо Дастис подчеркнул, что Мадрид выступает за «нормализацию отношений с Россией и восстановление доверия». «Холодная война давно закончилась. И было бы трагической ошибкой ее воспроизводить», — добавил дипломат [Intervención]. Вряд ли что можно к этому добавить.

* * *

Россия и Испания встречают 40-летие восстановления дипломатических отношений в условиях глобальной и европейской неустойчивости и неопределенности, что созда-

ет не самый благоприятный международный контекст развитию двусторонних российско-испанских связей.

В этих условиях необходимо, опираясь на накопленный опыт, совместными усилиями **переломить нисходящий тренд**, минимизировать издержки, последовательно раздвигать рамки двусторонних отношений, возможно, ломать шаблоны, главное — выстраивать эффективную, предсказуемую и привлекательную для обеих стран модель сотрудничества.

Критически важен **новый политический старт на высшем уровне**. Пауза в контактах первых лиц двух государств слишком затянулась. Пора вспомнить, что в недалеком прошлом такие встречи служили мощным импульсом развития двусторонних связей.

Именно эти приоритетные задачи должны задавать актуальную повестку дня российско-испанского диалога.

Литература:

- Волосюк О.В. Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений. М. 2001.
- Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания. 3 марта 2009 года. — Mode of access: kremlin.ru/supplement/163 (date of access: 16.01.2017)
- Заявление для прессы по итогам российско-испанских переговоров. 9 февраля 2006 года. — Mode of access: kremlin.ru/events/president/transcripts/23426 (date of access: 12.01.2017)
- История Испании от войны за испанское наследство до начала XXI века. М. 2014.
- «Наша первая задача — остановить гонку санкций и контрсанкций». 02.12.2014. — Mode of access: kommersant.ru/doc/2623656?isSearch=True(date of access: 22.01.2017)
- Российские дипломаты в Испании. 1667–2017 (отв. ред. О.В. Волосюк). М. 2016.
- Яковлев П.П. Испания: вызовы и риски нового политического цикла. М. 2012.
- Яковлев П.П. Испания в мировой политике. М. 2011.
- Яковлев П.П. Испания: период экономического кризиса и политических испытаний. М. 2009.
- Яковлев П.П. Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 4.
- Bassets M. Donald Trump: “El ‘Brexit’ será una maravilla” // El País. 28.01.2017.
- Carbajosa A. Sale de Madrid el primer tren piloto rumbo a China // El País. 30.01.2015.
- Delirio proteccionista // El País. 14.01.2017.
- INDITEX. — Mode of access: inditex.com/en/our_group/international_presence (date of access: 24.01.2017)
- Intervención del Ministro de Asuntos Extranjeros y de Cooperación, Alfonso Dastis, ante la Comisión de Asuntos Exteriores del Congreso de los Diputados. 21.12.2016. — Mode of access: realinstitutoelcano.org/ (date of access: 12.01.2017)
- Larrouy D., Bayón Á. El proteccionismo de Trump abre la puerta a un nuevo orden comercial // Cinco Días. 25.01.2017.

Ministerio de Industria, Turismo y Comercio. — Mode of access: comercio.mityc.es/ (date of access: 15.01.2017)

Sánchez Andrés A., Shkolyar N., Teperman V. La internacionalización de la empresa española. Rusia. Madrid. 2008.

President Obama Leaves Office with High Worldwide Approval Ratings — But Global Expectations for Trump Are More Pessimistic. 23 January 2017. — Mode of access: ipsos.com/ (date of access: 25.01.2017)

Putin critica la compra de trenes Talgo a España // El País. 18.02.2015.

УДК 327

Тимофей ДМИТРИЕВ

Американская внешняя политика и ее архитекторы: взгляд слева

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и критике картины истории внешней политики и внешнеполитической стратегии США за последние двести лет, представленной в последней книге известного историка и левого теоретика П. Андерсона¹. Особое внимание уделяется анализу подходов автора к периоду холодной войны (1946–1991), происхождению и воплощению на практике американской внешнеполитической стратегии этого периода, а также динамике и основным тенденциям американской внешней политики последних двадцати пяти лет (1991–2015). Отдельно освещаются внешнеполитические итоги деятельности первой и второй администрации Б. Обамы, а также приводятся оценки нынешнего состояния и перспектив российско-американских отношений.

Ключевые слова: американская внешняя политика, внешнеполитическая стратегия, империя, национальная безопасность, «холодная война», «сдерживание», «дипломатия доллара».

Книга Перри Андерсона заметно выделяется из общего массива литературы об американской внешней политике, ее стратегах и архитекторах. Почетное место автор отводит «Его Величеству Капиталу» как движущей силе современной истории. Этот парамарксистский характер исходных теоретических посылок сказывается и на жанре книги, заставляя автора постоянно балансировать на грани между историческим очерком и политическим памфлетом. Тем не менее именно такой подход П. Андерсона дает ему возможность бросить подкупающий своим универсализмом взгляд на историю становления и особенности эволюции внешней политики США на протяжении последних двух столетий.

П. Андерсон находится под сильным влиянием так называемой «ревизионистской» школы в американской историографии. Особенностью этой школы является то, что она возлагает на Соединенные Штаты основную или, по крайней мере, равную с Советским Союзом долю вины за разжигание и затяжной характер холодной войны.

Сведения об авторе: Дмитриев Тимофей Александрович — доцент школы культурологии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва); кандидат философских наук; tdmitriev@hse.ru.

1 Book review: Anderson, Perry. American Foreign Policy and Its Thinkers. London; New York: Verso, 2015. 272 p.

Книга разделена на две части — «Imperium» и «Consilium». Первая посвящена истории американской внешней политики с особым упором на период холодной войны, а также последнюю четверть века (1991–2015). Вторая часть касается преимущественно споров вокруг доктринальных и геостратегических основ внешнеполитического курса США последних десятилетий. В сочетании друг с другом эти две линии исследования американской внешней политики призваны, по замыслу автора, «дать объяснение американской имперской системы, сфера действия которой сегодня распространилась на весь земной шар» [Anderson, p. VI].

Достоинство своего подхода к исследованию вопроса, которому сегодня посвящено необозримое количество как научной, так и публицистической литературы, автор видит в целостном истолковании динамики внешнеполитической стратегии и дипломатии США: от войны с Мексикой (1846–1848) до «войны с террором», ставшей главной заботой последних американских администраций. Отличительная черта работы — ее широкий географический охват. П. Андерсон стремится проследить динамику американской внешней политики второй половины XX в. на всех ее трех главных направлениях: на полях холодной войны с Советским Союзом и странами «советского блока», во взаимоотношениях с империалистическими центрами силы Западной Европы и Дальнего Востока, а также с развивающимися и слаборазвитыми странами Азии, Африки и Латинской Америки.

С самого начала автор дает понять читателю, что его, человека левых убеждений, симпатии вовсе не на стороне американской империи и ее внешнеполитического курса. Но и здесь позиция П. Андерсона отличается нюансами. Если ученые и публицисты правых убеждений обыкновенно склонны высоко и некритично оценивать роль США в международных делах, то левые исследователи нередко впадают в другую крайность: критикуя имперскую гегемонию США, они настаивают на ее необратимом упадке, выдавая желаемое за действительное. Однако, как справедливо замечает П. Андерсон, «радикальная оппозиция американской империи вовсе не обязательно должна влечь за собой уверенность в ее неминуемом грядущем коллапсе или закате. Изменяющийся баланс сил, в котором лежит центр тяжести ее гегемонии, необходимо исследовать объективно, без изъятия явных предпочтений» [Anderson, p. VII]. Именно такую непростую задачу ставит перед собой и пытается решить автор рецензируемой работы.

Империя и нация

Современное слово «империя» производно от латинского слова «imperium», которым в Древнем Риме обозначали совокупность прав, принадлежавших первоначально царям. Царский империй состоял в командовании армией и в отправлении определенных религиозно-сакральных функций. От него ведет свое происхождение империй высших магистратов (должностных лиц) времен Римской республики, который мог носить как ординарный (консулы, преторы), так и экстраординарный характер (диктатор). Империй высших магистратов представлял собой совокупность прав, связанных с командованием войсками, определенными моментами религиозной власти, правом созыва народных собраний и сената и т. д. [Loewenstein, p. 44–48].

Imperium США, появившийся в 1945 г., имеет долгую предысторию. По мнению П. Андерсона, в Северной Америке рождение империи уникальным образом совпадает с рождением нации. Появление на карте мира этой уникальной политической формы — имперской нации — было связано с сочетанием двух необычайно благоприятных обстоятельств: экономикой первых переселенцев, с самого начала свободной от феодальных пережитков, и континентальной территорией, защищенной двумя мировыми океанами. Результатом стало возникновение чистой формы современной капиталистической экономики и крупнейшего в мире национального государства. К этим объективным преимуществам добавились еще два, имеющих субъективный характер: культура и политика. Культурный фактор был связан с идеей первых поселенцев-протестантов, что американцы — это нация, пользующаяся особым расположением Бога и наделенная высшим, религиозным по своей природе предназначением. Политический фактор родился в ходе Войны за независимость; именно тогда было провозглашено, что в Новом свете появилась республика, владеющая бесценным даром — конституцией свободы, которой суждено оставаться нетленной в веках. Из этих четырех составляющих, как подчеркивает П. Андерсон, и рождается идеологическая повестка дня американского национализма, которая позволила осуществить переход к империализму. Будучи уникальной нацией, США в то же самое время могли служить путеводной звездой для всего мира [Anderson, p. 3–4].

Комплекс исключительности и универсализма, положенный в основу американской внешней политики с момента образования США, стал оправданием для территориального расширения американского государства в XIX — начале XX в. Этот специфический американский комплекс с самого начала представлял собой довольно неустойчивое единство. В основе идеи американской исключительности лежало непоколебимое убеждение в том, что Соединенные Штаты смогут сохранить свои уникальные ценности, лишь держась в стороне от падшего мира. Напротив, приверженность к универсализму находила свое выражение в мессианском активизме, с помощью которого Соединенные Штаты рассчитывали спасти этот падший мир. Что касается американского общественного мнения, то ему оставалось только колебаться между этими двумя крайними полюсами при изменении внешнеполитической конъюнктуры.

В XX в. все большее значение стал приобретать растущий экономический и демографический вес страны. США стали развитой индустриальной державой, занимавшей первое место в мире по объему промышленного производства и второе — по объему экспорта. К 1910 г. американская экономика сравнялась с экономиками двух других наиболее развитых стран Западной Европы — Англии и Германии, вместе взятыми. Принимая во внимание популярность в ту пору идей социал-дарвинизма, подобный рост производства мог рассматриваться как усиление глобального влияния и мощи. Однако даже после 1914 г. растущие амбиции не помогли найти согласие по вопросу о том, следует ли Соединенным Штатам вмешиваться в идущую в Европе войну [Anderson, p. 7].

С избранием президентом США Вудро Вильсона в американской внешней политике происходит конвульсивный поворот. Главное внешнеполитическое достижение

В. Вильсона на посту президента состояло во вступлении Соединенных Штатов в первую мировую войну на стороне стран-членов Антанты, которое привело к превращению США в ведущую мировую державу.

Однако создание *Pax Americana* оказалось намного более сложным делом. Страна не была готова поддержать интервенционистскую политику за границей и при следующих трех президентах сосредоточилась на выбивании долгов из Европы, безуспешных попытках поставить Германию на ноги и предотвратить вторжение Японии в Китай [Anderson, p. 9–10]. Иными словами, в межвоенный период (1919–1939) американский внешнеполитический курс характеризовался политикой «изоляционизма».

С точки зрения П. Андерсона, так получилось потому, что вступление США в Первую мировую войну не отвечало жизненно важным национальным интересам. Риторика американского интервенционизма склонялась к расширению рынков по всему миру, на том основании, что в этом нуждались американские товары и инвестиции. Однако американская экономика, опиравшаяся на изобильные природные ресурсы и емкий внутренний рынок, была относительно самодостаточной. Как отмечает П. Андерсон, «именно эта пропасть между идеологией и реальностью привела ... глобализм Вильсона к краху» [Anderson, p. 10].

С кризисом 1929–1933 гг. пришло понимание того, какой бы самодостаточной ни казалась экономика США, волны потрясений на международных финансовых рынках не могут не затрагивать американских капиталовложений и займов. Если «новый курс» первой администрации Ф.Д. Рузвельта (1933–1936) был связан с необходимостью преодолеть наиболее катастрофические последствия «Великой депрессии» на американском континенте, то первые годы второй администрации прошли под знаком разгорающейся Второй мировой войны и необходимости воссоздания американской военной мощи. Это позволило подстегнуть развитие американской промышленности. «В результате внутренние преимущества американской экономики и внешнеполитические отношения американского государства оказались тесно связанными, как никогда раньше» [Anderson, p. 11–12]. Как верно замечает П. Андерсон, в межвоенный период и у верхов, и у масс практически отсутствовало сколько-нибудь внятное представление о том, какое место американская держава должна занимать в мире.

1943 год: кристаллизация идеи *Pax Americana*

Все изменилось с началом Второй мировой войны, в которую в 1941 г. были вынуждены вступить и США. Коренной перелом в войне, отмеченный такими событиями, как битва на Курской дуге и сражение у острова Мидуэй, заставил американские правящие круги обратиться к вопросу о послевоенной повестке дня. По мнению П. Андерсона, эта новая внешнеполитическая повестка, в рамках которой они видели себя в качестве главного глобального игрока на мировой арене, формируется в 1943–1945 гг. Таким образом, оформление идеи послевоенного *Pax Americana* приходится на последний срок президентства Ф.Д. Рузвельта.

Роль ключевого текста, очертившего контуры послевоенной американской внешней политики на многие десятилетия вперед, П. Андерсон отводит небольшому сочинению Никласа Спайкмэна «Американская стратегия в мировой политике», изданному в 1942 г. [Spykman]. В этой книге (которая, по оценке Андерсона, представляет собой «наиболее впечатляющий образец геополитической литературы как таковой») «Спайкмэн закладывает основы базовой концептуальной системы координат для понимания современных межгосударственных отношений, а также дает исчерпывающую картину американских позиций и перспектив в ее рамках» [Anderson, p. 14]. С точки зрения Спайкмэна, в мировой системе, лишенной единого центра власти, главной целью внешней политики каждого государства является сохранение и укрепление его мощи в борьбе за обуздание силы и мощи других государств. Политическое равновесие в форме определенного баланса сил служит при этом благородным идеалом, но «государства заинтересованы исключительно в таком положении дел, которое складывается в их пользу. Иными словами, не в равновесии, но в подавляющем превосходстве». В качестве главных средств власти выступают четыре переменные: убеждение (persuasion), подкуп (purchase), обмен (barter) и принуждение (coercion). С помощью их сочетания обретается гегемония, которая представляет собой «властную позицию, позволяющую всем государствам господствовать в их области действия» [Spykman, p. 7, 21, 19].

Подобную гегемонию США долгое время осуществляли над западным полушарием. Однако, как подчеркивал Спайкмэн, было бы большой ошибкой считать, будто в своем противостоянии с Германией и Японией они могут безмятежно полагаться на защиту двух океанов, отделяющих Новый свет от Старого света и Азиатско-Тихоокеанского региона, и на ресурсную базу Северной, Центральной и Южной Америки. Стратегических ресурсов, получаемых США из Латинской Америки, может не хватить для того, чтобы выиграть мировую войну. Более того, по мнению Спайкмэна, США нельзя полагаться на безоговорочную поддержку латиноамериканских стран в случае широкомасштабного вооруженного конфликта с Германией и Японией. Поэтому у США, если они желали избежать участи буферного государства, зажатого в тиски двумя воинственными империями — германской и японской, оставался только один выход: перейти от обороны к наступлению и остановить победное шествие новых претендентов на мировое господство.

Крах изоляционизма стал реальностью уже зимой 1941 г., со вступлением США во Вторую мировую войну. Однако другие идеи Спайкмэна приживались с трудом — не в последнюю очередь потому, что его труд носил «иконоборческий» характер: в нем ставились под сомнение или отрицались прописные истины американской внешней и внутренней политики¹. По мнению Спайкмэна, на смену этим либеральным прописям после

---

1 Досадно, но П. Андерсон в своей работе совершенно не упоминает о том, что в 1943 г. вышла книжка патриарха американской журналистики и аналитика мировой политики Уолтера Липпмана «Внешняя политика Соединенных Штатов: щит республики» [Lippmann], в которой автор, отталкиваясь от понятий «баланс сил», «национальная безопасность», «национальный интерес» и «сферы интересов», сумел изложить базовые идеи Спайкмэна на языке, доступном и понятном американской правящей элите [Печатнов, с. 174–176]. Так что идеи Спайкмэна, скончавшегося в 1943 г., не ушли в песок, но «в переводе» Липпмана стали достоянием стратегов американской внешней политики времен холодной войны.

окончания войны должна была прийти более жесткая и реалистичная внешняя политика, в основу которой надлежало положить сложную систему альянсов по всему миру. В Европе следовало заручиться поддержкой Англии для послевоенного восстановления Германии как главного оплота на пути возможной экспансии России. Что же касается Азии, то здесь необходимо было приложить усилия для послевоенного восстановления Японии как противовеса растущему влиянию Китая, чья потенциальная мощь намного превышала японскую и, будучи «модернизирована, оживлена и вооружена», могла представить серьезную угрозу американским интересам в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В ситуации, когда немцы стояли под Москвой, а японские авианосцы плыли к острову Мидуэй, подобные рекомендации были явно не ко времени. Их срок придет позднее, когда Вторая мировая война будет приближаться к концу [Anderson, p. 16–17].

Для внешнеполитических стратегов из администрации Рузвельта долгосрочные приоритеты американской внешней политики носили двоякий характер. С одной стороны, послевоенный мир должен был стать безопасным для капитализма; с другой, в рамках самого капиталистического мира США должны были занять господствующие позиции.

Что означало это для послевоенного мира? Прежде всего, следовало создать новый мировой порядок, который положил бы конец государственному контролю над обращением капитала (наиболее разрушительными примерами такого контроля служили «Третий Рейх» Гитлера и паназиатская «сфера процветания» Японии). Без доступа к внешним рынкам сама система американского свободного предпринимательства могла оказаться под угрозой. Необходимо было перейти к политике «открытых дверей» не только в отношении Китая или на латиноамериканских задворках Америки, но по всему миру. Требовалась всесторонняя либерализация торговли, подкрепленная новыми международными институтами. Политическая конструкция этого экономического порядка должна была основываться на принципах либеральной демократии, зафиксированных в Атлантической хартии. По сути дела, речь шла о создании либерального международного порядка торговли и взаимной безопасности, в котором США должны были играть первую скрипку.

Будучи порождением войны, эта идея знаменовала собой решительный перелом в американской внешней политике. В атмосфере патриотического подъема, захлестнувшего страну после нападения японцев на Пёрл-Харбор, два американских национализма — изоляционистский и интервенционистский — получили уникальный шанс на объединение в рамках «проекта перестройки мира по американскому образцу» [Anderson, p. 24]. Эта задача оказалась приоритетной для последней администрации Ф.Д. Рузвельта, а важнейшими вехами на пути ее осуществления стали учреждение ООН и заключение Бреттон-Вудских соглашений, послуживших базой для создания МВФ и Всемирного банка и сделавших доллар мировой резервной валютой.

От мечты о Pax Americana к холодной войне

Мечта о создании *Pax Americana*, основанном на глобальном лидерстве Америки, не пережила самого президента Ф.Д. Рузвельта, скончавшегося в апреле 1945 г., не-

задолго до окончания Второй мировой войны. В условиях набирающего силу противостояния США и СССР по вопросам послевоенного устройства Европы и Азии многие проекты, выдержанные в духе *Pax Americana*, пришлось отложить до лучших времен¹.

Сменивший Рузвельта на президентском посту Гарри Трумэн оказался как нельзя лучше подготовлен к ведению политики в духе холодной войны. Спустя четыре дня после окончания боевых действий в Европе Трумэн отдал распоряжение прекратить поставки по ленд-лизу для СССР, даже не удосужившись предварительно известить своего советского союзника об этом решении. «К весне 1946 г., — пишет П. Андерсон, — примиренческие отношения с Москвой в том духе, в каком они мыслились Рузвельтом и на которые надеялся Сталин, сошли на нет» [Anderson, p. 30].

Конфигурация международных позиций СССР и США в годы холодной войны носила ярко выраженный асимметричный характер. По мнению П. Андерсона, при Сталине советская внешняя политика была по преимуществу оборонительной. Она была продиктована соображениями безопасности и направлена на создание советской зоны влияния в странах Восточной и Центральной Европы, с целью недопущения в будущем чего-либо подобного нацистской агрессии против СССР. Цена решения этого вопроса не имела значения. В то же время СССР относился крайне осторожно к революциям под социалистическими лозунгами за пределами этого пояса безопасности, будь то Греция в Европе или Китай в Азии, поддержка которых грозила острой конфронтацией с западным миром.

Свою лепту в завязывавшийся узел противоречий внесли и идеологические притязания двух великих держав. В холодной войне сцепились две мировые силы, за каждой из которых стояла претендующая на универсальность идеология западного происхождения. Не удержусь, чтобы не процитировать одного из ведущих историков Американской революции Гордона С. Вуда. «Огромный антагонизм, немедленно возникший между Соединенными Штатами и Советским Союзом, — пишет он, — основывался не просто на крайностях политики держав или на условиях противоположных... систем, но, что более важно, на конкуренции двух совершенно различных революционных традиций. Холодная война фактически началась в 1917 г. СССР угрожал не чем иным, как вытеснением США с позиций авангарда истории... Впервые после 1776 г. американцы столкнулись с альтернативной революционной идеологией, обладающей вселенскими устремлениями, равными их собственным» [Вуд, с. 406].

В то же время промышленно-экономические потенциалы двух мировых сил были несоизмеримы. СССР вышел из Второй мировой войны сильно ослабленным, его евро-

¹ Заметим, что на «отложенный» характер американской внешнеполитической повестки дня указывал известный французский политический теоретик Р. Арон в своей работе 1973 г., посвященной американской внешней политике XX в. «Несколько упрощая, можно было бы сказать, — писал он, — что холодная война помогла скрыть переход Соединенных Штатов от мечты универсализма к реальности зон влияния» [Арон, с.65]. Победа ведомого США западного блока в холодной войне после 1991 г. снова сделала актуальным возвращение к повестке дня, связанной с идеей *Pax Americana*.

пейская часть лежала в руинах. США, напротив, заметно окрепли. Как отмечает П. Андерсон, инициатива в разгоравшейся холодной войне принадлежала более сильной стороне.

Как только в Европе и на Тихом океане умолкли пушки, на смену политике сотрудничества между недавними союзниками по антигитлеровской коалиции пришла политика сдерживания (*containment*) коммунистической угрозы. Правда, как отмечает П. Андерсон, понятие «сдерживания» здесь играло роль эвфемизма, поскольку с самого начала целью США было вовсе не сдерживание, но уничтожение нового противника в лице СССР. На кону стояла победа в большой геостратегической игре, а вовсе не безопасность [Anderson, p. 32].

Ключевую роль в разработке американской политики сдерживания в годы холодной войны П. Андерсон отводит Джорджу Фросту Кеннану, прославившемуся статьей «Истоки советского поведения», опубликованной в июльском номере журнала «Foreign Affairs» за 1947 г. за подписью «м-р Икс». Портрет Кеннана в книге П. Андерсона выдержан исключительно в черных красках. Здесь и симпатии к диктатурам правого и неотрадиционалистского толка типа португальского *Nuovo Estado* А. Салазара и его преемников (1933–1974), и неприкрытая ненависть к «бацилле» большевизма, и двусмысленные высказывания 1938–1941 гг. о гитлеровской политике территориальных захватов в Европе, и сомнения в пользу программы «денацификации» послевоенной Западной Германии, и многое другое.

Главное, на чем настаивает П. Андерсон, — «сдерживание не знало ограничений ни в размахе, ни в средствах. Оно представляло собой *Ermattungskrieg* (войну на истощение), а не *Niederwerfungskrieg* (войну на уничтожение), но цель его оставалась той же самой» [Anderson, p. 35–36]. Иными словами, политика сдерживания, предложенная Кеннаном, и политика «отбрасывания» коммунизма, которую проводил в 1950-е годы государственный секретарь США в администрации президента Д. Эйзенхауэра Д.Ф. Даллес, «с самого начала была одной и той же политикой» [Anderson, p. 36].

Базовые цели политики сдерживания были сформулированы в аналитической записке, представленной возглавляемым Дж. Кеннаном отделом планирования политики госдепартамента. Этот документ, озаглавленный «Цели США в отношении России», был утвержден 18 августа 1948 г. как совершенно секретная директива Совета национальной безопасности (СНБ). В преамбуле констатировалось, что «правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время». Для этого намечались соответствующие мероприятия, необходимые как в условиях мира, так и в случае войны. Конечной целью политики сдерживания в этой директиве объявлялось изменение внутренней природы советского строя, сложившегося в СССР. «Наши основные цели в отношении России, — говорилось в директиве, — в сущности, сводятся всего к двум: а) свести до минимума мощь и влияние Москвы; б) осуществить коренные изменения в теории и практике внешней политики, которой придерживается правительство, стоящее у власти в России» [Containment..., p. 174, 176].

Будучи бюрократическим эвфемизмом, понятие «сдерживание» не слишком подходило для вовлечения американского общества в холодную войну. Поэтому базовым для имперской идеологии стало понятие «безопасность» (security). В решающие 1945–1947 гг. оно позволило осуществить переход от «нового курса» Ф.Д. Рузвельта к «доктрине Трумэна». Если наиболее популярным для эпохи Рузвельта был Акт социальной безопасности, то на смену ему пришел Акт национальной безопасности, в соответствии с которым в марте 1947 г. были созданы Министерство обороны, Главный комитет начальников штабов, Совет национальной безопасности и Центральное разведывательное управление (ЦРУ). Как отмечает П. Андерсон, «вокруг этого институционального комплекса развилась постоянная идеология национальной безопасности, которая доминирует в американской империи по сей день... Маскируя наступательную политику под вынужденную оборону, она была как нельзя лучше приспособлена для того, чтобы связать воедино народные чувства и замыслы элиты, которые в противном случае рисковали разойтись» [Anderson, 2015: 37–38]. Эта идеология с самого начала носила экспансионистский характер. «Нет ни одного вопроса, военного или политического, к которому США не проявляли бы интереса», — писал Ф.Д. Рузвельт И.В. Сталину в 1944 г. Именно в годы холодной войны эта экспансионистская (сегодня можно сказать — глобалистская) линия американской внешней политики получила шанс обрести свою плоть и кровь.

Холодная война, ее теория и практика

Отличительной чертой первого этапа холодной войны (1946–1953), по Андерсону, было решительное преобладание американской мощи над американскими интересами. В этот период американское государство действовало не как доверенное лицо американского капитала, но как защитник всеобщих интересов всех капиталов, принося в жертву там, где это было необходимо, национальную выгоду ради получения преимуществ на международной арене. Предполагалось, что в долгосрочной перспективе это окупит себя сторицей [Anderson, p. 55].

С самого начала задачей вашингтонской администрации было не допустить попадания в руки коммунистов двух индустриально развитых регионов, ставших в 1930-е годы источником зарождения Второй мировой войны. Западная Европа (включая Германию) в атлантическом регионе и Япония на Дальнем Востоке, с их высоким уровнем промышленного и научно-технического развития, были стратегически важным призом при планировании сценариев послевоенного мироустройства¹. Реконструкция этих

---

1 Такая постановка вопроса прослеживается уже в аналитических разработках Д. Ф. Кеннана, относящихся к 1947 г. «По прошествии некоторого времени, — писал он в своих мемуарах, — мне стало ясно, что образовались два региона наибольшей опасности, ответственности и возможностей для нас — Западная Германия и Япония, оба из которых были оккупированы. Это были центры и крупнейшие индустриальные комплексы, один из которых располагался на Западе, а другой — на Востоке. От их возрождения зависело восстановление стабильности в Европе и в Восточной Азии. Для установления соответствующего равновесия в послевоенном мире было необходимо, чтобы они не попали в руки коммунистов, а их громадные ресурсы использовались бы только в конструктивных целях» [Kennan].

стран под присмотром и защитой США стала приоритетом послевоенной американской внешней политики. План госсекретаря в администрации Трумэна Д. Маршалла, очень скоро окрещенный западной прессой «планом Маршалла», обеспечил экономическое возрождение Западной Европы при преобладающей роли американского капитала, а создание в 1949 г. под руководством США военного блока НАТО дополнило процесс гарантиями военной безопасности.

Германия, разделенная на советскую зону оккупации и оккупационные зоны западных союзников, представляла собой особую проблему. Здесь политика американской администрации не ограничилась созданием западногерманского государства. Поскольку экономическая мощь возрожденной Германии продолжала питать страхи ее ближайших западноевропейских соседей, США пришлось стать проводником идеи европейского единства, которая на раннем этапе холодной войны была связана с реинтеграцией западногерманской экономики в экономику Западной Европы, а также с возрождением немецкой военной мощи как барьера против «советской угрозы» (под пристальным американским контролем посредством принятия ФРГ в военную организацию НАТО).

В итоге политика США в промышленно развитой зоне Западной Европы увенчалась полным успехом. «С самого начала этой политике довелось взаимодействовать с деловыми элитами, которые были естественными союзниками США, с обширными средними классами и с умеренным рабочим движением, с восходящими в довоенное прошлое парламентскими институтами и с выборами на конкурентной основе. Экономическая реконструкция обеспечила двадцать лет экономического процветания и роста жизненных стандартов, что позволило относительно легко превратить страны Западной Европы в процветающие протектораты, находящиеся в орбите американского влияния» [Anderson, p. 61].

Если в Западной Европе и Японии американцам удалось возобладать без особого труда, то с завоеванием симпатий бывших колониальных и зависимых стран дело обстояло сложнее.

Для советского руководства после смерти И.В. Сталина страны третьего мира становятся одной из главных ставок в дипломатическом наступлении. Образцом стратегии «наведения мостов» стала поездка Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в 1955 г. в Индию, Бирму и Афганистан. «Отношения [СССР] со странами Азии, — пишет Ю.В. Емельянов, — стали особенно динамично развиваться после окончания Второй мировой войны по мере подъема национально-освободительного движения и достижения независимости ряда азиатских стран. Если до войны СССР опирался, как правило, лишь на коммунистические партии в этих странах, то после войны СССР стал развивать связи и с представителями немарксистских национальных сил, выступавших против колониализма и империализма Запада. Таким образом предполагалось ослабить позиции Запада в тех регионах, которые в течение многих веков служили его важнейшим экономическим и политическим резервом, и укрепить позиции СССР» [Емельянов, с. 392].

Советская модель индустриализации и социальной модернизации выглядела в 1950–1960-е гг. необычайно привлекательно для правящих элит, пришедших в ряде стран к власти на волне национально-освободительной борьбы. В то же время речь шла о регионах мира, богатых полезными ископаемыми и стратегическими ресурсами, контроль над которыми был жизненной необходимостью для США. Удержание этих стран в орбите американского и — шире — западного влияния стало еще одной важной ставкой в разгоравшейся холодной войне.

Здесь США пришлось прибегнуть к использованию совершенно иного человеческого и социального материала, нежели в странах Западной Европы и Японии. «Монархи, главы полиции, генералы, шейхи, гангстеры, латифундисты — все они были лучше, чем коммунисты. Демократия, безусловно, была наилучшей политической системой. Там, где она прочно утвердилась, то есть в промышленно развитых странах, рынки были более развиты, а бизнес — лучше защищен. Но там, где демократия не имела под собой твердой почвы, то есть в слаборазвитых обществах, дела обстояли по-иному. Здесь, если выборы складывались не в пользу частной собственности, их можно было не принимать в расчет. Так “свободный мир” оказался сочетаем с диктатурой; свобода, которая отличала этот мир, была не свободой граждан, а свободой капитала — этого общего знаменателя регионов богатых и бедных, зависимых и колониальных, умеренного и жаркого климата. С ней было несовместимо не отсутствие парламентов или свободы собраний, но покушение на частную собственность на средства производства» [Anderson, p. 72].

1970-е годы стали водоразделом в истории американской империи. На недолгий срок правления администрации Ричарда Никсона (1969–1974) приходится ряд драматических изменений в международном положении США, связанных с переменами на всех трех фронтах холодной войны: в Западной Европе и Японии, в СССР и странах «советского блока» и в странах третьего мира.

Экономическое и социальное восстановление Западной Европы и Японии, ставшее возможным благодаря помощи США, привело к «славному тридцатилетию» их процветания (1947–1974). Используя доступ к американским рынкам и полученные из США новые технологии, эти страны — прежде всего ФРГ и Япония — смогли существенно нарастить свой экономический потенциал и постепенно стали обходить США в конкурентной борьбе на мировых рынках. Эффект «неравномерного развития» в рамках мировой капиталистической системы усугубился за счет издержек и трат, на которые администрации Л. Джонсона и Р. Никсона были вынуждены пойти ради снижения остроты социальных и расовых конфликтов внутри страны. Итогом стала галопирующая инфляция и дефицит платежного баланса. Как констатирует П. Андерсон, «преобладание американской мощи над американскими интересами, выход имперского государства за границы требований, предъявляемых национальным капиталом, впервые за долгое время оказались поставленными под вопрос» [Anderson, p. 92].

Реакция администрации Никсона была решительной и бескомпромиссной. Принципы свободного рынка, свободы торговли и солидарности стран «свободного мира»

были принесены в жертву американским национальным интересам. После того как экономическая статистика США впервые с 1894 г. зафиксировала дефицит торгового баланса, американская администрация объявила о прекращении обмена долларов на золото и подняла цены на импортную продукцию, а в конце 1971 г. пошла на девальвацию доллара. Эти чрезвычайные меры дали свои плоды. «В краткосрочной перспективе девальвация доллара восстановила конкурентоспособность американской экономики на внешних рынках, тогда как в долгосрочной перспективе отказ от привязки доллара к золотому стандарту дал американскому государству необычайную свободу маневра в его экономической политике. Вскрылась реальная структура либерального международного порядка, спроектированного в 1943–1945 гг. Однако этот впечатляющий успех национального эгоизма мог лишь на короткое время завуалировать необратимые изменения в позиции США в мировой экономике» [Anderson, p. 92–93].

На период правления администрации Р. Никсона приходится еще один поворот в американской внешней политике — восстановление отношений с Китайской Народной Республикой. После краха гоминдановского режима на территории континентального Китая, провозглашения КНР в октябре 1949 г. и участия «китайских народных добровольцев» в корейской войне 1950–1953 гг. отношения между новым коммунистическим государством в Азии и США были «заморожены». «Разморозка» стала возможной после перехода советско-китайских противоречий в фазу горячего противостояния на границе в конце 1960-х — начале 1970-х гг. и готовности США сократить свое военное присутствие в странах Юго-Восточной Азии и прекратить интервенцию во Вьетнаме и Камбодже. Благодаря этому две крупнейшие мировые державы смогли объединиться на почве борьбы против общего врага — СССР. «Базовый стратегический выигрыш от этого осуществленного Никсоном поворота был необычайно высок, и он имел долгосрочные последствия. С этого момента коммунистический мир не просто был окончательно разделен — с этого момента Китай и Россия были вынуждены конкурировать друг с другом в поисках благосклонности, исходящей от США» [Anderson, p. 92–93].

После ухода Никсона в отставку в результате Уотергейтского скандала американская внешняя политика приобрела более стандартные черты *Weltpolitik*¹. Пришедшая на смену республиканцам демократическая администрация Джимми Картера подняла знамя борьбы за права человека по всему миру, не в последнюю очередь — в СССР и восточноевропейских странах, входивших в советскую сферу влияния. Еще ранее поправка Джексона-Вэника лишила СССР шансов на получение режима наибольшего благоприятствования в торговле с США, связав выполнение советско-американского торгового соглашения 1972 г. с соблюдением советской стороной гражданских прав и свобод. «С этой поры холодную войну не следовало рассматривать как политико-властное соперничество. В ней следовало видеть морально-идеологическую борьбу за цивилизацию» [Anderson, p. 95].

Очередными важными событиями, повлиявшими на американскую внешнюю политику, стали исламская революция в Иране, свергнувшая режим одного из главных са-

1 Мировой политики (нем.).

теллитов США в Азии — шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, и революционный переворот в Афганистане, за которым последовало направление туда по просьбе новых властей советских войск в 1979 г. В итоге Иран был обескровлен в ходе начавшейся вскоре после падения шаха ирано-иракской войны, на фронтах которой погибли сотни тысяч молодых иранцев. Изначальный импульс исламской революции, способный дестабилизировать регион, в значительной степени оказался исчерпан, не затронув монархические режимы стран Персидского залива, которые к концу 1980-х годов США сумели превратить в свой мощный военно-стратегический бастион. За это же время Советский Союз прочно втянулся в войну в Афганистане, где само выживание просоветского кабульского режима в борьбе с «моджахедами», за спиной которых стояли США, Саудовская Аравия и Пакистан, целиком и полностью зависело от советской помощи.

Страницы книги П. Андерсона, посвященные советско-американскому противоборству в 1970–1980-е гг., представляют наибольший интерес. По оценке автора, советские вожди к середине 1970-х годов уверовали в то, что они достигли стратегического ядерного паритета с США, а тем самым — признания политического статуса их страны как второй мировой сверхдержавы. Поэтому в тех регионах Азии и Африки, где не существовало, как в Европе, негласного разграничения советской и американской сфер влияния, советские руководители считали себя вправе вести наступательную политику.

Однако это было их ошибкой. То, что Брежнев и другие члены советского руководства сочли стратегическим поворотным пунктом в советско-американских отношениях, для Никсона и Киссинджера было всего-навсего временным тактическим отступлением. «Ни одна американская администрация, — отмечает Андерсон, — не собиралась предоставлять Москве свободу действия в третьем мире, подобную той, которой располагал там Вашингтон; более того, все они располагали средствами, способными дать почувствовать своему противнику, как несладко ему придется, если он все-таки захочет потягаться с ними. Все советские приобретения 1970-х годов оказались замками, построенными на песке, хрупкими режимами, за которыми не стояло ни сплоченных партийных кадров, ни массовых национальных движений, и которые были обречены рухнуть сразу же после того, как лишались поддержки Москвы. Крайний диспаритет между двумя антагонистами никогда не был так велик, как на исходе холодной войны» [Anderson, p. 107].

Помимо увязания в войне в Афганистане и политической нестабильности в странах «советского блока» в Восточной Европе, к кризисным тенденциям в позднем СССР прибавилось еще и нарастающее отставание от США и стран капиталистического треугольника в области социально-экономического развития. Темпы экономического роста стали сокращаться в СССР еще в 1950-е годы, а в конце 1970-х — начале 1980-х годов их падение достигло максимума. ВВП и доход на душу населения составляли в Советском Союзе той поры примерно половину от американских, производительность труда была еще ниже — около 40% показателя США. При этом если в более богатой Америке военные расходы (начиная с 1960-х годов) составляли примерно 6–7% ВВП, в СССР они съедали значительно больше — около 15–16% ВВП. Гонка вооружений чем дальше, тем больше разоряла Советский Союз.

Именно желание облегчить ставшее непосильным для советской системы бремя гонки вооружений заставило М. Горбачева пойти на серьезные уступки американской стороне на встрече на высшем уровне в Рейкьявике, которая стала одним из заключительных аккордов холодной войны. «Советскому Союзу, — констатирует П. Андерсон, — понадобилось тридцать лет, чтобы достичь ракетно-ядерного паритета с США. Однако само значение этой цели оказалось сильно переоцененным, а за ее достижение пришлось заплатить неимоверно дорогую цену» [Anderson, p. 110].

По сути дела, П. Андерсон приходит к заключению, что именно достижение ракетно-ядерного паритета с США в 1970-е годы послужило одной из главных причин краха Советского Союза в 1980-е годы, разорив советскую экономику и лишив общество колоссальных ресурсов, которые могли быть использованы в гражданских целях.

Разрушение прежней экономической системы сопровождалось выводом советских войск из Афганистана и уходом Советского Союза из стран Центральной и Восточной Европы, где в течение 1989–1991 гг. на смену просоветским режимам пришли демократически избранные парламенты и правительства. Наконец, в декабре 1991 г. сам Советский Союз исчез с политической карты мира, что позволило Дж. Бушу-ст. в ходе предвыборной кампании 1992 г. провозгласить: «Мы одержали победу в холодной войне». Эта констатация с той поры стала общим местом, прочно закрепив за США роль единственной сверхдержавы в современном мире.

От «крестового похода» — к дипломатии доллара

Задача, которую США поставили перед собой в начале 1950-х годов, была успешно решена. Однако внешнеполитическая стратегия американского государства всегда была рассчитана на достижение большего. Теперь снова появилась возможность вернуться к повестке 1943 г., которую пришлось отложить в долгий ящик в ходе затянувшейся холодной войны. Речь шла о «создании либерального международного порядка с Америкой во главе. Коммунизм был мертв, однако капитализм пока еще не смог обрести соответствующую форму, форму универсальной системы, охватывающей всю планету и находящейся под контролем одной державы-гегемона. Свободный рынок еще не распространился по всему миру. Демократия не была повсеместно обеспечена. В иерархии государств отдельные нации не всегда знали отведенное им место» [Anderson, p. 113]. Решение этих проблем стало одной из основных задач первой и второй администрации Б. Клинтона, чью международную политику П. Андерсон квалифицирует как «воинствующий либерализм» [Anderson, p. 113].

Главным приоритетом первой администрации Б. Клинтона стало превращение либерального порядка свободной торговли во всеобъемлющую глобальную систему под эгидой США. Клинтону удалось, преодолев сопротивление своей партии, добиться ратификации конгрессом Североамериканского соглашения о свободе торговли (НАФТА) между США, Канадой и Мексикой, которое рассматривалось его создателями как определенный противовес Европейскому союзу. В 1995 г. при активном участии США была создана Всемирная торговая организация (ВТО), которая

пришла на смену существовавшему с 1947 г. Генеральному соглашению о тарифах и торговле (ГАТТ).

По мнению П. Андерсона, распространение неолиберальных правил торговли и инвестиций по всему миру и интеграцию республик бывшего Советского Союза в эту систему можно считать выполнением тех задач, которые были сформулированы на долгосрочную перспективу в Вашингтоне в последние годы президентства Ф.Д. Рузвельта. Однако с той поры амбиции американских элит возросли. «Для администрации Клинтона исчезновение советской угрозы вовсе не стало основанием для ухода с передовых позиций США в Европе. Совсем наоборот: слабость России сделала возможным их усиление. НАТО теперь, когда холодная война была завершена, вместо того, чтобы самораспуститься, могло расшириться до самых границ России» [Anderson, p. 119].

Как подчеркивает П. Андерсон, политика расширения НАТО на восток была продиктована не только стремлением Запада не дать возродиться старым геостратегическим амбициям России и принять под свое покровительство новые демократические режимы в странах Восточной и Центральной Европы. «Расширение НАТО на восток, — пишет Андерсон, — представляло собой утверждение американской гегемонии над Европой в тот период, когда конец Советского Союза мог подтолкнуть традиционных партнеров США в этом регионе к тому, чтобы начать действовать более независимо» [Anderson, p. 119]. Поэтому НАТО должно было прийти в страны Центральной и Восточной Европы еще до того, как туда пришел ЕС. Слабые протесты России, равно как и предостережения ветеранов холодной войны (в числе которых были такие патриархи американской внешней политики, как Пол Нитце и Джордж Ф. Кеннан, предупреждавшие, что расширение НАТО выглядит как провокация по отношению к Москве, которая ослабит ее не так давно установившиеся дружеские отношения с Западом и будет подпитывать реваншистские настроения), можно было не принимать в расчет. В результате произошло не только расширение НАТО на восток, но и распространение зоны ответственности Североатлантического альянса на новые регионы — Балканы, Центральную Азию и Северную Африку.

Несмотря на то, что первоначально администрация Дж. Буша-младшего, по оценке П. Андерсона, намеревалась сократить американское присутствие в мировой политике, на практике все пошло по наезженной колее, чему в немалой степени способствовали атаки террористов-исламистов на США в сентябре 2001 г. Теперь главными объектами внешнеполитических действий США стали страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока: вторжение в Афганистан и Ирак, где были свергнуты правившие там режимы, санкционное давление на Иран с целью не дать ему обзавестись своим ядерным оружием, свержение режима Муаммара Каддафи в Ливии и попытки свергнуть режим Башара Асада в Сирии. Эти же страны находились и в центре внимания демократической администрации Б. Обамы, пришедшей на смену республиканцам.

В целом П. Андерсон оценивает последние достижения американской внешней политики в регионе Ближнего и Среднего Востока достаточно высоко, — естественно, если смотреть на положение дел в странах региона с точки зрения американских элит,

а не народов этих стран. Имперские позиции США на Ближнем Востоке, завоеванные в последние 15 лет, не подверглись серьезным изменениям. Ситуацию в Египте после ухода американского союзника, президента Х. Мубарака, при помощи египетских военных удалось удержать под контролем. Власть другого диктатора — Б. Асада, в котором, напротив, американский истеблишмент видел противника своей страны и государства Израиль, а также главного геополитического союзника Ирана, значительно ослабла; само существование Сирии как целостного государства оказалось под вопросом. То же касается и Ирака, где умелая игра американских стратегов и дипломатов на застарелых противоречиях между шиитским большинством и суннитским меньшинством, при одновременной опоре на курдское меньшинство, сделала невозможным развертывание масштабного сопротивления американским оккупационным силам. Как констатирует П. Андерсон, с уменьшением значения таких трех многонаселенных центров исторической арабской цивилизации, как Египет, Ирак и Сирия, «баланс власти в регионе сместился в сторону нефтяных монархий Аравийского полуострова, которые являются давними и надежными союзниками США на Ближнем Востоке» [Anderson, p. 142].

После окончания холодной войны и расшивки оставшихся от нее «узких мест» американские администрации наконец-то смогли приступить к выполнению большой геостратегической программы, направленной на построение *Pax Americana*. Усилия второй администрации Б. Обамы были направлены на заключение Трансатлантического соглашения о свободной торговле с Европейским союзом (П. Андерсон метко называет этот проект «экономическим НАТО») и Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), из которого оказался исключен главный внешнеторговый партнер США — Китай¹. Характеризуя смысл создания «экономического НАТО», Андерсон пишет, что, поскольку таможенные тарифы между США и ЕС и без того минимальны по большинству товарных позиций, это соглашение могло бы носить в основном символический характер, означая утверждение на новой основе «единства Запада».

Что касается ТТП, это соглашение предполагало создание зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, охватывающей 12 стран. В их число должны были войти США, Канада, Мексика, Перу, Чили, Малайзия, Бруней, Сингапур, Вьетнам, Япония, Австралия и Новая Зеландия. Соглашение было подписано 5 октября 2015 г. На подписавшие его страны приходится около 40% мирового ВВП и около трети оборота мировой торговли. При этом две крупнейшие тихоокеанские державы — КНР и РФ — не были приглашены к участию в нем.

По мнению П. Андерсона, одна из целей ТТП заключается в стремлении американской администрации сделать более открытой японскую экономику, защищенную массой неформальных барьеров от конкуренции. «Успешная интеграция Японии в ТТП, — отмечает Андерсон, — означала бы большую победу США, которая положила бы конец

---

1 После своего вступления в должность президента США Дональд Трамп 23 января 2017 г. подписал меморандум о прекращении участия страны в ТТП, тем самым похоронив этот проект в его нынешней форме и сделав ставку на заключение двухсторонних договоров о свободной торговле.

аномалии, обусловленной той степенью торговой замкнутости Японии, которая, сложившись в годы холодной войны, никуда не исчезла и впоследствии. В свою очередь, это позволило бы еще прочнее привязать эту страну к американской системе власти» [Anderson, p. 146]. Однако главная цель — сдерживание растущей экономической мощи Китая и великодержавных претензий его руководства на доминирующую роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «При том, что в силу тесной взаимосвязи экономик двух стран прямая декларация подобных намерений означала бы нарушение дипломатического протокола, цель подобной политики совершенно ясна: окружить КНР цепью союзников США и военных баз и, в частности, сохранить американское военно-морское господство в Тихом океане, включая Восточно-Китайское море» [Anderson, p. 147].

Рассматривая итоги правления администрации Б. Обамы, Б. Андерсон отмечает, что они полностью укладываются в тенденцию последних десятилетий, которая вела в ходе холодной войны к тому, что «президент США неуклонно сосредоточивал в своих руках все больше необъяснимой власти» [Anderson, p. 148]. От Трумэна до Рейгана аппарат Белого дома вырос в 10 раз. Совет национальной безопасности сегодня в 4 раза больше, чем он был не так давно еще при Буше-старшем. Бюджет ЦРУ, чье штатное расписание строго засекречено и является государственной тайной, с 4 млрд долл. в 1963 г., при президенте Кеннеди, увеличился (в сопоставимых ценах) до 44 млрд долл. в 2005 г., по сути дела превратив эту организацию «в частную армию на службе у президента США» [Anderson, p. 148]. Усиление системы президентской власти достигалось также за счет широкого использования практики издания указов (executive acts), отдающих директивы органам исполнительной власти, а также заявлений президента США при подписании законодательных актов (signing statements), которые используются в качестве основания для отказа президента исполнять те или иные законодательные акты, по какой-то причине не устраивающие Белый дом. Общий итог, согласно П. Андерсону, неутешителен: «Унаследовав эту систему произвольной власти и насилия, Обама, как и большинство его предшественников, расширил ее» [Anderson, p. 148].

Будущее российско-американских отношений

Что касается оценки российской внешней политики за последние 15 лет, ее успехи П. Андерсон считает достаточно скромными. Относительное экономическое возрождение России, наблюдавшееся до 2013 г., не трансформировалось, по его оценке, «в большую способность для проведения эффективной политической инициативы за пределами бывшей территории СССР, или же в значимом возвращении в ту зону, где она прежде конкурировала с США за влияние» [Anderson, p. 143]. Россия не отвергла резолюцию ООН о введении свободной от полетов зоны над Ливией, принятие которой послужило спусковым крючком для западного вмешательства в гражданскую войну в этой стране, что привело к свержению и убийству ее правителя Муаммара Каддафи. Эти события послужили поводом для отказа Москвы поддержать аналогичную резолюцию ООН по Сирии, что, однако, не привело к решительной поддержке Москвой сирийского режима. (Эти строки написаны П. Андерсоном до осени 2015 г., когда ВКС России стали принимать активное участие в гражданской войне в Сирии на стороне

правительственных сил, оставшихся верными Б. Асаду). Сопrotивление Вашингтону на Украине и в Сирии, по мнению Андерсона, было непоследовательным и довольно причудливо сочеталось с сотрудничеством с Вашингтоном и НАТО по Афганистану. «Столь расплывчатая (aqueous) внешняя политика дает Вашингтону мало оснований для того, чтобы уделять Москве много внимания» [Anderson, p. 144].

Сегодня такие жесткие оценки российской внешней политики вряд ли покажутся читателям справедливыми. В последние полтора года у американской администрации появилось намного больше поводов для того, чтобы уделять Москве больше внимания. Важнейший среди них — это участие российских ВКС в гражданской войне в Сирии, что позволило, по крайней мере на данный момент, резко переломить военно-политическую ситуацию в этой стране. В современном мире события развиваются настолько стремительно, что многие суждения и оценки, сделанные, казалось бы, не так давно, быстро утрачивают свою силу и убедительность. Именно это демонстрирует П. Андерсон, когда в постскриптуме, написанном в ноябре 2014 г., пишет об украинском кризисе и его роли в российско-американских отношениях.

Изложив вкратце известную канву событий, автор дает весьма примечательный анализ причин и последствий. По его мнению, украинский кризис стал следствием слабости нынешнего украинского государства — преемника одной из республик бывшего СССР. Это привело к вакууму власти классического типа. «В то время как Запад пытался затащить эту страну в предбанник ЕС, Россия пыталась остановить дальнейшее расширение НАТО на своих южных границах» [Anderson, p. 258]. В этой борьбе за Украину на стороне США и ЕС были такие козыри, как «сговорчивые олигархи, благосклонно настроенный электорат и *in extrimis* — западная способность нанести своему противнику шах и мат экономическими средствами. Ведь в то время как Украина зависит от поставок энергоресурсов из России, инвестиционные программы и финансовая стабильность самой России зависят от глобальной финансовой системы, контролируемой США» [Anderson, p. 259]. Как специально подчеркивает П. Андерсон, эти два вида зависимости не являются симметричными. «Способность США и ЕС нанести ущерб России превышает способность России, если исключить прямое военное вторжение, нанести ущерб Украине. Несмотря на то, что Европа в известной степени также пострадала от санкций, введенных ей против России, тогда как США — нет, американская решимость наказать Путина еще раз доказала, насколько ограниченной является автономия любой европейской столицы, когда затронутым оказывается американское превосходство» [Anderson, p. 259].

Как подчеркивает П. Андерсон, кризис на Украине стал логическим итогом решения администрации Б. Клинтона игнорировать обещания, данные прежней администрацией, что НАТО не будет расширяться на восток, и запустить процесс приема в НАТО бывших стран-членов Варшавского договора и бывших советских республик. Перспектива установления закамуфлированного западного протектората над Киевом, несет с собой явную угрозу российскому режиму. Президент В. Путин прекрасно знает цену оспаривания американской воли, и на протяжении десятилетия он воздерживался от этого. Однако по мере того, как он получал от Запада одно унижение за другим вместо благо-

дарности за готовность к компромиссам, у него иссякало терпение. Как правило, в подобного рода ситуациях рациональная калькуляция рисков оказывается выброшенной за борт.

С точки зрения П. Андерсона, демонстрационный эффект санкций, наложенных на Иран, служит предостережением Москве, обозначая те границы, которые она не может позволить себе перейти. В борьбе великих держав за Черноморский регион протестам США по поводу Крыма, долгое время бывшего частью России, суждено оставаться гласом вопиющего в пустыне. Напротив, Украина является намного бóльшим призом. В этой ситуации, заключает П. Андерсон, «гегемон может пожертвовать пешкой, чтобы отыграть ладью» [Anderson, p.260]. Иными словами, если борьбу за Крым можно считать завершённой, то борьба за Украину только начинается.

Сбудутся ли эти прогнозы известного историка и социального аналитика, мы, скорее всего, увидим уже скоро. В любом случае нарисованная П. Андерсоном масштабная картина главных тенденций и движущих сил американской внешней политики последнего столетия может служить полезным подспорьем для анализа актуальных изменений в расстановке сил на мировой арене.

Литература:

- Арон Р.* Имперская республика США в мире, 1945–1972. М., 1973.
- Вуд Гордон С.* Идея Америки. Размышления о рождении США. М., 2016.
- Емельянов Ю.В.* Хрущев. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2005.
- Печатнов В.О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994.
- Anderson P.* American Foreign Policy and Its Thinkers. London, 2015.
- Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945–1950 / Ed. by T. Etzold and J. Gaddis. New York, 1978.
- Kennan G. F.* Memoirs: 1925–1950. Boston, 1967. Ch. 16. Japan and MacArthur.
- Lippmann W.* U. S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston, 1943.
- Loewenstein K.* The Governance of Rome. The Hague, 1973.
- Spykman N.* American Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York, 1942.

УДК 321,7; 323; 324

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Меняющаяся Америка: размышления над «Империей свободы» Н. Злобина¹

Аннотация. Последние 25 лет для США — период быстрых изменений, которые носят, возможно, фундаментальный и до известной степени необратимый характер. Несмотря на то, что многие представления об американской демократии, содержащиеся в рецензируемой книге, являются не более чем стереотипами, нельзя не согласиться с общим выводом, который образно сформулировал Н. Злобин: «Америка как бы постепенно изменяет сама себе». Это многое объясняет в тенденциях современного развития американского общества, в том числе отчетливо проявившихся в ходе президентской кампании 2016 г., в той поразительной ценностно-политической революции, которую олицетворяет 45-й президент США Дональд Трамп.

Ключевые слова: США, Россия, демократия, ценности, цивилизация, либерально-демократический империализм, американская исключительность, оборот огнестрельного оружия.

Имя и образ автора объемистой монографии «Империя свободы: ценности и фобии американского общества» [Злобин] — известного эксперта-американиста, публициста, президента Центра глобальных интересов (Center on Global Interests) в Вашингтоне — ныне знакомы, пожалуй, миллионам отечественных ТВ- и радиопотребителей.

Десятилетия пребывания в США выработали у Н. Злобина сугубо американский — энергично-агрессивный, напористый (хотя, надо признать, в его случае в общем благодушный) стиль ведения дебатов, который он использовал и в книге. Этот стиль является до известной степени и инструментально-методологической основой его научно-аналитических изысканий. Наблюдения за телевизионными выступлениями американских политиков познакомили автора с их излюбленным приемом: сделать какое-то громкое заявление, поразить воображение слушателя, а потом изящно уйти в сторону, предоставив армии возбужденных аналитиков заниматься проверкой фактов. Не будет преувеличением сказать, что немалая часть утверждений, приведенных на страницах книги, отвечает именно такой характеристике.

Сведения об авторе: Васильев Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН); доктор экономических наук; vsvasiliev@mail.ru.

¹ Рецензия на книгу: Злобин Н.В. Империя свободы: ценности и фобии американского общества. М. 2016. 480 с.

На мой взгляд, наиболее рельефно этот синдром проявился в трактовке Н. Злобиным чувства исторической вины американцев за позорные страницы исторического прошлого их великой страны, особенно за систему рабовладения. «В обществе, — отмечает автор, — постоянно идут дискуссии и споры о возможных компенсациях и восстановлении исторической справедливости» [Злобин, с. 147]. И далее ссылается на резолюцию Сената от 18 июня 2009 г., осудившую «многочисленные законы о расовой сегрегации, которые существовали в США с начала 1890-х до середины 1960-х годов. От имени народа Америки Сенат официально извинился перед гражданами страны — афроамериканцами — за нарушение законов и попрание прав как их самих, так и их предков» [там же].

Все было бы так, если бы эта резолюция не называлась «совпадающей». А смысл совпадающей резолюции состоит в том, что ее одновременно должны принять и Сенат, и Палата представителей. В том случае, если одна из палат Конгресса США не поддерживает соответствующей резолюции, она не считается получившей одобрения американских законодателей, и принятие ее Сенатом оказывается лишенным действительного правового статуса. Именно это и случилось с означенной резолюцией, которая после принятия Сенатом была отправлена в Правовой комитет Палаты представителей, где и была благополучно «похоронена» [CONGRESS...]. Таким образом, никакого ожидаемого покаяния за «грехи прошлого» не произошло.

История с горе-резолюцией примечательна тем, что она была, по всей видимости, инициирована «сверху» — первым темнокожим президентом США Б. Обамой, который таким образом решил спустя 150 лет «привить» американскому обществу чувство вины за преступления далекого прошлого, в том числе и за человеческие жертвы, понесенные страной в ходе Гражданской войны 1861–1865 гг. Не получилось. Может быть, Америка просто не имеет привычки покаяния и признания исторических ошибок на государственном уровне — как перед собственным народом, так и перед народами других стран.

Нет ничего удивительного в том, что, принеся клятву на верность США при принятии американского гражданства¹, Н. Злобин написал работу, пропагандирующую базисные политико-цивилизационные устои американского общества — ценности и идеалы американской демократии. С первых страниц книги автор не скрывает этой программной цели своего нового научно-публицистического труда, с простодушно-обезоружи-

---

1 Официальный текст присяги гласит: «Настоящим я клятвенно заверяю, что я абсолютно и полностью отрекаюсь от верности и преданности любому иностранному монарху, властителю, государству или суверенной власти, подданным или гражданином которого я являлся до этого дня; что я буду поддерживать и защищать Конституцию и законы Соединенных Штатов Америки от всех врагов, внешних и внутренних; что я буду верой и правдой служить Соединенным Штатам; что я возьму в руки оружие и буду сражаться на стороне Соединенных Штатов, когда я буду обязан сделать это по закону; что я буду нести нестроевую службу в вооруженных силах США, когда я буду обязан делать это по закону; что я буду выполнять гражданскую работу, когда я буду обязан делать это по закону; и что я произношу эту присягу открыто, без задних мыслей или намерения уклониться от ее исполнения. Да поможет мне Бог» [Title...]

вающей прямолинейностью констатируя, что ему «нравится в Америке очень многое — начиная с американской демократии и свободы ...» [Злобин, с. 27].

Позволю себе до известной степени парадоксальное наблюдение: практически все работы, в различной форме описывающие достоинства американской демократии, являются обновленным — расширенным и дополненным — контент-пересказом бессмертного произведения французского публициста А. де Токвиля «Демократия в Америке», увидевшего свет в середине 1830-х годов. При этом дополнения касаются прилагательных. Для Злобина, скажем, американская демократия сочетается прежде всего с понятием «эффективность». Лейтмотивом в книге проходит мысль о том, что «созданная в Америке либеральная демократия является эффективным механизмом рождения и разрешения «контрастов»» [Злобин, с. 76]; «внутри страны США устроены весьма и весьма демократично и эффективно» [Злобин, с. 77]; наконец, это «лучшая демократия в мире» (с. 101).

Получив базовое высшее образование в СССР (Н. Злобин — выпускник исторического факультета МГУ), автор книги не мог не резюмировать свое очарование американской демократией через емкое, хорошо знакомое представителям социальных наук понятие «суть»: «Суть американской демократии в том, что большинство всегда состоит из комбинации меньшинств, которая постоянно меняется. Все эти меньшинства нуждаются в защите и равенстве» [Злобин, с. 135].

Однако в данном случае, так же как и в классическом случае Токвиля, все блуждания в лабиринте достоинств американской демократии заканчиваются на конечной остановке, именуемой *американской исключительностью*. Американцам, подчеркивает и автор, присуще чувство «исключительности своей страны — Соединенных Штатов. Эта исключительность является еще одной важнейшей составной частью американской системы ценностей и одной из фундаментальных, краеугольных основ всей политической и бытовой культуры США. Это то, что делает американцев американцами...» [Злобин, с. 229].

При этом многие представления об американской демократии, которые читатель найдет в книге, являются, как я постараюсь показать ниже, не более чем стереотипами.

Как раз осенью 2016 г., когда в Москве увидел свет рецензируемый труд Н. Злобина, американская интеллигенция после поражения демократов на президентских выборах 8 ноября с ужасом обсуждала исследование двух американских политологов — Р. Фоа и Я. Моунка — о разрушении в массовом сознании американцев, особенно родившихся в 1980-е и последующие годы, убежденности в базовой ценности института американской демократии.

Представления о демократии не являются универсальной константой для всех поколений населения страны. «Эффективность» демократических институтов в восприятии коренных американцев, родившихся и выросших в США, начинает коренным образом отличаться от взглядов российских иммигрантов эпохи глобализации и «великого пе-

реселения народов». Так, если в первой трети XX в. 72% американцев считали «экзистенциально важным» жить в демократической политической системе, рассматривая ее почти как «сакральную ценность» (что соответствует трактовке ценности демократии в книге Н. Злобина), то в настоящее время такой точки зрения придерживается не более 30% американцев [Foa, 2016, pp. 7–8]. Как подчеркивают Р. Фоа и Я. Моунк, «американские граждане не просто разочарованы в эффективности функционирования государственной машины на различных ее уровнях; они начинают относиться все более критически к институту либеральной демократии как таковой» [Foa, 2017, p. 5]. В результате в настоящее время, согласно опросам, примерно четверть американцев считают институт американской демократии «плохой» или «очень плохой» формой политического устройства страны. Более всего политологов пугает то, что если в середине 1990-х годов лишь немногим более 6% американских граждан положительно относились к идее военно-авторитарного правления в США, то в настоящее время эту точку зрения разделяют уже около 17% опрошенных — почти в три раза больше! [Foa, 2017, p. 5] Однако в перечне и анализе фобий американского общества, представленных Н. Злобиным, читатель не обнаружит даже намека на столь выразительный, фундаментальный ценностный сдвиг.

В самом начале книги автор излагает свои разговоры с американскими политологами и социоаналитиками, в годы холодной войны обслуживавшими внешнеполитический аппарат США. Борьба с главным геостратегическим противником Соединенных Штатов второй половины XX в. выработала у этой категории экспертного сообщества сверхдержавы устойчивое неприятие России, по существу — плохо скрываемую русофобию. Во время одной из таких встреч автор книги задал собеседникам прямой вопрос о глубинных истоках этого неприятия: «Каждый раз, когда мы говорим о России, вы все так много и, в общем-то, достоверно жалуетсяе на нее, что у меня давно уже зародилось подозрение, что вы ее, Россию, мягко говоря, недолюбливаете, а то и просто ненавидите. Так ли это?» [Злобин, с. 15].

Ответ, который получил Злобин, заслуживает внимания. Многие из специалистов по СССР и России решили заняться нашей страной не из желания борьбы с идеологическим противником, а «под влиянием русской литературы и разговоров о «загадочной русской душе»», начитавшись Чехова, Достоевского, Пушкина, Булгакова, Толстого, Пастернака. Отношение этих людей носило романтический характер — Россия им казалась, «говоря словами Черчилля, «секретом, который завернут в тайну, которая в свою очередь завернута в загадку»» [Злобин, с. 15–16]. Но в конце концов американские аналитики пришли к выводу, что «это замечательная страна с интересными людьми, но никакой загадочности в ней нет». По большому счету, жестко резюмировали собеседники Злобина, «Россия нас — невольню, конечно, — обманула, по крайней мере разочаровала» [Злобин, с. 16].

Как ни парадоксально, что-то подобное можно сказать о книге Н. Злобина. И связано это, думается, не только с заметным стремлением автора сделать из своей второй родины глянцево-гламурную витрину американского образа жизни, но и с тем, что его пребывание в США на протяжении последних 25 лет пришлось на период неожидан-

но быстрых изменений, которые носят, возможно, фундаментальный и до известной степени необратимый характер. Америка в начале 1990-х годов также вступила в переходный период своей исторической эволюции. В несколько замысловатой форме автор монографии так охарактеризовал «дурную бесконечность» такого рода периодов: «По большому счету, основа стабильности в Америке (причем как политической, так и нравственной, моральной и т.п.) — это постоянный отказ от вчерашней стабильности и поиски нового баланса, который обеспечивает эту стабильность на сегодняшний день» [Злобин, с. 75]. Злобин не может не признавать, что «все это размывает традиционное общество, но подавляющее большинство американцев считает, что развитие идет в правильном направлении» [Злобин, с. 72].

«Традиционное общество» — это исконная Америка, какой мы ее знаем: с ее революционным прошлым, пионерским духом покорения новых рубежей, американским энергически-волевым характером. Это то, что должно быть преодолено и оставлено в прошлом? Или должно быть творчески восстановлено и сцементировано вновь?

Однако главное, что противоречит реальным фактам, состоит в безоговорочном утверждении автора, будто большинство американцев придерживается той точки зрения, что США идут в правильном направлении. Так или в основном так большинство американцев думало только до рубежа XX–XXI вв. После вторжения в Ирак количество респондентов, считающих, что страна, напротив, идет в неверном направлении, стало устойчиво превышать число убежденных в обратном.

Уже в 2005 г., в ходе регулярных опросов службы «Гэллап», около или более 60% опрошенных неизменно отвечало, что американское общество развивается в ошибочном направлении [Direction...]. Потрясения в экономике осенью 2008 г. обернулись тем, что количество американцев, полагающих, что Америка сошла с траектории поступательного исторического развития, приблизилось к 90% [Там же]. После экономического кризиса 2007–2009 гг. и вплоть до начала 2017 г. доля считающих, что их великая страна идет в неверном направлении, варьировалась в диапазоне 60–88%, чаще всего — 68–77% [Там же]. «Дурная бесконечность» переходных периодов в конечном итоге породила ощущение, что страна потеряла привычную систему координат в пространстве и времени.

На всем протяжении своих аналитических раздумий Н. Злобин смешивает «константы» и «переменные» — базовые ценности, фундаментальные основы американского общества и временные, привходящие факторы общественного развития, либо уходит от анализа того, как они взаимодействуют. Во многих случаях это создает изрядную путаницу.

Вот пример. Воздав хвалу американской Конституции и Биллю о правах как основополагающей и незыблемой ценности американского общества, Злобин тут же утверждает: «после трагедии 11 сентября 2001 г. Америка доказала миру, что под любым благовидным предлогом даже самое демократическое правительство будет пытаться лимитировать любые «неотъемлемые» права человека и гражданина... Тогда по-

трясенная терактами страна дала государственным структурам добро на принятие так называемого Патриотического акта. По мнению многих американских и иностранных наблюдателей, этот Акт является самым серьезным за всю историю США отходом от прав человека, записанных в Конституции страны, то есть самым серьезным, фундаментальным нарушением Конституции» [Злобин, с. 51].

Стоит пояснить, что Патриотический акт фактически является законом «о всеобщем и полном доносительстве», в развитие которого в 2002 г. в США было создано мощное Министерство внутренней безопасности. Можно сказать без обиняков: в США в начале XXI в., по сути, была отменена Конституция XVIII в., которую заменили инквизиционным Патриотическим актом. В результате, как вынужден признать сам Злобин, «факт остается фактом: США сегодня являются гораздо менее толерантной и более агрессивной страной, чем всего лишь поколение назад» [Злобин, с. 100–101]. Такая вот искусственная, безжалостная метаморфоза высших экстраценностей американского общества...

Не проводя различия между константами и переменными, Н. Злобин, вольно или невольно рисует образ великой, материально и технически мощной, гиперэффективной страны, которой в принципе не очень-то хочется и подражать. Если спросить россиян об их восприятии цивилизационных достижений Америки, того, что делает Америку Америкой, то они в большинстве своем, скорее всего, ответят: научно-технический прогресс и организаторские способности ее бизнес-сообщества. Америка — это страна могучих, потрясающе «трудоголических» элит: ученых, инженеров, талантливых работников, предпринимателей, создавших впервые в мире ядерное оружие, запустивших человека на Луну, славных другими научно-техническими достижениями. Средний россиянин может сказать: вот именно такой категории людей нам пока и не хватает в сегодняшней России...

Однако в рецензируемой книге в разряд главной религии Америки возведен его величество Закон, и поэтому родина гениальных ученых и выдающихся инженеров трансформирована в «страну юристов, адвокатов, лоббистов, юридических советников». Автор прямо пишет, что «Америка — не просто страна, где юристам хорошо живется, это страна, реальными владельцами и менеджерами которой являются именно юристы, пусть и через банкиров, чиновников и предпринимателей. Ведь все они — в руках у собственных правовых советников и помощников. Включая президентов США, подавляющее большинство из которых, естественно, тоже юристы» [Злобин, с. 83–84].

В целом, подводя итог этой стороне авторского «открытия Америки», нельзя не согласиться с общим выводом, который образно сформулировал Н. Злобин: «Америка как бы постепенно изменяет сама себе» [Злобин, с. 248]. Это многое объясняет в тенденциях современного развития американского общества, в том числе отчетливо проявившихся в ходе президентской кампании 2016 г., в той поразительной ценностно-политической революции, которую олицетворяет 45-й президент США Дональд Трамп.

Книга Н. Злобина содержит ряд принципиальных авторских признаний. Одно из них сводится к тому, что США действительно являются современной империей, ко-

торая, будучи мощным мегаимперским образованием, заметно отличается от классических евразийских прототипов, постепенно сошедших с исторической арены на протяжении XX в. Отечественный историк В.В. Согрин точно определил США как «либерально-демократическую империю» [Согрин]. Теории империализма, получившие широкое распространение в первой половине XX в., имели в своей основе образ военно-бюрократических евразийских империй, более или менее открыто стремившихся прежде всего устроить, подавить, цивилизационно ассимилировать, растворить конкурентов и соседей. Американская либерально-демократическая империя, в силу своего географического положения на краю земной «ойкумены», наоборот, выдвигала на первый план свои добродетели и привлекательные черты, которые для внешнего наблюдателя не имели имперского ореола. В основе такой стратегии и тактики американского империализма лежат особенности общественного устройства, которые, как тонко подметил Н. Злобин, представляют собой здесь «замысловатое хитросплетение политического институционального традиционализма и разудалой политической прогрессивности, даже, если хотите, авангардности и постмодернизма» [Злобин, с. 280].

Стратегия и тактика американского империализма на протяжении последних 20–25 лет строились скорее на подкупе и обольщении, нежели на устрашении. Хотя компонент внешнесилового давления в отдельные периоды ощущался в полной мере, в чем Россия могла убедиться на своем опыте на протяжении 2014–2016 гг. Поверхностная оболочка демократических ценностей, системного инструментария защиты человеческих прав при проникновении вглубь уникального социофеномена Америки не может скрыть ее имперской сути. Последняя, читаем в книге Злобина, и объясняет «чудовищные ошибки во внешней политике» Вашингтона, вызванные самодовольно-искренним непониманием того, что жизнь в других странах устроена, спрограммирована не так, не на тех основах и балансах, как в самих США [Злобин, с. 75]. Но эти ошибки являются классикой любого имперского образования, именно они привели в свое время к заслуженному геополитическому краху и наполеоновскую Францию в начале XIX в., и фашистскую Германию в 1930-е — 1940-е годы.

Проведя плодотворные десятилетия в Америке, Злобин не мог не прийти к выводу о диаметральной противоположности систем ценностей, лежащих в основе американского и российского типов цивилизационного устройства. Это заключение гораздо более важно, чем может показаться на первый взгляд. Концепции американско-российского общественного сближения, получившие в свое время официальное закрепление в Кэмп-Дэвидской декларации о новых отношениях от 1 февраля 1992 г. и в Хартии российско-американского партнерства и дружбы от 17 июня 1992 г., которые строились на представлениях о постепенной конвергенции социально-экономических и политических систем США и России, пошли прахом именно по причине фундаментальных различий в базовых системах ценностей двух наших стран.

Злобин неоднократно подчеркивает, что «конкуренция в США ... — основа всей жизни» [Злобин, с. 124]. Иными словами, и политику, и экономику, и систему социальных отношений здесь тотально пронизывает жесточайший социал-дарвинизм, за-

мешенный на крайнем индивидуализме, культе личного успеха. Ценностной матрицей общественной жизни в России являются коллективистские начала, самоотверженно-подвижническая «соборность». Модель поведения по принципу «зоологического индивидуализма», несмотря на десятилетия «либеральных» реформ, объективно оказалась для России сверхдорогостоящей дорогой в никуда.

Помимо этого, подчеркивает автор, демократическое устройство Америки основывается на «традиционной нелюбви к государству и власти» [Злобин, с. 58]. В том (несчастном) случае, если современное, исторически юное гражданское общество в России будет формироваться на этом эгоцентристском принципе, итогом восприятия системы американских ценностей может стать распад огромной страны, создание питательных условий для масштабной гражданской войны, как случилось и, увы, продолжается в нынешней Украине.

Наконец, о знаменитой Второй поправке к Конституции США, узаконившей свободное хождение, обращение огнестрельного оружия в стране. Да, это еще одна фундаментальная традиционная ценность американского образа жизни. В настоящее время в США на 100 человек населения, включая стариков, младенцев и инвалидов, приходится около 113 единиц огнестрельного оружия [Ingraham]. В период с 2007 по 2013 г. американские производители огнестрельного оружия увеличили объемы продукции более чем в два раза — примерно с 5 млн до 11 млн единиц. В результате, как мимоходом отмечает Злобин, в американской средней школе нередко ссоры подростков «приводят к школьной стрельбе и человеческим жертвам» [Злобин, с. 175]. Официальная статистика даже публикует данные об учениках старших классов, регулярно приходящих на занятия с огнестрельным оружием. В частности, в 2015 г. каждый шестой школьник приходил в школу «с кольтом» [DATABANK, p. 3].

Подводя итог, можно констатировать, что США действительно имеют сугубо американскую систему ценностей и фобий, проблемы с которой начинаются с того момента, когда ее тем или иным способом начинают слепо копировать и воспроизводить в других странах.

Литература:

- Злобин Н.В. Империя свободы: ценности и фобии американского общества. М. 2016. 480 с.
- Согрин В.В. США как либерально-демократическая империя // «США*Канада. Экономика. Политика. Культура». 2015. № 1. С. 3–20. [Sogrin V.V. SSHA kak liberalno-democratcheskya imperia [USA as Liberal-Democratic Empire. — «USA*Canada. Economics. Politics. Culture». 2015. N 1. Pp.3–20].
- CONGRESS. GOV. S.Con.Res.26. A concurrent resolution apologizing for the enslavement and racial segregation of African Americans. 111th Congress (2009–2010). — Mode of access: congress.gov/bill/111th-congress/senate-concurrent-resolution/26 (date of access 12.03.2017).
- DATABANK. Child Trends. High School Students Carrying Weapons. Indicators on Children and Youth. October 2016. 9 pp. — Mode of access: childtrends.org/wp-content/uploads/2016/10/19_Students_Carrying_Weapons.pdf (date of access 12.03.2017)

Direction of the Country. Gallup Poll. Jan. 4–8, 2017. PollingReport.com. — Mode of access: pollingreport.com/right.htm; pollingreport.com/right2.htm (date of access 12.03.2017).

Foa R., Mounk Y. The Danger of Deconsolidation. The Democratic Disconnect. — «Journal of Democracy», July 2016, pp. 5–17.

Foa R., Mounk Y. The Signs of Deconsolidation. — «Journal of Democracy», January 2017, pp. 5–15.

Ingraham Ch. There are now more guns than people in the United States // The Washington Post». October 5, 2015. — URL: washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/10/05/guns-in-the-united-states-one-for-every-man-woman-and-child-and-then-some/?utm_term=.c7309c04632d (date of access 12.03.2017).

Title 8 of Code of Federal Regulations. 8 CFR Part §1337. 1. Oath of allegiance. — Mode of access: uscis.gov/ilink/docView/SLB/HTML/SLB/0-0-0-1/0-0-0-11261/0-0-0-40317/0-0-0-40329.html (date of access 12.03.2017).

Authors

Timofey DMITRIEV — Associate Professor, School of Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; PhD in Philosophy; tmitriev@hse.ru.

Natalia EMELYANOVA — Researcher, Institute of Philosophy, RAS; Associate Professor, State Academic University for The Humanities; Ph.D in Political Science; nata.emelyanova86@gmail.com.

Vladimir MYASNIKOV — Academician of the Russian Academy of Sciences; Directorate Member, Institute of Oriental Studies, RAS; Deputy Chairman, Russia-China Friendship Association; Professor; Doctor of History; vsmyasnikov@hse.ru.

Aleksander SALITSKY — Chief Researcher, Institute of World Economy and International Relations, RAS (MEMO); Doctor of Economics; sal.55@mail.ru.

Nelli SEMYONOVA — Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS; semenovanelli-2011@mail.ru.

Vladimir VASILIEV — Chief Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Economics; vsvasiliev@mail.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petrp.yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Petr YAKOVLEV

TRUMPONOMICS AND THE ELEMENTS OF GLOBAL INSTABILITY

Abstract. *The victory in the presidential election of billionaire candidate Donald Trump may become the benchmark of a new political era not only in the United States but also in the international arena. Keeping in mind pre-election statements by the new owner of the White House it would be logical to assume that the deepest changes will occur in the realm of global economy and commerce. The new American policy can significantly change the very nature of the globalization process and impact financial and economic interests of many states on all continents.*

Keywords: *US, election of Trump, Trump effect, Trumponomics, globalization, Asia-Pacific region, Latin America, transatlantic partnership.*

Vladimir MYASNIKOV

RUSSIA AND THE ORIENT: RUSSIAN STUDIES OF CHINA

Abstract. *China occupies a special place in Russia's ties with the Orient and in the Russian perception of the East. The article offers a comprehensive view on the history of Russian Sinology from the 17th to the early 20th century. It points to the geopolitical and cultural dimensions of Russian interest towards China, dwells on the evolution of Chinese studies in Russia and identifies specific contributions made by the most prominent Russian Sinologists. It also discusses some key methodological problems of modern Sinology.*

Keywords: *Russia, Orient, East, Asia, China, Sinology, history of Chinese studies, Chinese studies in Russia*

Natalia EMELYANOVA

THE CURRENT BALANCE OF POWER IN ASIA AND INDIA'S POSITION

Abstract. *The article attempts to analyze the architecture of security and to assess the balance of power in the Asian megaregion focusing on the position and role of modern India as a rising power. Particular attention is given to such aspects as militarization of the region, the nuclear question and principles of Indian nuclear doctrine, energy deficit, rivalry and partnership between India and China, American-Indian relations in the context of the US strategic move towards the Asian-Pacific Region and US-China competition.*

Keywords: *India, Asia, China, balance of power, militarization, nuclear status, Sino-Indian relations, emerging power.*

Aleksander SALITSKY, Nelli SEMYONOVA**CHINA: ROLE OF ENERGY IN MODERNIZATION AND DEVELOPMENT OF THE INFRASTRUCTURE**

Abstract. *Chinese experience points out that building the infrastructure can support the industry as well as facilitate implementation of strategic targets. During the three consecutive five-year plans the country was investing heavily in power lines and pipelines, highways and high speed railways, port facilities and airfields. Now that the modern infrastructure has been built, China is moving forward to new management strategy and is offering attractive projects to its neighbors in Eurasia.*

Keywords: *China, PRC, modernization, investment model, transport and electricity sector, energy, power industry, infrastructure, Belt and Road initiative, Central Asia.*

Petr YAKOVLEV**RUSSIA AND SPAIN: LINES OF INTERACTION (IN COMMEMORATION OF THE 40TH ANNIVERSARY OF ESTABLISHING DIPLOMATIC RELATIONS)**

Abstract. *February 9, 2017 marked the 40th anniversary of establishing diplomatic relations between the USSR and post-Franco democratic Spain. Bilateral cooperation during this period has gained its own “kinetic energy”, which was instrumental in maintaining positive impulses even in the environment of intensified contradictions between Russia and the West. The “Trump effect”, Brexit, the Syrian crisis and other geopolitical and geoeconomic changes on the global map have been throwing new elements into the Russian-Spanish relations.*

Keywords: *Russia, Spain, Russian-Spanish relations, Russian-Spanish projects, political and economic cooperation.*

Timofey DMITRIEV**AMERICAN FOREIGN POLICY AND ITS ARCHITECTS:
A VIEW FROM THE LEFT**

Abstract. *The article reviews and comments on the overall record of American foreign policy and strategy over the past two hundred years presented in the recent book by P. Anderson — a well-known historian and a leftist theoretician. Special attention is given to analyzing his approach to the period of Cold War (1946 — 1991) as well as to the origin and implementation of the American foreign strategy during that period and to the dynamics and main trends of the American foreign policy during the last twenty-five years (1991 — 2015). P. Anderson also highlights the results of US foreign policy actions during the First and Second Administration of B. Obama as well as the author’s evaluation of the current American relations with Russia.*

Keywords: *American foreign policy, diplomatic strategy, empire, national security, Cold war, diplomacy of dollar.*

Vladimir VASILIEV**A CHANGING AMERICA: REFLECTIONS ON THE “EMPIRE OF FREEDOM”
BY N. ZLOBIN**

Abstract. *The last 25 years has been a period of rapid changes for the United States, and these changes are, most likely, fundamental and irreversible to a certain degree. Many of the author’s ideas of American democracy are nothing more than stereotypes. Yet one cannot but agree with his own metaphorical conclusion: “It looks like America has been gradually betraying itself.” It explains a lot about the recent trends in American society, the 2016 presidential campaign, the striking revolution of values and politics personified by the 45th US President Donald Trump.*

Keywords: *USA, Russia, democracy, values, civilization, liberal-democratic imperialism, American exceptionalism, firearms.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2017

№1 (9)

(январь–март)

E-journal «Perspectives and prospects»

2017

№1 (9)

(January–March)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87